

Лекции по философии и практике  
рабства, представленные в Институте  
домашнего рабства в Соединенных  
Штатах, с изложением обязанностей  
хозяев по отношению к рабам

Уильям А. Смит

Lectures  
on the  
Philosophy  
and Practice  
of Slavery

# Электронная книга проекта "Гутенберг" с лекциями по философии и практике рабства

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу [www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

**Название:** Лекции по философии и практике рабства

**Автор:** Уильям А. Смит

**Редактор:** Томас О. Саммерс

**Дата выхода:** 11 октября 2012 г. [Электронная книга № 41019]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

**Язык:** Английский

**В титрах:** Подготовлено Джонатаном Ингрэмом, Мэтью Уитоном и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

\*\*\* ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ЛЕКЦИЙ ГУТЕНБЕРГА По ФИЛОСОФИИ И ПРАКТИКЕ РАБСТВА" \*\*\*

LECTURES  
ON THE  
*Philosophy and Practice*  
OF  
SLAVERY,  
AS EXHIBITED IN THE  
INSTITUTION OF DOMESTIC SLAVERY  
IN THE  
UNITED STATES:  
WITH THE  
*Duties of Masters to Slaves.*

BY  
WILLIAM A. SMITH, D.D.,  
PRESIDENT OF RANDOLPH-MACON COLLEGE, AND PROFESSOR OF MORAL AND  
INTELLECTUAL PHILOSOPHY.

EDITED BY THOMAS O. SUMMERS, D.D.

---

Nashville, Tenn.:  
STEVENSON AND EVANS.  
1856.

# ЛЕКЦИИ ПО философии и практике РАБСТВА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В "ИНСТИТУТЕ ДОМАШНЕГО РАБСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ: обязанности хозяев по отношению к рабам".

УИЛЬЯМ А. СМИТ, доктор философии,  
ПРЕЗИДЕНТ КОЛЛЕДЖА РЭНДОЛЬФ-МЭЙКОН И ПРОФЕССОР МОРАЛЬНОЙ И  
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ТОМАСА О. САММЕРСА, доктора медицинских наук

Нэшвилл, Теннесси.:  
СТИВЕНСОН И ЭВАНС.  
1856.

Введен, согласно Акту Конгресса, в 1856 году УИЛЬЯМОМ А. СМИТОМ,  
в должность секретаря окружного суда Среднего округа Теннесси.

СОСТАВЛЕНО По ШАБЛОНУ И НАПЕЧАТАНО А. А. СТИПТОМ,  
ЮЖНОЕ МЕТОДИСТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, НЭШВИЛЛ, ТЕННЕССИ.

---

## Содержание.

### ПРЕДИСЛОВИЕ

Страница  
vii

### ЛЕКЦИЯ I.

#### ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ По ТЕМЕ АФРИКАНСКОГО РАБСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Изложенная общая тема — Почему эта дискуссия может быть расценена южанами как унижительная — Однако другие точки зрения указывают на настоятельную необходимость в настоящее время тщательного изучения этих лекций для воздействия на разум 11

### ЛЕКЦИЯ II.

#### АБСТРАКТНЫЙ ПРИНЦИП ИНСТИТУТА ДОМАШНЕГО РАБСТВА.

Если система греховна, *сама по себе*, ее греховность следует искать в принципе — 31  
Греховен ли принцип?—Определен принцип—Дан Ответ на возражения против термина “подчинение” —Влияние доктрины мистера Джефферсона на многих добросовестных людей в Южных Штатах

### ЛЕКЦИЯ III.

#### ВОЗРАЖЕНИЯ РАССМОТРЕНЫ.

Классифицированные возражения —Обсуждаются популярные взгляды — “Все люди рождаются свободными и равными” — “Все люди созданы равными” — “Все

люди в естественном состоянии свободны и равны” — И конкретная форма, в которой доктор Вэйленд выражает популярную идею, а именно: “Отношение, в котором люди находятся друг к другу, - это отношение равенства; не равенства условий, но равенства прав” — Замечания о курсе доктора Вэйленда — Его "трактате о науке морали" в качестве учебника. 60

#### ЛЕКЦИЯ IV.

##### ОБСУЖДАЕТСЯ ВОПРОС О ПРАВАХ.

Почему необходимо определить термин "права"—Право само по себе определяется 77  
как благо—Доктрина о том, что воля Бога является источником рассматриваемого права—Воля Бога не является источником права, а выражением права, которое является благом—Естественные права и приобретенные права, каждое из которых определено

#### ЛЕКЦИЯ V.

##### ДОКТРИНЫ ПРАВ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Правление, как человеческое, так и Божественное, является необходимостью 104  
падшего состояния человека — В этом согласны все люди — Человек не создавал правительство: он лишь изменил форму—Законные цели правления и средства, которые оно использует для достижения этих целей—Логические выводы: 1. Хотя у него есть власть, у него нет *права* поступать *неправильно*; 2. Как падшее существо, он без власти над собой может потерять способность к самоконтролю —Каковы права человека, 1. В состоянии младенчества, 2. В состоянии зрелости, и, 3. В диком или нецивилизованном государстве Гражданское правление не основано на уступке прав

#### ЛЕКЦИЯ VI.

##### АБСТРАКТНЫЙ ПРИНЦИП РАБСТВА, ОБСУЖДАЕМЫЙ НА ОСНОВАНИИ СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЙ, И ИСКАЖЕНИЕ РАССМАТРИВАЕМОГО ПРИНЦИПА.

Истинное субъективное право на самоконтроль, определенное в соответствии со 132  
Священными Писаниями—Абстрактный принцип рабства, санкционированный Священными Писаниями—Римское правительство—Доктор Аргумент Вэйленда о Священном Писании исследован и опровергнут —Позиции доктора Ченнинга и профессора Уэвелла исследованы и опровергнуты

#### ЛЕКЦИЯ VII.

##### ИНСТИТУТ ДОМАШНЕГО РАБСТВА.

Поставленный вопрос—Поведение хозяев — отдельный вопрос—Институт 153  
определил—Позицию аболиционистов и южан—*Презумпция* в пользу последних—Те, кто требует свободы для чернокожих в этой стране, не смогли обеспечить ее тем, кому они ее якобы предоставили—*Доктрина*, с помощью которой они стремятся подтвердить предъявленные им претензии, вместе с *фактом* истории, который считается истинным, является ложной

#### ЛЕКЦИЯ VIII.

##### ДОМАШНЕЕ РАБСТВО, КАК СИСТЕМА ПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ АФРИКАНЦЕВ В АМЕРИКЕ, РАССМОТРЕННАЯ И ЗАЩИЩЕННАЯ НА ОСНОВАНИИ ЕЕ АДАПТАЦИИ К

## СОВРЕМЕННЫМ УСЛОВИЯМ РАСЫ.

Для нашего африканского населения должно быть отдельное и подчиненное правительство—Ответ на возражение—Африканцы не компетентны в той мере самоуправления, которая дает человеку право на политический суверенитет—Они не были готовы к свободе, когда впервые прибыли в страну; следовательно, они были помещены под домашнюю форму управления—Гуманность этой политики—По мнению южан, они все еще неподготовлены—Фанатизм и опрометчивость одних и непростительная злоба других, которые выступают против Юга 176

## ЛЕКЦИЯ IX.

### НЕОБХОДИМОСТЬ ИНСТИТУТА ДОМАШНЕГО РАБСТВА ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ФАКТАМИ.

Попытки внутренней колонизации—Результат эксперимента в случае нашего свободного цветного населения—Эксперимент по колонизации на побережье Африки—Пример ханаанских народов—Краткое изложение аргументации по общему вопросу и выводы 192

## ЛЕКЦИЯ X.

### ОБСУЖДАЮТСЯ ДОКТРИНЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ.

Постепенная эмансипация популярный план — Он действовал бы, собирая рабов в несколько штатов, отрезая их от контакта с цивилизацией и низводя их до варварства—Это открыло бы северным фермерам и их прислуге дорогу в те штаты, из которых они ушли—Изменения, которым подверглась система рабства за последние годы—Сравнение прислуги в свободном и рабовладельческом штатах и единственный приемлемый план освобождения—Евангелие, единственное средство от зла рабства—Философия и практика Павла, 1 Тим. vi. 1-5 210

## ЛЕКЦИЯ XI.

### ОБУЧЕНИЕ РАБОВ ЧТЕНИЮ И ПИСЬМУ.

Начальники часто пренебрегают подчиненными—Политика Юга, подтвержденная необходимостью—Результаты, которые последуют за *попыткой* установить систему обучения чернокожих грамоте, и те, которые последуют за установлением такой системы—Внутренний элемент системы рабства в Южных Штатах предоставляет средства для их улучшения, адаптированные к их положению и обстоятельствам страны —Это дает *естественные, безопасные* и эффективные средства интеллектуального и морального возвышения расы—Перспективы африканцев в этой стране, и их окончательное переселение в Африку — страна никогда полностью от них не избавится — Мудрая и гуманная политика Юга 228

## ЛЕКЦИЯ XII.

### КОНСЕРВАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ АФРИКАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА.

Предварительные замечания—Американская партия—Нынешнее и перспективное состояние нашей страны—Большое количество избирателей в штатах со свободной почвой, которые будут находиться под иностранным влиянием, политическим и религиозным, побуждающим их отказаться от Библии и права на личное суждение—Свобода Южных Штатов от этого антихристианского и антиреспубликанского влияния—Присутствие африканской расы в Южных Штатах 257

обеспечивает им это преимущество-Непатриотическая политика свободной почвы

### ЛЕКЦИЯ XIII.

#### ОБЯЗАННОСТИ ГОСПОД ПО ОТНОШЕНИЮ К РАБАМ.

“Господа, давайте вашим слугам (δοῦλοῖς, рабам) то, что справедливо и равноценно, зная, что и у вас есть Господин на небесах”. —Кол. iv. 1.Обязанности господ и права рабов взаимны—1. Долг хозяев по отношению к своим рабам, рассматриваемый как “их деньги”: в отношении работы, отдыха, питания, одежды, жилья и найма лиц, стоящих над ними, а также по отношению к больным и престарелым. 2. Их долг по отношению к своим рабам, рассматриваемым как социальные существа — Обсуждаются наказания и социальный принцип. 3. Их долг по отношению к своим рабам, рассматриваемым как религиозные существа, — Публичное обучение в субботу и в другое время, а также возможность посещать занятия, —Наем проповедников и религиозное обучение детей

---

## ПРЕДИСЛОВИЕ.

Следующие страницы содержат содержание лекций на тему домашнего рабства в Соединенных Штатах, которые в течение нескольких лет читались на занятиях по этике в колледже Рэндольфа Мейкона.

Начиная с 1844 года, меня часто приглашали обсудить эту тему на различных массовых мероприятиях в Вирджинии и Северной Каролине. Мои занятия в колледже были вынуждены касаться темы домашнего рабства. Не только популярные идеи относительно африканского рабства в этой стране, но и специфическая трактовка этой темы многочисленными авторами текстов по этике сделали это неизбежным. Глубокое убеждение в том, что умы молодых людей получили неправильное и, при нынешнем состоянии страны, фатальное направление, как в отношении принципов учебного заведения, так и в самом учебном заведении, побудило меня заменить текст "Авторитетные источники по этому предмету" курсом лекций. Таким образом, эти лекции изначально были составлены с расчетом на устное чтение. Они были изменены в зависимости от обстоятельств их происхождения. Однако, готовя их к печати, я был вынужден учитывать класс лиц, для использования которых они были в основном предназначены, и в то же время максимально адаптировать их для широкого читателя. Я осознавал трудность определенного закрепления в сознании студента природы и пределов абстрактных истин, и что эта трудность, если вообще что-либо имеет место, значительно возрастает, когда мы переходим к тем, чье чтение не характеризуется привычками мышления, — как это было бы в случае со многими из тех, чей интерес к общей теме рабства мог бы побудить их прочитать эти лекции. Задача преодоления этих трудностей была встречена с некоторой долей болезненного недоверия.

Мои взгляды на предмет рабства как практического вопроса в целом согласуются с популярными представлениями тех сообществ, в которых в основном проживает африканское население. Но в том, что касается науки о Морали, я, как обнаружится, отличаюсь, и в некоторых аспектах весьма существенно, от тех, кто говорил и писал на эту тему.

Заключительная лекция посвящена обязанностям хозяев по отношению к рабам. По этому вопросу также может показаться, что мои взгляды не совпадают с мнениями некоторых других. Есть люди, чьи взгляды, по моему мнению, слишком свободны по всему предмету. Но я бы счел непростительно ущербным любой трактат на тему рабства, в котором не рассматриваются обязанности хозяев по отношению к рабам; и я убеждаю себя, что число тех, кто придерживается иного взгляда на этот предмет, если таковые вообще имеются, окажется чрезвычайно небольшим.

Мудро ли я поступил, попытавшись объединить в одном исполнении трактат, адаптированный к привычкам изучающего и в то же время к привычкам широкого читателя; и преуспел ли я в какой-либо желаемой степени в столь трудном начинании, определять не мне. Я могу только сказать, что, читая эти лекции для публики, я уступил серьезному желанию, часто высказываемому большим числом друзей, суждение которых заслуживает моего глубочайшего уважения и доверия. Идя навстречу их пожеланиям, я постарался отдать должное теме. Я писал честно и с искренним желанием творить добро.

За многочисленные недостатки этого тома автор убеждает себя, что заверение в том, что он был написан и подготовлен к печати под давлением других важных и часто отвлекающих занятий, будет воспринято как некое извинение. В скромной надежде, что это может, тем не менее, пролить некоторый свет на трудности общего предмета и тем самым способствовать распространению более здравых взглядов на соответствующие принципы, утихомирить раздражение общественного мнения и придать больше стабильности нашему политическому союзу, и, в то же время, произвести более глубокое впечатление на учителей важностью и обязательствами их провиденциального положения, оно с неуверенностью выносится на суд общественности.

Колледж Рэндольфа Мейкона, Вирджиния,  
18 августа 1856 г..

---

## ЛЕКЦИИ

По  
философии и практике рабства.

---

## ЛЕКЦИЯ I. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ По ТЕМЕ АФРИКАНСКОГО РАБСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Изложена общая тема — Почему южане могут считать эту дискуссию унижительной — Однако другие точки зрения указывают на настоятельную необходимость в настоящее время тщательного изучения всего предмета - результатов, к которым должны привести умы эти лекции.

Главный вопрос, который возникает при обсуждении рабства африканского населения этой страны, правильно известного как “Домашнее рабство”, заключается в следующем: *является ли институт домашнего рабства греховным?*

Позиция, которую я предлагаю отстаивать в этих лекциях, заключается в том, что рабство, *само по себе*, является правильным; или что великий абстрактный принцип рабства является правильным, потому что это фундаментальный принцип социального государства; и что домашнее рабство, как *институт*, полностью оправдано состоянием и обстоятельствами (существенными и относительными) африканской расы в этой стране, и поэтому в равной степени справедливо.

Признаюсь, мне несколько унижительно обсуждать поставленный вопрос — греховен ли институт домашнего рабства? Утвердительный ответ предполагает, что огромное сообщество южан, отличающихся несомненным благочестием, тем не менее, замешано в большом моральном преступлении по поводу рабства. Это явный абсурд по отношению к очень многим. Ибо нет ничего более определенного, чем то, что если это греховно, то они либо знают об этом, либо компетентны знать это, и, следовательно, несут ответственность. И поскольку никакая ссылка на необходимость не может оправдать просветленного человека в совершении известного греха, из этого следует, что все такие южане в высшей степени виновны, что совершенно несовместимо с признанием того, что они набожны. Говорить, как это привыкли делать некоторые, что “рабство, безусловно, *абстрактно* неправильно”, то есть, проще говоря, само по себе греховно, но что они ничего не могут с собой поделать, мне кажется совершенно необоснованным. Это предполагает, что человек может быть абсолютно вынужден совершить грех. Это, конечно, не может быть правдой. Все непредубежденные умы с готовностью согласятся, что, поскольку Божество еще не объяснило себя, оно ни в коем случае не предписывало человеку соблюдать какой-либо принцип в качестве своего долга, который он может быть вынужден нарушить в порядке своего провидения. На самом деле это столь же ложно, поскольку неверно, что мы абсолютно вынуждены быть рабовладельцами. Если правительство является, а оно, несомненно, является агентом народа, и народ выбирает, то этот агент, безусловно, уполномочен освободить его от этого института. Правда, огромные затраты на такое предприятие были бы наименьшими в списке зол, вытекающих из него; ибо полное уничтожение африканской расы в этой стране можно отнести к числу остальных. Но что из всего этого? Ничто не может оправдать совершение греха просвещенным и цивилизованным народом. Нет; даже принесение в жертву самой жизни. Кроме того, если гражданское общество откажется принести столь дорогостоящую жертву, чтобы избежать греха, то ничто не сможет заставить отдельного гражданина оставаться рабовладельцем. Он может жить в общине, как это делают некоторые, даже не нанимая раба и не владея им; или он может переехать в одно из так называемых свободных государств. Поэтому мы не должны одобрять любые подобные попытки *извиниться* за домашнее рабство. Поведение плохих людей иногда может найти апологетов. Поведение хороших людей всегда предполагает *защиту*. Поэтому, как и многие другие, я часто был огорчен неоднократными попытками некоторых псевдодрузей выдать это надуманное и нелепое извинение за способную защиту Юга.

Поддерживая институт домашнего рабства, мы либо правы, либо нет с моральной точки зрения. Мы просим извинений не просто по необходимости, и мы, безусловно, не можем требовать их на основании невежества. Те, кто утверждает, что мы неправы, прямо нападают на нашу мораль. Поступая таким образом, они обвиняют многие тысячи людей, которые являются

одними из самых цивилизованных и благочестивых людей, ныне живущих. Один этот факт является достаточным опровержением столь грязной клеветы; и с этой точки зрения можно с готовностью признать, что любая попытка более формального опровержения является унижительной снисходительностью, которой немногие южане могут добровольно подчиниться.

Но есть и другая точка зрения, с которой следует рассматривать этот предмет, которая отражает его в совершенно ином свете и ясно указывает на обязанность подвергнуть его проверке с точки зрения наиболее здравых принципов философии и религии. Оно заключается в следующем: *влияние, которое приобрели некоторые популярные заблуждения по поводу африканского рабства, и степень, в которой они угрожают миру в стране, если не самим свободам всей республики.* Я имею в виду тот факт, что в стране много людей — и немало таких, кто разбросан по нашим Южным штатам, — которые не стали бы намеренно подвергать сомнению благочестие своих сограждан, но чьи умы (это болезненно унижительно сознавать) находятся в состоянии сильного замешательства по этому вопросу; настолько, что они постоянно подвержены риску стать жертвами любых фанатичных влияний за границей, не меньше, чем одураченные тем многочисленным классом политических претендентов, которые, пренебрегая как правдой, так и моралью, любой ценой добились бы своего возвышения.

Нам также не нужно удивляться господству ошибочных мнений по поводу рабства, как и тем результатам, которыми они угрожают.

В ранний период нашей истории Томас Джефферсон осудил домашнее рабство как греховное *само по себе* и заявил, что “в Божественном разуме нет такого свойства, которое могло бы встать на сторону белых в споре между расами”: таким образом, в этом замечании предполагается, что провидение, а также атрибуты Божества направлены против рабовладельца. Благодаря тому значению, которое наши отцы-пуритане придавали высшим учебным заведениям, а также тому факту, что почва и климат Новой Англии были неблагоприятны для ведения сельского хозяйства, граждане этих Штатов с самого раннего периода истории республики поставляли большую часть учебников для школ и колледжей по всей стране. Эта крайне оскорбительная ошибка мистера Джефферсона была более или менее распространена по всем этим учебникам. Это было одно из первых размышлений об абстрактной истине, представленных умам американского народа. Это старательно прививалось с профессорских кафедр в колледжах и университетах Северных Штатов, в то время как южные литературные институты по большей части хранили молчание. Кафедры Юга также оказали свою помощь, и в некоторых случаях были ревностны и активны в распространении этого заблуждения.

Еще в 1780 году методисты заявили на общем собрании проповедников, что “рабство противоречит законам Бога, человека и природы и наносит вред обществу; противоречит велениям совести и чистой религии; делает то, чего мы не хотели бы, чтобы другие делали с нами и нашими близкими; и что мы выражаем свое неодобрение всем нашим друзьям, которые держат рабов, и советуем им свободу”. Эта доктрина была пересмотрена после организации Церкви в 1784 году, и, с небольшими промежутками времени и незначительными вариациями фразеологии, существенных черт этой доктрины придерживалась до настоящего времени эта самая многочисленная группа исповедующих христианство в этой стране. Когда-то епископ Коук из Церкви М. Е. открыто отстаивал эту доктрину с кафедр страны, пока общественное мнение не заставило его замолчать; тем не менее, оставаясь в стране, он не переставал

использовать все свое личное влияние в частных и общественных кругах против института домашнего рабства. Его примеру последовало большое число его проповедников и многие служители других христианских конфессий, которые усвоили ту же доктрину и были движимы тем же духом враждебности к этому учреждению; и которые, как и он сам, были сдержаны только той же силой общественного мнения. Кроме того, время от времени находилось много политиков, которые без колебаний признавали доктрину мистера Джефферсона и, подобно ему, делали вид, что предвидят ужасные бедствия, нависшие над страной как следствие домашнего рабства. Принимая во внимание эти факты, не может быть ничего удивительного в том, что мнения и настроения об отмене рабства пронизывают не рабовладельческие слои населения страны; и что, по крайней мере, личное, но болезненное впечатление или подозрение, что в принципе домашнего рабства должно быть что-то неправильное, пронизывает часть умов даже южан. Как бы мы ни неохотно признавали правду, необходимость вынуждает нас сделать это. Пусть следующие факты будут тому подтверждением.

Ни одно сообщество на земле не является настолько свободным от внутренних восстаний и тревожных влияний, исходящих от низших слоев общества, как сообщества Южных штатов этого Союза. Социальное положение Англии и Ирландии, а также государств континента Европа постоянно подвержены тревожному и разрушительному влиянию местных и часто широко распространенных повстанческих движений, направленных против общественного порядка и даже безопасности правительств. Северные штаты этого Союза не более свободны от этих аграрных движений, чем это может быть объяснено относительной малочисленностью их населения. Тем не менее, общее чувство безопасности охватывает всех этих людей, хотя общеизвестно, что в южных общинах очень много людей, которые находятся в постоянном состоянии лихорадочного возбуждения по поводу внутренних восстаний. Любого заявления такого рода достаточно, чтобы потрясти целое сообщество. Пустяковое дело Nat. Тернер (ничтожный по сравнению с частыми беспорядками и гибелью людей, обычными в только что упомянутых общинах) болезненно взволновал весь штат Вирджиния и целую зиму занимал ее законодательный орган серьезными дискуссиями относительно “наилучшего средства освобождения штата от инкубатора рабства”. Все эти результаты вытекают из причин, на которые мы обратили внимание.

При таком положении вещей бесполезно апеллировать к тому факту, что мистер Джефферсон, хотя и был глубоким государственным деятелем и в некоторой степени логиком, не был ни богословом, ни метафизиком; и что ни один народ на земном шаре не пользовался в большей степени благословениями щедрого Провидения, чем жители Южных штатов этого Союза. В развитии цивилизации и религии они продвинулись быстрее, чем любая другая община в стране. И все же имя мистера Джефферсона не утратило своего очарования; и, уже научившись презирать беспримерные благословения Провидения, многие южане действительно верили — пока железнодорожное сообщение не начало рассеивать иллюзию, — что их собственные счастливые Государства на самом деле возвращаются цивилизацией во тьму средневековья. Добавьте ко всему этому, что законодательные органы продолжают придерживаться мнения о том, что “домашнее рабство является большим моральным, политическим и социальным злом”. В этой связи фраза “моральное зло” ограничена ее соответствующим значением - *грех*. Без сомнения, господа. Доддридж, Ривз, Клей, Вебстер и многие другие — прославленные имена! — которые в значительной степени использовали этот язык в различных связях, имея в виду только резкое осуждение зла рабства, чтобы они могли умиловить более благоприятное отношение к тому, что они могли сказать в его защиту. Но если мы правы в уже постулированной

позиции, то нашим политикам, не в меньшей степени, чем нашим церковным деятелям, пора научиться сдерживать свои высказывания по этому вопросу. Источники общественной мысли и чувств в значительной степени были отравлены, то есть абстрактные мнения и религиозные чувства людей были испорчены и извращены.

Три великие протестантские деноминации<sup>[1]</sup> страны были разорваны на части. Флаги их освященных веками профсоюзов развеваются в пыли; и они перестали действовать как связующие звенья с нашим политическим союзом. Тайное подозрение относительно морали африканского рабства на Юге занимает умы многих наших лучших граждан — граждан, которые очень далеки от фанатизма, клеймящего позором тех, кто известен в стране как ультрааболиционисты. Великая семья методистов в округе Колумбия, рабовладельческих штатах Делавэр и Мэриленд, в Западной Вирджинии и части Миссури сохраняют свою связь с отделением по упразднению Церкви М.Е. По всей линии разделения между Церковью М.Е. на Севере и Церковью М.Е. на Юге, проходящей через Вирджинию, Кентукки и Миссури, зло, возникающее в результате конфликта и раздора мнений по этому вопросу, ежедневно умножается. Эксперимент фанатизма отмены рабства прогрессирует; и души, так же как и тела людей, находятся в горниле. Ясно, что “пока мы спали, враг посеял эти плевелы” в нашей литературе, нашей политике и нашем богословии.

<sup>[1]</sup> Методисты и баптисты, как хорошо известно, разделились непосредственно по вопросу рабства; а пресвитериане - опосредованно по вопросу конституционного права; но есть основания полагать, что агитация против рабства в Пресвитерианской церкви ускорила разделение, которого в противном случае, вероятно, удалось бы избежать.

Еще предстоит заметить и объяснить два поразительных явления. На фоне всего конфликта мнений и чувств по этому вопросу, который был неотделим от доктрин, столь радикально противоречащих практике страны, — конфликта, который в ранний период нашел свое отражение в законодательных актах, гражданских и церковных, и не перестал по настоящее время изменять федеральную политику страны, — население Африки подчинялось только определенным физическим и моральным законам в отношении места своего нахождения; в то время как институт рабства, который олицетворяет огромную массу этого населения в стране, придерживался ровного направления, никем не остановленный. ни в малейшей степени из—за антагонистических доктрин и настроений, которые так яростно боролись против нее и которые в столь многие периоды угрожали стране множеством катастрофических последствий. Во-первых, африканское население постепенно переселилось в те районы Союза, которые из-за своего климата и почвы были лучше приспособлены к рабскому труду. Почему абстрактные мнения и сентименты, изложенные мистером Джефферсоном и Церковью М.Э., которые, как предполагается, дали начало законам об освобождении Северных Штатов, не действовали для сохранения в пределах этих Штатов значительной части рабского населения, которое тогда содержалось, и обеспечения их практической свободы? Почему они избежали предполагаемого милосердия этих доктрин и нашли свой путь не как свободные люди, а как рабы, к климату и почве, более подходящим для их природы и предназначения? Являются ли эти доктрины настоящими абстрактными истинами, как утверждают их сторонники? Тогда они фундаментальны, они жизненно важны, они дают жизнь и никогда не могут не запечатлеть свой собственный сущностный характер в любой системе, к которой они применяются. Граждане Северных Штатов приняли эти доктрины. Тогда это было делом совести. Говорили, что результатом стали законы об эмансипации. Но то, что эти законы, предположительно

основанные на вере в определенные великие абстрактные истины, которые обеспечили африканцу его гражданскую свободу, должны действовать только для того, чтобы перенести его в климат и почву, более подходящие для его рабского положения, - это явление, которое гипотеза не объясняет. И опять же, сам институт домашнего рабства, в силу причин, которые очевидно, хотя и таинственно, действуют, в этот день более прочно укоренился в доверии огромной массы южан и более широко разветвлен и взаимосвязан с другими гражданскими институтами всей страны, чем в любой предыдущий период ее истории! Как это так?

Абстрактные мнения и настроения, о которых идет речь, пронизывающие нашу литературу, нашу политику и нашу теологию, были приняты таким количеством наших граждан, что дают право рассматривать доктрину как разновидность национальной веры, а чувство — как разновидность национального чувства. Нам говорят, что все люди *считают*, что рабство в принципе неправильно; то есть неправильно само по себе! и что все люди чувствуют, что это неправильно! И несомненно, во всем этом больше правды, чем вымысла! Это чистая правда, что касается граждан так называемых свободных государств. Та же доктрина не лишена сторонников на Юге; в то время как многие другие, как мы уже говорили ранее, о которых нельзя сказать, что они верят в это, тем не менее, часто являются объектами болезненных опасений. Они *боятся*, что это может быть правдой. Причины, по которым мы это проследили, полностью объясняют это; и нам не нужно бояться говорить правду. Но опять же, возникает вопрос — как получается, что сам институт, великая практическая истина, должен ежедневно, в течение долгого ряда лет становиться все более и более практичным — непреложным фактом в стране? Поистине, это явление, которое современная философия не объяснит. Если бы те, кто верил в эту доктрину, были безжалостными фанатиками — ультрааболиционистами в самом строгом смысле, — если бы те, кто выступает против нее, действительно были “сторонниками рабства” в том плохом смысле, в каком некоторые люди понимают эту фразу, то есть людьми, которые по поводу рабства нечестиво делают то, что они знают и чувствуют неправильным: при любой гипотезе мы могли бы объяснить рассматриваемое явление. Но это не те люди, с которыми я имею дело на этих лекциях. Я не принимаю во внимание все это. Это люди, с которыми не стоит спорить. Нет: люди, о которых я говорю, как с Севера, так и с Юга, - искренние, честные люди. Я лично знаю многих из них на Севере. Я встречал их на полях великих сражений, где было пролито не только крови! Я знаю, что они хорошие и правдивые люди, и я верю в то же самое относительно большого класса, который они представляют. Со многими из тех на Юге, кто разделяет их мнение как твердо верующих в доктрину Джефферсона или чьи зародышевые мнения вызывают болезненные опасения, я часто общался свободно и в равной степени уверен в их честности. Все они, вместе взятые, образуют очень многочисленный класс, и их можно с уверенностью рассматривать как воплощающих национальную веру и чувства по поводу рабства. И все же мы обнаруживаем, что рабство - это великая практическая истина, незыблемый факт в стране. Теперь, может ли быть правдой, что это мнение и чувство воплощают великую абстрактную истину — фундаментальный, жизненный, неизменный принцип, который никогда не останавливал и никогда не сможет остановить практические ошибки, потому что он овладевает совестью честных людей, — и чья тенденция, следовательно, всегда направлена на конечный практический триумф со всеми теми, кто честно принимает его? Мы не осмеливаемся утверждать это.

Не просто вера и не просто честность приводят к практическим результатам; но это *принятие истины честным сердцем*, которое никогда не может не привести к практическим результатам. Итак, в данном случае люди честны, и люди верят; и если это существенная истина, в которую

они таким образом верят, то, мы говорим, тот факт, что во всех тех штатах этой республики, климат и почва которых приспособлены для африканского труда, что именно там институт домашнего рабства должен укорениться в практике значительной части этого верующего и честного народа, и что он должен пускать свои корни в федеральную конституцию и с каждым годом проникать все глубже и глубже в законодательство всей страны, и таким образом все больше и больше вовлекать в грех этого всю массу этого верующего народа, является явлением, для которых постулат о том, что это истина, в которую они верят, не учитывается — и его нельзя заставить учитывать.

Можно считать, что ложный принцип является истиной. И ложный принцип, в который верят, имеет свои результаты, потому что в него верят; и они очень похожи на результаты веры в истину. Но мы не осмеливаемся признать, что ошибка может овладеть совестью как чистый принцип, это сделает сущностная истина. Но, опять же, есть еще один важный психологический факт, который часто упускается из виду. Умы, которые в то же время принимают антагонистические принципы, являющиеся существенными истинами, могут искренне верить в ложный принцип; но из-за различных причин, рассчитанных на то, чтобы запутать идеи, несоответствие не воспринимается. Итак, в таком случае, как этот, принцип существенной истины действительно вступает в практический антагонизм с существенной ошибкой, и это в одних и тех же умах и по одному и тому же вопросу. И поскольку истина более могущественна, чем заблуждение, в умах всех честных людей, истина находит свое применение в практических результатах, вопреки ложному принципу, который относительно бессилён в присутствии истины. Антагонизм между ложным принципом и практическими результатами вещей может быть воспринят и признан; в то время как антагонизм ложного принципа с истинным принципом, который лежит в основе этих практических результатов и производит их по закону своего собственного действия, не только не воспринимается, но фактически отрицается как существующий. Итак, до тех пор, пока этот ложный принцип искренне считается истинным и ясно воспринимается как противоречащий *практике*, но не воспринимается как противоречащий другим и более скрытым принципам, которые сами по себе являются *истинами* и признаются *истинами*, и которые порождают эту *практику*, до тех пор этот ложный принцип будет вести войну, по простому закону веры, против этой *практики*. Но поскольку эта война недостаточно сильна, чтобы свергнуть эту практику, поскольку она основана на вере *истинные* сами по себе принципы, практика останется; и до тех пор, пока остается эта ложная вера, борьба с практикой должна продолжаться. Следовательно, если таково состояние общественного сознания в этой стране по поводу африканского рабства и оно не найдет эффективного средства правовой защиты, мы не увидим ничего, что ожидало бы нас, кроме бесконечной борьбы — люди против самих себя — страна против страны! Мы воздерживаемся от набросков будущего.

Но, молодые джентльмены, я полагаю, что эта психология не может дать разгадки явлений, на которые я обратил ваше внимание, а также средства против той нескончаемой борьбы, которая уже так много сделала для ослабления моральной силы и уничтожения самых справедливых надежд страны. Не может ли быть так, что, признавая великую абстрактную доктрину мистера Джефферсона о том, что принцип африканского рабства *сам по себе* греховен, и что, как таковые, атрибуты и провидение Божества противостоят всем, кто его практикует, мы самым неразумным образом допустили ложную доктрину? И как это лжеучение, хотя искренне верил, что ряд достаточно большой, чтобы назначить его в качестве национального веру и национальное чувство, и совершенно не удалось отменить или даже изменить Института

Африки рабство, делает это не по карману сильная и четкая презумпция, по меньшей мере, что это система, которая проводится непрерывная власть над африканской расы в этой стране на протяжении более двух веков, и которая продолжает наносить свои корни все глубже и глубже во всех отношениях общество, Север и Юг—что эта система, настолько сильна в практических результатов, и поэтому прислушиваясь к ожесточенной войны, которая ведется против нее, в конце концов, *лег где-то на просторах мои принципы—чисто главные истины*, которые прочно укоренились в вере всех цивилизованных и честных людей, и которые, все вместе, привили спонтанного бытия и деятельности по ведению системы, и будет продолжать делать это возможно до тех пор, пока значительная часть гонки будет оставаться в стране?

Если эта гипотеза окажется верной, то прекрасное средство от бесконечной борьбы, столь могучей для причинения вреда, уже близко. Давайте тогда освободим себя, давайте освободим страну от господства философии мистера Джефферсона, потому что она ложна. Поступая так, мы положим конец конфликту, который сейчас бушует с таким ожесточением. Мы будем свободны обратиться к любым изменениям в системе африканского рабства, которые могут потребоваться для ее адаптации к прогрессу цивилизации.

Рассматривая весь этот вопрос в этом свете, мне кажется, что обязанность тщательного расследования этого вопроса возложена на страну как моральная необходимость. Бесполезно говорить о “деликатности и унижении” в присутствии тех плодов, которые ложная философия уже в изобилии принесла по всей стране.

Как выбранный вами инструктор, я в долгу перед вами. Я не смею уступать ваше мнение ни господству философии Вэйленда (вашему тексту), ни какому-либо другому тексту на эту тему, ныне известному стране. Я предлагаю подвести вас *кисследованию рудника истины*, который, как мы можем предположить, лежит в основе системы африканского рабства. Мы можем с уверенностью рассчитывать на достижение следующих результатов:

1. Что философия Джефферсона ложна и что верно обратное, а именно, что великий абстрактный принцип домашнего рабства *сам по себе* верен; и поэтому не в использовании, а в злоупотреблении этим принципом мы склонны грешить и тем самым навлекать на себя Божественное неудовольствие.
2. Что у нас должна быть литература Юга. Наши школы должны быть снабжены правильными учебниками по этому предмету. Яд, который сейчас содержат наши тексты, должен быть извлечен из них учеными страны. Церковь должна не исправлять только себя, как она сделала на Юге, но ее голос должен быть услышан с кафедры, проповедующей *правильные принципы*, а также правильные обязанности по этому вопросу. Истина всегда нетерпима к любым оскорблениям. Ее голос, безусловно, должен быть услышан в таких неотложных обстоятельствах, как нынешние. Это связано со многими жителями южных общин, чьи умы в большей или меньшей степени обеспокоены длительным злоупотреблением кафедрой и социальным влиянием ошибочных служителей религии в частной жизни. Это связано с интересами нашей общей страны. Мы уже многое потеряли, скрывая правду. Мы многое выиграем, смело отстаивая ее претензии, ибо “истина велика и восторжествует”.

“Истина, поверженная на землю, восстанет снова:

Вечные годы Господни принадлежат ей;

Но Эррор, раненый, корчится от боли,  
И умирает среди своих почитателей”.

---

## ЛЕКЦИЯ II. АБСТРАКТНЫЙ ПРИНЦИП ИНСТИТУТА ДОМАШНЕГО РАБСТВА.

Если система греховна, *сама по себе*, ее греховность следует искать в принципе — Греховен ли принцип?—Принцип определен—Возражения против термина "подчинение" рассмотрены —Влияние доктрины мистера Джефферсона на многих добросовестных людей в Южных Штатах.

Теперь я предлагаю перейти непосредственно к вопросу: *Является ли институт домашнего рабства греховным?* Согласно моему плану, в этой лекции будет необходимо ограничить исследование *принципом* данного учреждения. Если институт греховен, то он должен быть таковым либо в абстрактном принципе, который он включает, либо в конкретной форме, в которой он воплощает этот принцип, либо и в том, и в другом. В любом случае доктрина мистера Джефферсона подтверждается; ибо если *абстрактный принцип* неверен, то институт, который охватывает этот принцип и из которого он черпает свой характер, конечно, неверен. Безусловно, никогда не бывает правильным действовать, руководствуясь неправильным принципом. Несправедливость, как принцип, сама по себе, по общему признанию, неправильна, согласно представлениям всего человечества. Никакая форма, которую может принять действие, не сделает его правильным, если оно основано на несправедливом принципе. Следовательно, никакие обстоятельства не могут оправдать любого человека в сознательном совершении акта несправедливости. Если институт домашнего рабства включает идею несправедливости или любой подобный элемент в качестве своего общего или абстрактного принципа, в таком случае это, безусловно, было бы неправильно как в принципе, так и на практике; то есть неправильно само по себе; и мы должны без колебаний отказаться от полемики. Но аналогичный вывод не будет следовать из противоположного предложения; то есть из него не будет следовать, что если абстрактный принцип института верен, то прав и сам институт; потому что истинность условного предложения зависит не от гипотезы, а от *последующего*, как истинного само по себе и зависящего от предшествующего условия. То, что в данном случае это не так, подтверждается тем фактом, что *the утвердительное* предложение, включенное в это условие, само по себе является абсурдом, а именно: “Если *абстрактный принцип* действия является правильным, то *само* действие является правильным”. Это абсурд. Например, справедливость сама по себе является *правильным принципом* действий, согласно идеям всего человечества; но из этого не следует, что все действия, которые исходят из принципа *справедливости* являются *правильными*. А. справедливо задолжал Б. сто долларов: итак, принудить к выплате этих денег было бы само по себе справедливым поступком, потому что деньги честно причитаются А.; но если при этом Б. заберет последнюю кровать из-под жены и детей А. и лишит их последнего куска хлеба, то сам по себе *поступок* был бы очень злым, и человечество посчитало бы его лишь немногим менее виновным, чем грабителя с большой дороги, потому что это тот случай, когда требования *благотворительности* превалируют над требованиями простого *правосудие*. Не уважать требования благожелательности в таком случае

- значит действовать *попринципу* чистого *эгоизма*. Таким образом, этот поступок заключал бы в себе также неправильный принцип — эгоизм; а природа неправильного принципа такова, что он распространяет оттенок и яд вины на каждое действие, в которое он входит. Истина и ее противоположность как принципы являются яркими примерами. Если мы вообще говорим, мы должны говорить правду. Каждое высказывание, в которое, в его собственном, обобщенном смысле, входит *ложь*, даже в наименьшей степени, является отравленным действием; и тот, кто делает это, в этой степени является низменным порочным человеком, каким бы мягким ни был его язык или обаятельными манеры. Чувство вины отравило его речь; и если этот порок не будет быстро остановлен в своем развитии, он распространится по всей массе и разрушит всю его моральную структуру. Но из этого, безусловно, не следует, что все высказывания, которые сами по себе *являются истинами*, являются правильными высказываниями. Есть много фактов, которые, если бы мы хотели озвучить, мы должны были бы говорить только правду, но в то же время все мы знаем, что они должны быть похоронены (возможно, навсегда) в глубинах наших собственных сердец. Причинять вред нашему ближнему, говоря правду, когда этого не требуют требования высшей справедливости, а требования милосердия или доброты запрещают это, было бы злым поступком. Для ребенка подобным образом нанести вред родителю было бы поведением демона. Все подобные действия, хотя они и заключают в себе правильный принцип — истину, — в то же время заключают в себе неправильный принцип — *недоброжелательность*; и природа неправильного принципа заключается в том, что на каждое действие, в которое он вступает, накладывается отпечаток вины — *это неправильно*.

Вывод, к которому мы приходим, таков: если абстрактный или общий принцип действия *неправильный*, следовательно, само действие *неправильное*; но из того, что абстрактный принцип *правильный*, не следует, что действие, следовательно, *правильное*, но что само действие *либо правильное, либо неправильное*, как может определяться наличием или отсутствием определенных других совпадающих принципов; или, как мы обычно говорим, как могут определяться обстоятельства.

Если, таким образом, абстрактный принцип института домашнего рабства неверен, сам институт неверен и должен быть отменен; но если принцип верен, сам институт является или не является *правильным*, точно так же, как обстоятельства дела могут требовать или не требовать его сохранения; как и в случае любого другого действия, связанного с правильным принципом. Таким образом, вопросы, которые необходимо урегулировать, таковы:

I. Является ли абстрактный или общий принцип домашнего рабства *правильным или неправильным*? И если это правильно, то,

II. Оправдана ли система (в той мере, в какой это просто система) домашнего рабства, охватывающая этот абстрактный принцип, обстоятельствами дела? Если это так, то сама система также *правильна*. Многие ли рабовладельцы, или немногие, или кто-либо вообще, сами поступают правильно при осуществлении юридических функций этих отношений - это вопросы, далекие от нынешних исследований, даже если исходить из гипотезы о том, что сама система *правильна*. Их поведение, будь оно *правильным или неправильным* (а во многих случаях оно *правильное*, а во многих других, без сомнения, *неправильное*), никоим образом не влияет на истинность или ошибочность вопросов, которые сейчас стоят перед нами. Сейчас мы имеем дело не с поведением отдельных людей, а с деянием этого великого существа, государства — системы африканского рабства, установленной законом в стране, — и с тем глубоким

принципом истины или заблуждения, который не только превращает это *в систему*, но и делает это правильной системой или неправильной системой, в зависимости от обстоятельств.

Философия, преобладающая в рассматриваемом нами вопросе, породила две школы — *аболиционистскую* и *антирабовладельческую*. Аболиционисты утверждают, что *абстрактный принцип системы неверен* и что, следовательно, сама система неверна при любых обстоятельствах. Школа борьбы с рабством согласна с аболиционистом в том, что *принцип неправильный*, но расходятся во мнениях относительно выводов, которые они делают. Некоторые считают, что само учреждение не является неправильным ни при каких обстоятельствах, и что, следовательно, рабы могут содержаться под ним в определенных случаях без вины; а другие, что учреждение *является неправильным само по себе* и должно быть отменено государством, но что содержание рабов в рамках этой *неправильной* системы само по себе не является *неправильным* действием во всех случаях.

Тщательный анализ предмета покажет, что здесь представлена странная смесь принципов и выводов. Выяснится, что я соглашусь с каждым и не соглашусь с каждым. Я *не согласен* с обоими по абстрактному принципу. Следовательно, я не согласен с аболиционистами по всему предложению. Но я согласен с аболиционистами в том, что если абстрактный принцип *неверен*, то институт неверен во всех случаях. Я говорю вместе с ними, что все, кто допускает предшествующее этому условию, обязаны признать последующее. Следовательно, я не согласен со школой борьбы с рабством в признании того, что этот принцип *неправильный*; но в той мере, в какой они признают, что система может быть правильной при данных обстоятельствах или что рабы могут содержаться под ней без вины, мы согласны. Таким образом, я придерживаюсь положительного ответа на этот вопрос, как в отношении принципа, так и в отношении института, и, следовательно, приступаю к обсуждению вопроса:

I. Является ли абстрактный принцип домашнего рабства правильным или неправильным?

Я уже заметил, что общественное мнение так долго подвергалось злоупотреблениям по этому поводу, что для высокоинтеллектуальных людей, которым и в голову не приходит утверждать, что рабовладелец обязательно грешник, обычным делом является допускать, что рабовладение *неправильно в принципе*. Но это, мягко говоря, странное злоупотребление терминами. Правильное или неправильное действие, рассматриваемое само по себе, определяется *принципом* который оно заключает в себе, а моральный облик *актера* определяется его намерением при исполнении или его вольным или невольным незнанием этого принципа. Следовательно, разумно сделать вывод, что общественность не придает четко определенного значения фразе "*абстрактный принцип рабства*". Однако его определенное значение необходимо в данном исследовании; и, действительно, во всех случаях, если мы хотим говорить правильно и избегать неправильного применения этого термина.

В чем же тогда заключается *принцип* системы домашнего рабства?

Обратите внимание, что это принцип, о котором мы спрашиваем. Что же тогда представляет собой сама система? Ибо (выражаясь строго философски) наша идея системы является хронологическим условием нашей идеи принципа, подобно тому как наша идея принципа

является логическим условием нашей идеи системы. Мы должны воспринять действие, прежде чем сможем определить, каков его принцип, хотя мы должны иметь предварительное знание принципа, прежде чем сможем определить, какой характер этот принцип придает действию.

Система состоит из двух взаимосвязанных отношений — хозяина и подчиненного. Здесь есть только две идеи — идея хозяина и идея подчиненного, как коррелятивы. Это все идеи, которые входят в систему просто как система. Следовательно, какой бы абстрактный принцип ни охватывал эту систему, его можно найти в этих двух терминах. Его не нужно и не следует искать где-либо еще; ибо эти два отношения составляют целую систему. Без них она не могла бы быть системой рабства; и с ними она существует, и только в силу этого факта, как система рабства. Ответ на вопрос зависит только от значения этих терминов. Каково же тогда соотносительное значение этих терминов?

“Учитель. Латинское - *magister*, образовано от корня *magis, major*, больший; и тевтонского, *ster*, саксонского, *steoran*, *управлять*. Таким образом, это слово означает *главного директора— того, кто управляет людьми или бизнесом*. Ведущая идея - это идея правления по собственной воле.

Подчинение. *Происхождение* этого слова не является решенным вопросом. Однако нет никаких трудностей с определением значения — *тот, кто подчиняется воле или указанию другого*.

Как конкретный, *господин* означает того, кто управляет в *каком-то конкретном случае или форме* по своей собственной воле; и *раб*, тот, кем таким образом управляют в *каком-то конкретном случае*. Но это *абстрактные* термины. Идеи, которые они передают, могут быть задуманы и удерживаться в уме, независимо от какого-либо конкретного применения того или иного. И независимо от того, рассматриваются ли они как абстрактные или конкретные термины, они являются коррелятивами — одно подразумевает другое.

А Система рабства - это состояние или порядок вещей, установленный законом или обычаем, при котором одни люди являются хозяевами в определенной степени, а другие - в той же степени рабами.

*Домашнее* рабство - это случай, когда порядок или положение вещей, составляющие саму систему, становятся частью семейных отношений. Главой семьи является *хозяин*, а раб в том, что касается использования его времени и труда, подчиняется контролю хозяина, как и другие члены семьи. Домашнее рабство, таким образом, является одной из форм *общей* системы рабства. Система существовала в различных формах. Древняя система сельского хозяйства в Англии, крепостное право в России, система пеонов в Мексике, а также домашнее рабство в Соединенных Штатах - все это примеры собственно рабства. Это подводит нас к замечанию, что термины *господин* и *раб* являются не только абстрактными, но и *общими* терминами: *general*, потому что абстрактные идеи, которые они передают, являются общими для каждого из этих состояний. Каждая из этих систем пронизана общими принципами или идеями, которые классифицируют все в целом как принадлежащее к одному и тому же роду — системе рабства. Таким образом, абстрактный принцип рабства - это общая идея, которая одинаково заключена в каждой форме или системе рабства. Следовательно, поскольку абстрактная идея господина заключается в управлении по собственной воле, а идея раба — в подчинении такому контролю; и поскольку система рабства является условием, в которое эти идеи входят в корреляцию, из

этого следует, что *абстрактный принцип рабства* - это *общий принцип подчинения контролю по воле другого*. Это фундаментальная идея, общая для всех форм рабства. Ни одно состояние, в которое это не входит как фундаментальная идея, не является состоянием рабства. Каждое состояние, в которое оно попадает, является состоянием рабства в той мере, в какой оно в него попадает.

*Подчинение или подчинение контролю по воле другого* поскольку мы определяем абстрактный принцип системы рабства, возникают два вопроса: первый — правильное ли это определение? и, во—вторых, если это правильно, является ли это здравым, законным принципом, который может и должен быть принят на практике, когда это может оказаться разумным?

*Первый*— Правильное ли определение?

*Подчинение* - это когда тебя ставят под контроль другого. *Подчинение* - это передача себя под контроль другого. Первое подразумевает согласие воли, а другое - нет. То, что подчинение - это идея, которая удовлетворяет условиям рабства, никем не оспаривается. Следовательно, наше определение достаточно широкое, чтобы охватить то, с чем согласны все. Но наше определение придает этому принципу гораздо больший размах. Это предполагает *подчинение* так же, как и *подчинение*. Это предполагает, что желание или неучастие субъекта в этой форме контроля не обязательно входит в принцип, который логически определяет ее. Тот, кто подвергается такому контролю, является рабом; и тот, кто подчиняется такому контролю, не менее раб. Следовательно, этот принцип можно было бы еще более обобщить — *контроль по воле другого*, причем соответствующая идея подчинения только подразумевается. Но мы предпочитаем определять это в используемых терминах, поскольку оно с большей вероятностью будет оценено в предполагаемом смысле. Правы ли мы, придавая рассматриваемому принципу такой широкий смысл? Не слишком ли много мы предполагаем, когда говорим, что человек тем не менее является пленником и подчиняется контролю похитителя, потому что он добровольно отдает себя в качестве такового? Является ли в таком случае человек меньшим рабом, если добровольно соглашается подчиняться чужой воле? Популярное использование терминов во всех языках показывает, что человечество признало этот момент. Все они применяют идею рабства к такому случаю. Более того, они дают конструктивное значение термина, основанное на этом значении. Они называют человека “рабом своих страстей”, который *добровольно* отдал себя под контроль своих будущих желаний со стороны своих страстей как субъективного мотива своих действий. “Нет более тяжкого рабства, чем то, которое является добровольным”, - говорит Сенека. “Быть рабом страстей более тяжело, чем быть рабом тирана”, - говорит Пифагор. “Никто не может быть свободным, если он стремится потворствовать порочным страстям”, - говорит Платон. И Цицерон говорит: “Все нечестивые люди - рабы”. Святой Павел, Рим. vi. 16, использует этот термин в том же смысле и с величайшей уместностью: “Разве вы не знаете, что тому, кому вы отдаете себя в рабы [δοῦλος, рабы], чтобы повиноваться, его слуги [рабы], которым вы повинуетесь; будь то грех к смерти или послушание к праведности?” (См. Dr. A. Clarke, в лок.) И еще, Ефесянам vi. 5-7: “Рабы, [δοῦλοι.] будьте послушны тем, кто является вашими господами по плоти, со страхом и трепетом, в простоте ваших сердец, как Христу: не для отвода глаз, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от всего сердца; с доброй волей, служа, как Господу, а не людям”. *Исполнять волю Божию — с доброй волей*. Мы, безусловно, должны понимать, что долгом этих рабов было давать согласие на свое положение, как на то, что приходило к ним в порядке Божьего провидения, *и было угодно ему*; и поэтому служить своим хозяевам с таким же

добровольным послушанием, потому что этим они служили Господу. Ибо эти люди, как мы можем предположить, изначально были сделаны рабами в результате подчинения. Их призывают подчиняться не только конкретным приказам своих хозяев, но и их провиденциальному положению. Приказам своих хозяев они могли бы повиноваться из простых благоразумных соображений. В этом случае их послушание было бы лишено религиозного элемента. Павел призывает их к религиозному послушанию. Многие, без сомнения, подчинились: дали *согласие* на свою волю, как они дали согласие на свое понимание; и, следовательно, с радостью подчинившись своему провидению, как исходящему от Господа, они повиновались своим учителям “в простоте сердца, как Христу”. Они подчинились, как подчиняется любой другой хороший человек, с согласия, а также с согласием на свое провиденциальное условие, и приступают к выполнению обязанностей, связанных с этим условием, с веселым сердцем. Поэтому их состояние было изменено с состояния *подчинения* на состояние *покорности*, и так долго, как было угодно Богу. Перестали ли они по причине такого подчинения быть рабами? Конечно, нет. Они были рабами, когда находились в состоянии *подчинения*. Они были не менее расстроены, когда из высоких христианских побуждений, заповеданных апостолом, их состояние было изменено на *покорность*. Как бы то ни было, однако, следующий случай является решающим во всем вопросе. Древний еврей, который *отдал* себя в рабство, был рабом не меньше, потому что он сделал это добровольно; и закон Моисея предусматривал, что таковых следует содержать и обращаться с ними как с рабами вечно. Смотрите Исход xxi. 5, 6: “И если слуга прямо скажет: я люблю моего господина, мою жену и моих детей; *я не выйду на свободу*; тогда его господин должен привести его к судьям; он также должен привести его к двери или к дверному косяку; и его господин должен проткнуть ему ухо шилом; *и он должен служить ему вечно*”. Таким образом, закон Божий сделал человека рабом, который стал им по своей собственной воле. Следовательно, состояние *подчинения* *control by the will of another, is no less a state of slavery than a state of subjection* Если само государство является государством рабства, то идея *подчинения*, которая делает его таковым, в данном случае является элементом системы. Следовательно, истинное философское определение принципа, как указывалось ранее, - это *контроль по воле другого* с подразумеваемым его коррелятом (подчинением, в зависимости от обстоятельств). Это может быть одно; это может быть и другое; и что бы это ни было в данном случае, это простая логическая случайность *этого* случая и никоим образом не влияет на *принцип* сам по себе.

Поскольку всю абстрактную идею системы рабства можно найти в соотнесенных терминах *господин* и *раб*; а *подчинение* и *подчинение контролю по воле другого* - это вся идея, содержащаяся в соотносительном значении этих терминов (конечно, не более и не менее), данное определение является целым, и не более, абстрактным принципом института. Тот, кто находится в таком состоянии, до такой степени является рабом. Какая бы система ни охватывала этот принцип — неважно, какую форму он может принять, какие совпадающие принципы он может включать, или какое название ему может быть дано, или насколько практическое применение этого принципа может быть изменено, — тем не менее, это в той мере, в какой этот принцип входит в него, *система рабства*. Это может быть мудрая система, потому что это необходимое средство для достижения какой-то желаемой цели; или это может быть неразумная система, потому что это средство, непригодное для предлагаемой цели. Но ни одна из гипотез никоим образом не повлияет на принцип. Это одно и то же в одном случае, как и в другом; то есть, независимо от того, злоупотребляют им или используют должным образом, сам принцип один и тот же. Но можно ли его вообще правильно использовать? Это приводит

ковторому вопросу — является ли это разумным, легитимным принципом, который может и должен применяться на практике всякий раз, когда это может оказаться разумным?

Нам не нужно стесняться признать, что если обнаружится, что несправедливость или любая подобная идея входят в качестве элемента в абстрактный принцип, то это отравленный принцип, руководствоваться которым ни один честный человек не позволит себе действовать. Но так ли это на самом деле? Несомненно, в рабстве может быть несправедливость, как и в любой системе, подданными которой являются люди: то есть любой *хозяин*, действующий под властью этой системы, может совершить большую несправедливость; но мы утверждаем, что, поступая так, он вводит принцип, чуждый системе, и за который он несет личную ответственность: он делает то, что портит характер всего представления, и ставит на своем личном поведении печать вины за несправедливость.

Как бы небрежно ни относились многие люди к этому предмету, все же мы можем заверить себя, что небольшое размышление убедит любой непредвзятый разум в том, что этот принцип является законным и ни в коей мере не может рассматриваться как греховный. Всем разумным умам легко придет в голову, что этот принцип входит в более или менее качестве существенного элемента в каждую форму человеческого правления. Никакое правительство не может быть подходящим для людей в их нынешнем падшем состоянии, если оно в большей или меньшей степени не воплощает этот общий элемент.

Формой контроля, четко воплощающей идею правления и в то же время предоставляющей абсолютную свободу, является солицизм. Если бы люди единообразно управляли собой по своей собственной воле, не было бы необходимости в правительстве или места для его осуществления, по крайней мере в том смысле, в каком мы сейчас понимаем этот термин. Я допускаю, что правительство, приспособленное к такому народу, могло бы быть лишено элемента физического контроля, столь необходимого в человеческих правительствах. Это было бы (по сравнению с человеческим) модификацией правительства — если это можно назвать правительством, — для которой в нашем языке нет термина. Мы не можем представить себе, что это подходит для какого-либо разума по эту сторону "духов праведных людей, ставших совершенными на небесах". Мы полагаем, что они достаточно разумны, чтобы ясно и правильно понимать все обязанности, относящиеся к различным отношениям, которые они поддерживают, и настолько совершенны в нравственном чувстве, что выполняют эти обязанности, руководствуясь импульсами своей собственной *спонтанной воли*. Правительство, как его можно понимать и применять к таким разумным существам, должно существенно отличаться от того, которое подходит существам с произвольной волей; и которые, следовательно, должны привлекаться к ответственности за осуществление своей свободы с помощью самых жестких ограничений из числа уголовных санкций. Для этих последних правительство, которое не воплощало бы в себе *принцип* рабства, вообще не было бы правительством.

Авторитетный контроль с его коррелятом (согласно приведенной более общей классификации) является абстрактным принципом рабства. Но состояние свободы противоположно состоянию рабства. Таким образом, абстрактный принцип состояния свободы противоположен принципу рабства. Следовательно, *самоконтроль* является абстрактным принципом свободы, в то время как его противоположность - *контроль со стороны другого* — является принципом рабства.

Итак, каждое правительство, приспособленное к падшим существам, чья личная или ментальная свобода заключается в *произвольном* волеизъявлении, обязательно представляет собой комбинацию этих двух противоположных элементов — принципа свободы и принципа рабства. Любой из них, самостоятельно войдя в систему управления, в конечном итоге нанес бы ущерб законной цели правительства — счастью народа. Если бы правительство основывалось только на принципе свободы, предоставляя каждому человеку неограниченную свободу самоконтроля, получилась бы самая дикая анархия; если бы во избежание этого следовало принять противоположный принцип, не допускающий свободы самоконтроля, но подчиняющий всех контролю по воле другого, он был бы признан столь же невыполнимым, сколь другой губителен, и, насколько успешен, подходящим только для идиотов и младенцев. Хорошее правительство - это такое гармоничное объединение этих противоположных элементов, которое приспособливает его к нуждам народа. Ибо как в химии элементы, находящиеся в противоположных электрических состояниях, соединяются и образуют ценные соединения, так и в политической науке антагонистические принципы обязательно входят в состав правительства. Характер или разновидность правительства определяется соотношениями, в которых эти элементы участвуют в его формировании. Если принцип рабства в значительной степени проникает в правительство в сильно консолидированной форме, то это абсолютная монархия или военный деспотизм. Если осуществление этой верховной власти распределяется между главами семей, то она принимает патриархальную, или домашнюю, форму. Если этот принцип проявится в меньшей, но все же в гораздо большей степени, чем принцип самоконтроля, то возникнет какая-нибудь из форм конституционной монархии или наследственной аристократии. Если эти противоположные принципы войдут в состав правительства в несколько равных соотношениях, то это будет демократическая республика — хорошо сбалансированное правительство, — каким и должно быть наше. Отсюда мы видим, что Бог сделал благословение гражданской свободы неотделимым от наличия и действия принципа рабства. Нынешнее положение дел таково, что правительство не может иным образом обеспечить свободу своим подданным, кроме как ограничив их до определенной степени самоконтроля; или, другими словами, правительство должно подчинить своих подданных принципу рабства в некоторых вещах, чтобы более эффективно обеспечить их практическую свободу в других вещах. И гражданин, который может быть полон решимости не подчиняться такому порядку вещей и будет упорствовать в том, чтобы делать, руководствуясь порочной волей, то, чего государство — *его господин* — говорит ему не делать, рано или поздно окажется низведенным до состояния самого унижительного рабства в стенах государственной тюрьмы.

Совершенно очевидно, что правительство, стремящееся обеспечить своим подданным максимальное счастье, должно быть приспособлено к их социальному и моральному состоянию. Это приспособление, как указывалось ранее, может быть осуществлено только при соотношении, в котором антагонистические элементы *свободы и рабства* должны войти в состав правительства. В конце концов, фактически это позиция не менее выдающегося аболициониста и литератора, чем доктор Вэйленд, автор вашего текста. По вопросу *“способа достижения целей общества”*, после рассмотрения различных форм правления — *“полностью наследственной”, “частично наследственной”, “частично выборной”* и *“полностью выборной”* — он спрашивает: *“Какая из них является предпочтительной формой правления?”* и добавляет: *“Ответ должен быть условным. Лучшая форма правления для любого народа, - это та, которую его нынешнее моральное и социальное состояние делает практически осуществимой. Народ может быть настолько всецело отдан влиянию страсти и так слабо подвержен*

влиянию моральных ограничений, что правительство, полагающееся на моральные ограничения, не могло бы просуществовать и дня. В этом случае все же остается подчиненный и неполноценный принцип — *принцип страха*; и единственное средство - это правительство силы, или военный деспотизм”. Теперь, что все это, как не утверждение великой истины, которую мы уже обсуждали, только в других терминах, что правительство над народом в моральных и социальных условиях, описанных доктором Вэйландом, которое опиралось на “моральную сдержанность”, то есть на принцип самоконтроля, “не могло существовать ни дня”; и что для такого народа “правительство, основанное на единственном средстве — это правительство силы, или военный деспотизм”, то есть *высшая мыслимая форма или система рабства*. И это говорит доктор Вэйленд после того, как он вел беспощадную войну как против принципа, так и против практики рабства! Разве это не пример, когда великий и честный ум, приняв определенные ложные представления в противовес системе рабства, воюет против этой системы; в то же время в основе этой системы, даже в его собственном методе рассуждений, лежит обширная копилка фундаментальных принципов, которые, вопреки ему, придают ей и бытие, и активность? Зачем такому образованному человеку, как доктор Вэйленд, позволять истине ускользать от его внимания, потому что в одном случае она носит форму одной формы слов, а в другом случае вполне уместно принимает форму другой формы языка?

Продолжим: История сообщает нам о многих таких сообществах, подобных тем, которые были определены доктором Вэйландом, для которых любая другая форма правления была бы совершенно неподходящей, кроме той, которую он называет “*правительством силы или военным деспотизмом*”, что является не чем иным, как высшей формой рабства. И ваш собственный здравый смысл, юные джентльмены, должен заверить вас, что было бы вопиющим абсурдом наделять безрассудных пятнадцатилетних мальчишек или толпу глупых язычников всеми правами свободных граждан этой великой республики. Нет: один класс должен оставаться в рабстве (ибо давайте без стеснения называть вещи своими именами) *авторитетного контроля* со стороны их родителей; а другой должен быть подчинен действию того же общего принципа со стороны государства. И, используя собственный язык доктора Вэйленда по этому вопросу — каким бы самоубийственным он ни казался, — мы добавим в отношении таких граждан, которые “*полностью отдались влиянию страсти*”, что “после установления правительства силы и формирования привычек подчинения, в то время как моральные ограничения еще слишком слабы для самоуправления, наследственное правительство, которое обращается к воображению и укрепляется влиянием домашних связей и установившихся обычаев, может быть настолько хорошей формой правления, насколько это возможно выдержать. По мере того, как они продвигаются в интеллектуальном и моральном развитии, это может с выгодой становиться все более и более избирательным; и в соответствующем моральном состоянии это может быть полностью таковым.” Теперь, чтобы изменить язык, на котором выражаются эти важные факты, чтобы выявить великие философские принципы, которые так очевидно лежат в их основе, мы бы сказали, что когда правительство, приспособленное к невежественным и развращенным людям, действовало с помощью мудрых приемов для формирования у масс привычек подчинения, указывается модификация элементов управления, наиболее соответствующая их состоянию. Может быть принята какая-то из форм наследственного правления. При таком правительстве *принцип рабства* действует менее активно, и появляется больше возможностей для игры противоположного принципа самоконтроля. Но поскольку моральный принцип еще слишком слаб для собственно

самоуправления, он все еще находится под сильным контролем своего антагонистического принципа — принципа рабства. По мере того как они продвигаются в интеллектуальном и моральном совершенствовании, дальнейшая модификация относительного действия этих принципов считается надлежащей. Она может становиться все более и более выборной, то есть все больше и больше демократической республикой; и при соответствующем моральном состоянии она может быть полностью такой, то есть правительством, в котором *принцип рабства* и *принцип свободы* действуют примерно в равных соотношениях. Мы называем это хорошо сбалансированным правительством. Если оно соответствует этому условию, то только потому, что эти противоположные принципы настолько сдерживают и уравнивают друг друга, что правительство вряд ли будет несбалансированным. Одно удерживает другое в *равновесии*. Принцип самоконтроля так энергично действует в массах и так усилен до неусыпной активности совпадающими силами, проистекающими из интеллекта и интересов, что *принцип рабства - контроль по воле другого, который в данном случае является волей большинства* — не компетентен, согласно теории этого правительства, отменять и подавлять свободы страны. С другой стороны, *принцип рабства*, который является великой *практической силой* правительства, ослабленный преобладающим в народе энтузиазмом к широчайшей свободе и не получающий *настоящей* помощи от процента, обнаруживает этот недостаток настолько полно благодаря тому факту, что его олицетворением является *воля большинства*, что он способен противостоять самым сильным потрясениям, которые могут возникнуть из-за ошибочного самоконтроля масс. Как часто в истории нашей славной республики мы видели, как возбужденные страсти масс, теряя способность к самообладанию, подобно урагану проносились по лону нашего политического моря и превращали воды в шторм, который угрожал поглотить надежды нации! Но так *жизненен* и так *активен* был тот принцип, который составляет истинную силу правительства, что этот великий идеал, государство — “Корабль государства!” — преодолел бурю в полной безопасности; и наконец, как и в первый раз, флаг свободы все еще развевался на верхушке мачты.

Итак, это все, что было сделано для практического применения так называемой науки свободного правления; и в этом мы не можем не видеть, что сдерживающий и контролирующий *принцип рабства* все еще активно действует. Мы называем это, для пущей убедительности, *свободным* правительством; и так оно и есть, *относительно других форм, очень свободное правительство*. Но тогда это лишь относительно, а не абсолютно так; ибо если бы оно стало полностью свободным, полностью исключив действие принципа рабства, оно сразу же свелось бы к форме правления, которая уполномочивает каждого человека поступать во всем и во всех отношениях так, как ему заблагорассудится, — гарантия, которую при нынешнем состоянии падшей человеческой природы оно никогда не смогло бы обеспечить, и, следовательно, фактически это было бы вообще отсутствие правительства.

Видя, что абстрактный принцип рабства обязательно и существенно входит в качестве элемента в каждую форму гражданского правления, было бы хуже, чем праздно утверждать, что это неправильно, *само по себе*. Но более того, на это есть санкция Иеговы: ибо правление, необходимым элементом которого, как мы видели, оно является, прямо провозглашено в Священном Писании как его постановление. Это в значительной степени вошло в теократию, с помощью которой он управлял еврейским народом; и действительно, в равной степени заметно в правительстве, которое он осуществляет над всем человечеством, если мы возьмем это в широком смысле, как понимание конечных наград и наказаний, которые ожидают нас в будущем государстве. Насколько же глупо тогда говорить о системе рабства, что она неверна

абстрактно — неверна в принципе! Как мало люди учитывают то, что они утверждают в этом заявлении! Конечно, ни один человек в здравом уме не станет серьезно утверждать о главном принципе правления, что он неправильный! Таким образом, мы повторяем, что действительно настало время, чтобы определенные политики, а также церковники научились сдерживать свои высказывания по этому вопросу. Они уже совершили неисчислимое зло. Они признали это безумием фанатизма, который, будь он правдой, сделал бы домашнее рабство, как и любую другую форму гражданского правления, совершенно неоправданным, а их сторонников объектами жалости и презрения цивилизованного мира.

Среди нас есть много людей, которые, хотя и не являются достаточными метафизиками, чтобы обнаружить и разоблачить ошибочность вывода, достаточно искренни, чтобы признать, что если общепринятая догма Джефферсона верна, домашнее рабство никогда не может быть оправдано на практике никакими обстоятельствами; и у них достаточно благочестивых чувств, чтобы побудить их к большим колебаниям в поддержке института ввиду этого признания, хотя на это их вынуждают обстоятельства неотложного долга перед самими рабами. При таком положении вещей во многих чувствительных умах возникает самое болезненное состояние чувств. Под давлением, с одной стороны, того, что считается правильным принципом, а с другой — требований высокой моральной необходимости - необходимости управлять своими рабами и обеспечивать их, что, как они ошибочно полагают, противоречит правильному принципу, — они на самом деле оказываются в крайне затруднительном положении, из которого они вздыхают по освобождению. Многие из них тихо ушли на пенсию из штата, в котором они родились, и выбрали в качестве единственной альтернативы. (Это может объяснить большее количество переселений, обычно приписываемых изношенным землям, чем многие из наших политиков предполагают.) Другие остаются, это правда, но это скорее акт подчинения, чем покорность. Граждане этого класса (а это немалый класс), конечно, всегда склонны стать жертвами любого фанатичного движения по вопросу рабства, которое может иметь место в стране. Во все это зло ораторы и писатели, о которых идет речь, внесли свою полную лепту. Да, что касается меня, я не сомневаюсь, что они внесли гораздо больший вклад в недовольство религиозной общины Юга - подавляющего большинства всего населения, — чем все аболиционисты Севера, вместе взятые. Несомненно, магия их названий в настоящее время позволяет Церкви М.Е. (самой регулярной и четко выраженной антирабовладельческой, если не сказать аболиционистской, ассоциации, существующей на сегодняшний день в стране) сохранять свои позиции в округе Колумбия, штатах Делавэр и Мэриленд, а также вдоль северной границы Восточной и большей части Западной Вирджинии, вместе с частью Кентукки и Миссури. Авторитет их имен также настолько тревожит чувства многих хороших людей по всей стране, что делает их жертвами политических уловок определенных политиков, которые под прикрытием “свободомыслия”, “закона о беглых рабах” и волнений “Небраски” нарушают их права и оскорбляют всю страну перед цивилизованным миром; и кто, последнее, но не менее важное, ежедневно угнетает африканское население инкубом болезненной чувствительности по отношению к ним, что полностью препятствует системе, при которой они существуют. они живут за счет чего угодно, например, разумного участия в прогрессе цивилизации. Принимая во внимание эти факты, мы снова предполагаем, что им действительно пора научиться сдерживать свой язык в отношении африканского рабства. Общественное мнение во всей стране вскоре должно стать нетерпимым к столь грубому искажению правды.

---

## ЛЕКЦИЯ III. ВОЗРАЖЕНИЯ РАССМОТРЕНЫ.

Классифицированы возражения—Обсуждены популярные взгляды — “Все люди рождаются свободными и равными” — “Все люди созданы равными” — “Все люди в естественном состоянии свободны и равны” — И конкретная форма, в которой доктор Уэйленд выражает популярную идею, а именно: “Отношение, в котором люди находятся друг к другу, — это отношениеравенства; не равенства условий, а равенства *прав*” — Замечания о курсе доктора Уэйленда - Его "Трактат о науке морали" в качестве учебника.

Теперь уместно рассмотреть некоторые спекуляции в Науке о морали, которые, как можно предположить, опровергают позицию, обсужденную в предыдущей лекции. Насколько они попали в поле моего зрения, все они принадлежат к одному классу. Общее возражение может быть сформулировано таким образом:*рабство - это ограничение прав, на которые порабощенные наделены природой; или, что более логично, рабство - это ограничение неотъемлемых прав.* Эта доктрина выражается в разных формах языка, но, по сути, имеет один и тот же смысл. Именно с популярным взглядом на этот предмет я предлагаю разобраться в этой лекции. Следовательно, я ограничу свои замечания, в первую очередь, возражением в том виде, в каком оно обычно *существует в мышлении*, и обращаю внимание на несколько популярных форм выражения:

### 1. “Все люди рождаются свободными и равными”.

До тех пор, пока в течение нескольких прошедших лет эта догма не стала стереотипом во всех учебниках страны — от рогового сборника до самого выдающегося трактата по моральной науке для колледжей и университетов. Со времен Джефферсона и по сей день это был текст для шумной болтовни “политика-обрубка” и глубокомысленных дискуссий серьезного сенатора в Конгрессе Соединенных Штатов. Если эта догма, в том виде, в каком она обычно существует в мышлении, верна, из этого следует, что любое ограничение свободы является нарушением изначального и естественного права, то есть неотъемлемого права. Следовательно, каждая система рабства должна основываться на ложном принципе. Популярный смысл, в котором этот язык обычно понимается от отца к сыну, очевидно, является буквальным. Но, взятая в этом смысле, доктрина совершенно ложна. Ибо люди рождаются в состоянии младенчества и вырастают до состояния зрелости; а младенцы совершенно неспособны к свободе и не наслаждаются ни малейшей ее частицей. Следовательно, они *are* рождаются не одинаково свободными, а в состоянии полного подчинения. Они вырастают, это верно — если они не слабоумные — до определенной степени ментальной свободы, то есть свободы произвольного волеизъявления в простых вопросах *правильного* и *wrong*, and hence are accountable; but the degree of this liberty, or how far they are thus mentally free, depends upon the accident of birth, education, and numerous coincident circumstances, which destroys all equality of mental freedom; and as to *equality*, то едва ли утверждение их равенства достойно уважения чувств человечества. Они не *физически* равны. Никакие два человека не сравнятся точно в этом отношении. Они не *политически* равны. История всех человеческих правительств во все времена показывает это. Быть “дровосеками и носильщиками воды”, в неравном и подчиненном положении, *по отношению к немногим*, было уделом огромной массы человечества со дней Адама. Но, говорит “социалист” (для которого доктрина гораздо более похвальна), “это последнее как раз

то положение вещей, которое мы осуждаем и утверждаем, что таково никогда не было намерением Божества, но что это его воля, чтобы не было такого неравенства между людьми; что его воля сама по себе *правильна*; и какими мы должны быть по его воле, это *правильно* для нас быть, и это наше право *быть*; и та система, которая делает наше состояние отличным от этого, лишает нас наших прав". . "Такова философия социализма.

Это правда, что неравенство условий жизни людей во многом обусловлено злоупотреблением превосходством, которое интеллект дает немногим; но это признание не продвигает дело социализма. Ибо, если бы было допущено, что воля Божья является единственным правилом права, то есть само по себе *является* правильным, *вместо того, чтобы утверждать, что то, что само по себе является* правом, является волей Бога, — это не помогло бы аргументу. Ибо, согласно этой гипотезе, воля Божья является единственным правилом права, поскольку, по другой, она соответствует единственному правилу права; так что и в том, и в другом случае воля Божья может быть принята как определенное правило права. Чего же тогда он желает? Что касается настоящего предмета исследования, мы можем судить о том, чего он желает, только по тому, что он сделал. Теперь мы увидели, что Он не наделил души людей равными способностями и даже не поместил их в условия провиденциального равенства, благоприятные для равного развития тех неравных способностей, которые он им дал. Высокий интеллект является условием неравенства. Там, где это существует, существует существенное неравенство, и практического неравенства обычно избежать невозможно. Следовательно, *высшие* и *низшие* термины, а также родственные им термины встречаются во всех языках, и условия, которые они представляют, встречаются у всех людей. Следовательно, неравенство между людьми - это воля Бога; и если его воля является правилом для *наших прав*, то у нас нет абстрактного права на равенство. Скорее, наш долг - подчиниться тому неравенству условий, которое является результатом превосходства в интеллекте или моральной силе других. Превосходящая физическая сила может на какое-то время дать нам преимущество; но все придет к своему пределу. Высший разум в конечном счете приведет своего обладателя к предназначенному ему возвышению. Состояние угнетения - это не просто состояние *неравенства*. Это тот случай, когда высший интеллект унизил и огорчил тех, кто стоит ниже него, оказавшись в низшем положении; или это пример, когда с помощью грубой силы люди с низшим состоянием на какое-то время возвысились за счет тех, кто обладает высшим интеллектом. Если нас угнетают любым из этих способов, мы имеем право жаловаться, потому что наши угнетатели нарушают волю Бога относительно нас — нарушают наши права; но мы не имеем права жаловаться просто на *неравенство*. Неравенство - это закон Небес. Тот, кто жалуется на это, не менее *неразумен*, чем заключенный, который беспокоится о своем положении и натирает себя о решетки и засовы тюрьмы, которая надежно его удерживает!

Но если догму, о которой идет речь, нельзя заставить служить делу истины, то ее часто заставляли служить делу политики. Многие не постеснялись использовать его как набат для созыва клана, причем не просто подчиненных, но настолько деградировавших в своей неполноценности, что за то, чтобы удостоиться звания "*свободных и равных сограждан*", они были готовы, как слуги, склонить шею перед своими хозяевами, унижить себя, опозорить государство и оскорбить Иегову!

2. "Все люди созданы равными".

Это всего лишь еще одна форма, в которой социальная философия с удовольствием выражает свою единственную идею. Нам остается только заметить дополнительную ошибку, вызванную изменением языка. “Все люди, ” говорится, - сотворены“. В первой части Книги Бытия написано, что “Бог сотворил человека по образу своему: по образу Божьему сотворил он его: мужчину и женщину сотворил он их”. Термин “человек”, конечно, следует понимать в его общем смысле, и все, что утверждается, это то, что Бог непосредственно *сотворил* Адама и Еву и все их потомство в них по плоти; и от которого, следовательно, они произошли, как душа, так и тело, через *поколение*, а не отдельным актом творения Иеговы. Итак, из этих двух сотворенных существ одно было поставлено в прямое и непосредственное подчинение другому; и хотя верно, как это часто бывает на практике, что *грехопадение* изменило этот порядок вещей и поставило жену во главе дел, все же доктрина главенства, доктрина *неравенства*, преобладает как в одном, так и в другом случае. Нелишне, однако, заметить мимоходом, что даже такой великий и смиренный человек, как апостол Павел, предпочитал старомодное учение: он настаивает на том, чтобы мы соблюдали первоначальный порядок вещей: “Я не позволяю женщине узурпировать власть над мужчиной”; 1 Тим. ii. 12; “но им заповедано быть в послушании, как и закон говорит”. 1 Кор. xiv. 34.

Что касается других пунктов этой догмы, то они уже рассматривались. Мы только добавим, что философия, не в меньшей степени, чем религия и истинный патриотизм, не может не сожалеть о том, что догма, отвергающая каждое из их утверждений и проповедующая чистейший аграризм, и что в самой смертоносной форме — *форме чистой абстрактной истины*— нашла свое отражение в этом бессмертном документе, Декларации независимости Америки. Мы не можем объяснить это иначе, как тем фактом, что один из ведущих умов этой великой газеты был сильно пропитан неверующей философией Франции.

3. “Все люди в естественном состоянии свободны и равны”.

Именно в такой форме этот великий человек, Локк, изложил свою доктрину социализма. Философская школа освободилась от ошибок Локка и от большей части неверия Юма, которое эти ошибки обрушили на мир. Ошибка, на которую сейчас обращают внимание в нестабильном политическом состоянии Франции, была использована коммунистами: последовали неверность и анархия. От них он был освящен в сокращенной форме слов в величайшем государственном документе, который когда—либо был написан, - “Декларации независимости” - и включен в популярный язык американского народа, и, действительно, в язык каждого народа, где говорят на английском языке. Великие и добрые люди, которым ненавистна глупость социализма, не стесняются утверждать, что истинная теория всех правительств заключается в том, что они являются ограничением первоначальных и естественных прав; забывая о том факте, что именно из источника социализма они черпают свой первоначальный запас идей. Сторонники республиканского типа утверждают, что правительство должно основываться на *науступках* большинства и что все остальное является тиранией. Я предлагаю рассмотреть эту идею в будущей лекции. Сейчас я рассматриваю догму только в буквальном смысле — в той форме, в которой она существует в популярном мышлении.

Буквально, каково состояние человека по природе? и свободен ли он и равен ли в этом состоянии? Мы можем представить себе человека существующим только в одном или другом из двух состояний; одно из которых является его естественным состоянием, а другое - чисто гипотетическим: то есть *простым*, или индивидуальным состоянием, и *сложным*, или

социальным состоянием. Представлять людей в их простом состоянии или как *не находящихся в состоянии общества* - значит представлять их существующими как простых индивидуумов, то есть *без связи или отношения друг к другу*. Является ли это *естественным* состоянием человека - состоянием, предназначенным для него природой? Конечно, нет. Истории известно не больше, чем нам, что какая-либо группа людей когда-либо существовала подобным образом. Таким образом, это всего лишь гипотетическое состояние. На самом деле такого положения вещей никогда не было и никогда не будет. Действительно, исходя из гипотезы о том, что таково было изначальное состояние людей по природе или по замыслу Господа, из простого трюизма следовало бы, что каждый из этих отдельных индивидуумов был *свободен* от контроля со стороны любого из них или всех остальных: то есть все они были *свободны* и равны. То, что этот трюизм выражает истинность дела, несомненно, существует в мышлении очень многих; но они упускают из виду гипотезу, которая делает его гипотетическим трюизмом, просто потому, что на самом деле он никогда не существовал и никогда не может существовать.

Представлять людей в *социальном государстве* - значит представлять их в их отношениях друг к другу. Следовательно, это *сложное* состояние. В это состояние входят несколько идей — не только индивидуальность, как в первом случае, но также смежность времени и места, разнообразие и часто противоположность отношений, вместе со всеми идеями, которые в виде последовательностей вырастают из них. Итак, ведущей идеей, присущей этому государству и неотделимой от него, является идея *правительства*: то есть *политическое* неотделимо от социального государства. Эти разнообразные и конфликтующие отношения должны определяться определенными правилами, несущими в себе полную идею *контроля*. Без этого эти отношения не могли бы функционировать в гармоничном согласии ни одного дня. Теперь, поскольку *естественное* состояние человека — это состояние, для которого он был создан, — состояние, к которому только и приспособлена вся его природа, - не может быть никаких сомнений, что *социальное* состояние - это *естественное* состояние человека. “И сказал Господь Бог: нехорошо, чтобы человек был один: я сделаю его себе помощником”. Значит, он был создан для общества, и общество немедленно снабдило его. Но мы обнаруживаем, что *закон* отношений совпадал с самими отношениями: “Посему оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей”. Быт. ii. 24. И точно так же каждый рожденный в мир был рожден в состоянии общества — социальном государстве — и всегда существовал в этом состоянии, то есть *при правительстве*. Но мы уже доказали, что состояние рабства является фундаментальным в *сложной* идее правительства. Без этого *правительства нет и не может быть*. Следовательно, естественное состояние человека, или состояние, к которому он приспособлен как в силу своей психической, так и физической конституции, - это состояние рабства в сочетании со свободой, *что является сложной идеей правительства*.

4. “Отношение, которое люди поддерживают друг к другу, - это отношение *равенства*: не *равенства условий*, а *равенства прав*”.

Именно в такой форме доктор Вэйленд предпочитает выражать доктрину равенства.<sup>[2]</sup> Он объясняет себя так: “Каждый отдельный индивид создан с точно таким же правом использовать преимущества, которыми наделил его Бог, как и любой другой индивид”. Исходя из этой позиции, объясненной таким образом, он выводит аргумент, сила которого, не выражая ее таким количеством слов, конструктивно пронизывает все представление. Ибо весь его аргумент

может быть воплощен следующим образом: правительство, которое ставит индивида в какие-либо иные условия, кроме условий политического равенства, является одиозной тиранией; правительство, которое устанавливает домашнее рабство, делает это и, следовательно, является одиозной тиранией.

[2] Наука о морали. Часть II., Раздел I—Взаимность.

Теперь это положение, как он его объясняет, может быть признано трюизмом; но тогда доктрина существенного равенства прав не будет вытекать из такого признания, то есть социального и политического равенства. Ибо что, если верно, что “каждый отдельный индивид имеет точно такое же право пользоваться преимуществами, которыми наделил его Бог”? Из этого следует только, что каждый имеет общее право только в этом отношении, но не то, что существует существенное равенство прав в любом доступном смысле, в котором мы привыкли понимать эту фразу. Ибо если это так, то из этого следует, что животные обладают существенным равенством прав с людьми, и что как люди, так и животные обладают существенным равенством прав с ангелами. Это не слишком развивает аргумент ни в ту, ни в другую сторону. Ибо у животных, в некотором смысле, хорошо определенном самим доктором Вэйландом, есть права. Никто, кроме *высокоморального* животного, не стал бы отрицать право своего ближнего - животного — присвоить доступное ведро освежающей воды, чтобы утолить свою жгучую жажду. Нет ничего более определенного, чем то, что животные, люди и ангелы имеют общее право присваивать преимущества, которыми наделил их Бог. Животные не могли иметь низших прав в этом отношении, а ангелы не могли иметь высших. Но, конечно, нельзя сказать, что это общее право наделяет животных, людей и ангелов существенным равенством прав в каком бы то ни было практическом смысле; ибо тогда из этого следует, что животные, люди и ангелы имеют равное право на социальное и политическое равенство — смелый и безрассудный абсурд.

Мы признаем, что один человек имеет общие права со всеми другими людьми в указанном отношении; но не то, что у них есть общие права в других отношениях. Общее право использовать наши *“преимущества для содействия нашему счастью”* не сделает нас равными ни в каком надлежащем смысле, если только наши *преимущества* не будут равными. Итак, сам доктор Вэйленд допускает, в самих терминах своего утверждения, что люди *не равны по состоянию*, то есть *не равны по преимуществам*. И нет ничего более очевидного, чем то, что люди не равны в том интеллектуальном и моральном состоянии, которое позволило бы им использовать определенные социальные и политические преимущества на благо себя и других: следовательно, по его собственному признанию, они не имели бы на них права. Таким образом, до тех пор, пока не будет доказано, что Бог наделил всех людей интеллектуальными и моральными способностями, достаточно развитыми для того, чтобы их можно было использовать для общего блага, они не имеют права на то, что мы называем политической свободой. Но бесспорно, что мужчины не универсальны и даже не в целом так одарены. Это не относится к несовершеннолетним. Законы всех государств лишают их политической свободы по той очевидной причине, что она пока не входит в число привилегий, которыми Бог наделил их возможность пользоваться для общего блага. И все же, насколько нам известно, никому и в голову не приходило, что несовершеннолетние были ущемлены в своих естественных правах, и что правительство и родители были *“одиозными тиранами”*, потому что они подвергли их одной из известных форм домашнего рабства! Поэтому мы не удивлены, что доктор Вэйленд оказался вынужден признать, что несовершеннолетние являются исключениями из его

правила; которое, однако, он утверждал как универсальное — универсалии не допускают исключений.

Опять же, это не относится к варварам, проходящим ни одну из стадий варварства. Ни в какой период они не находятся в том состоянии интеллектуального и нравственного развития, в котором они могли бы использовать для общего блага гражданской свободы, как это понимают и пользуются высокоцивилизованные люди. Если бы это было так, они были бы не варварами, а цивилизованным народом, которому было бы присуще право цивилизации — политическая свобода.

Теперь я предполагаю здесь то, что я докажу в будущей лекции, что африканцы пришли в эту страну в состоянии крайнего варварства; и что, по мнению южан, — которых сам предрассудок вряд ли может отрицать, что они честные и единственные компетентные судьи в этом вопросе, — они все еще, как раса, находятся, мягко говоря, в состоянии полуварварства. Если мы правы в этой позиции, то они также являются примером людей, которые явно не обладают правами, присущими только состоянию цивилизации. С каким правом, следовательно, мог бы любой порядочный человек, целью которого не является оскорбление, утверждать, что мы “отвратительные тираны” за то, что лишаем африканцев прав, которые присущи только состоянию цивилизации: если только он не был готов сначала показать, что мы ошибаемся в нашей позиции относительно вопроса о факте, что они все еще находятся в состоянии полуварварства и, следовательно, не имеют права на гражданскую свободу?

Как бы нам охарактеризовать курс доктора Вэйленда? Проведя остроумный аргумент на многих страницах своего выступления: апеллируя к фактам и принципам Священного Писания: не упуская случая в развитии и применении своей ложной позиции заклеить систему африканского рабства как отвратительную тиранию, и это с очевидной целью унижить Южные штаты этого Союза в глазах всего цивилизованного мира: затем, когда он сталкивается, как это неизбежно было, в ходе своей аргументации, с единственным существенным фактом во всей дискуссии, он ловко уклоняется от любого рассмотрения этого вопроса! На странице 216 четвертого издания он излагает позицию Юга, согласно которой “рабы не компетентны в самоуправлении”, и коротко отвечает: “Это вопрос факта, который не входит в компетенцию моральной философии”. Почему же тогда он решил это, используя свое ложное положение на юге? Эхо отвечает: Почему?

Если бы он ограничил применение своих принципов правами, принадлежащими цивилизованному народу, у нас не было бы причин жаловаться; или если бы он привел факты, опровергающие позицию Юга по отношению к его африканскому населению, мы были бы вынуждены считать, что он ведет честную дискуссию; или, соглашаясь с этим пунктом, попытался бы он определить форму правления, наиболее подходящую для массы полуварваров, живущих среди высокоцивилизованного народа, с которым они не могли смешаться; или, отказавшись от этого, он откровенно признал бы свою некомпетентность (как действительно, при обсуждении его основополагающего принципа действительно появится возможность отдать должное предмету моральной философии, по крайней мере, на данном этапе - в любом случае мы должны быть обязаны уважать его усилия. Но отступая, как он, очевидно, и делает, от всех этих очевидных обязанностей на пути своих опустошающих ошибок и нанося столь глубокую рану чувствам всего южного сообщества, следует признать, что наша благотворительность облагается большими налогами из-за его поведения. У него не может быть

причин жаловаться на то, что мы придерживаемся мнения, будто он позволил раннему предубеждению перерасти в чувство фанатизма, настолько укоренившееся, что исказило его суждения по вопросам, имеющим очень простое применение в Науке о морали.

Трактат доктора Вэйланда является учебником во многих наших литературных институтах, а сам он в высшей степени известен как в религиозном, так и в литературном мире. Такой учебник, таким образом, одобренный как благочестием, так и ученостью, попавший в руки наших молодых людей, редко может не соответствовать своей цели — особенно если профессор согласен с утверждением его доктрин. Это часто бывает в северных институтах и часто происходило в южных; а там, где этого не произошло, профессор, как правило, либо молчит, либо признает *доктрины* текста и основывает защиту Юга на ложной позиции, что “она ничего не может с собой поделать!” Предположение о том, что Бог поместил людей в обстоятельства, в которых они не могут избежать нарушения его собственных непреложных принципов права, может быть настолько полностью упущено из виду, что доктрины и аргументы текста будут способствовать усилению убеждения в том, что в африканском рабстве есть моральное зло. Если такое положение вещей сохранится, мы не должны удивляться, что фанатизм отмены рабства будет расти в нашей стране еще более быстрыми темпами.

---

## ЛЕКЦИЯ IV. ОБСУЖДАЕМЫЙ ВОПРОС О ПРАВАХ.

Почему необходимо определить термин “права”—Право само по себе определяется как *благо*—Доктрина о том, что воля Бога является источником рассматриваемого права—Воля Бога не является источником права, а выражением *права*, которое является благом—Естественные права и приобретенные права, каждое по определению.

Есть вопросы, которые лежат в основе этого обсуждения, — ошибки, как я думаю, которые лежат в основе популярных идей как правительства, так и прав человека. Мы не должны считать, что полностью справились с трудностями предмета, если прошли мимо них.

Говорится, что домашнее рабство - это ограничение неотъемлемых прав, а законное правительство - это добровольная уступка определенных отчуждаемых прав.

Естественные права, конечно, таковы, какие присущи конституции человека: неотчуждаемы, потому что на самом деле он не может быть по существу лишен их. Закон, который в любом случае предусматривает это, обращается с ним так, как если бы он был не разумным, а просто разумным существом, и тем самым отчуждает его права. Говорят, что в домашнем рабстве к рабу относятся как к простому движимому имуществу, вещи, а не как к единому целому, и, следовательно, закон лишает его права на обращение с ним как с разумным существом, таким, какой он есть, а не просто как с вещью. Это сказано потому, что это отдает его время и труд в распоряжение другого человека. Насколько справедлив этот упрек, зависит от определенного ответа на вопрос — *Что такое права?*

“Правительство - это добровольная уступка определенных отчуждаемых прав.” Если на эту уступку идет большинство граждан, правительство называется республиканским; в противном

случае оно называется деспотическим. В этой теории правления предполагается, что от определенных прав нужно отказаться, чтобы обеспечить себе другие, более важные права. Я показал, что правительство по необходимости воплощает в гармоничном действии два великих абстрактных принципа, хотя по своей сути один противоречит другому. Итак, принцип рабства — *контроль по воле другого* — безусловно, ограничивает осуществление *самоконтроля*, который является принципом свободы. И поскольку принцип рабства действует в любом данном случае правления, является ли это в таком случае отказом в такой степени от права на *самоконтроль*, чтобы обеспечить *право на самоконтроль*, которое остается непроявленным? Так ли это? Этот вопрос также связан с решением другого вопроса — что такое права?

И снова, мы говорим, что *самоконтроль* - это принцип свободы. Практическая свобода - это осуществление *права на самоконтроль*. Как далеко распространяется право на самоконтроль? Я говорю, что случай, когда группа людей вышла из естественного состояния (так называемого) и сформировала правительство оригинальным актом, неизвестен истории. Этого никогда не происходило. Первоначально сам Иегова подчинил человека политическому закону. В тот самый момент, когда он поставил первое существо в отношение к другому, дав ему "*помощника*", он дал ему закон, регулирующий это отношение, как мы видели; и все последующие действия людей в вопросе создания правительства были такими модификациями существующей формы правления, которые, по их мнению, лучше соответствовали их обстоятельствам. Но говорят, что когда общество собирается на съезд, чтобы согласовать определенные принципы, называемые конституцией, в соответствии с которыми должны приниматься законы, люди фактически на какое-то время возвращаются к своему первоначальному положению или состоянию без правительства; и что сформированная таким образом конституция является фактически первоначальной формацией. Что ж, ради интереса, пусть будет так. Таким образом, когда общество возвращается к своему первоначальному положению, люди опираются на то, что считается их *изначальными правами*! Что это? Право, которое имеет каждый человек поступать так, как ему заблагорассудится. Они формируют правительство, то есть отказываются от части, более или менее, своего *первоначального права*. Конечно, часть остается невысказанной, и отказ от нее не может быть направлен на то, чтобы обеспечить обладание тем, что уже находится во владении! Что вызывает трудности в решении этих вопросов? Не в двусмысленности ли термина "права"? Давайте тогда дадим определение *правам*, если не хотим навсегда запутаться в этих нелепостях.

И еще раз: является ли свобода правом на самоконтроль? Разве человек — ответственный человек — не свободен в силу самой своей человечности? Подразумевает ли эта свобода абсолютную свободу? Если это так, то абсолютная свобода заложена в самой его конституции — она неотчуждаема. Тогда какое право он может иметь отказываться от нее или от какой-либо ее части? Если это так, то он имеет право делать то, чего субъективно он не может делать. Если, таким образом, правительство является уступкой *права на самоконтроль* в этом смысле, то это уступка неотъемлемого права, и от нее следует отказаться как от части безумия.

Следовательно, совершенно очевидно, что мы вообще не сможем продвинуться в этих исследованиях, не решив сначала вопрос, *что такое права*?

Считается, что английский язык обладает огромной силой, компасом и точностью, и поэтому в высшей степени приспособлен для рассуждений. Это качество в значительной степени

обусловлено его гибкостью, различными разновидностями идей и часто различными оттенками значения в этих разновидностях, которые могут быть выражены одним словом. Предполагается, что ни один язык не сравнится с ним в этом отношении. Но, хотя это адаптирует его к целям правильного рассуждения, это также открывает широкое поле для ошибок в аргументации. Мужчины обычно сильно расходятся во *мнениях*, но они не часто расходятся в чувствах. Все умные и хорошие людичувствуют себя *правыми* и *имеют в виду правильно*. Они часто расходятся во мнениях, потому что у них разное значение, которое они придают языку, одному и тому же языку, который является средством, с помощью которого каждый рассматривает один и тот же предмет. Разные люди используют одно и то же слово в разных смыслах. Один и тот же человек часто по привычке использует одно и то же слово в разных смыслах в одной и той же связи. Конечно, они приходят к разным выводам, и один и тот же человек часто воодушевляется собственными аргументами. Итак, есть несколько слов, с которыми людям приходится иметь больше дела в дискуссиях и высказывании мнений о свободе и правительстве — следующих по важности вопросах после личной религии, — чем со словом "*права*"; и есть несколько слов, которые способны к более разнообразному применению и которые, по правде говоря, чаще применяются для выражения различных оттенков значения, чем это слово "*права*". Вебстер правильно приводит около сорока различных значений этого термина вместе с несколькими второстепенными смыслами, в которых он встречается, и все они широко используются. *Наш язык* — и к какому языку это не относится? — наша литература, наше богословие, наша политика — общество со всех сторон — изобилует *правами*! Итак, разве не очевидно, что должна существовать некая общая идея, которая классифицирует все различные значения и применения этого термина и которая имеет свое основание в общем смысле, в общем разуме всего человечества?

Таким образом, если мы задаемся вопросом, каковы наши права в том или ином конкретном случае, этот вопрос непосредственно включает в себя другой и окончательный вопрос: Что такое *право* само по себе? решение которого сразу решает общий вопрос применительно ко всем случаям. И хотя случай, в котором могут проявиться наши *права*, должен быть первым по времени в нашем сознании, чтобы вызвать нашу идею о *праве*, все же наша определенная предшествующая идея права является логическим условием, на основании которого мы определяем, появляется ли право в этом случае.

Назовите тогда, на ваш взгляд, пример справедливости и пример несправедливости, пример добродетели и пример преступления, пример героизма и пример слабости: разве каждый из этих случаев не воплощает в себе, с одной стороны, ваше представление о *правильном само по себе*, а с другой - ваше представление о *неправильном само по себе*? Но ваше представление о случаях, в которых появляется ваша предшествующая идея о *правильном* и *wrong appears, and your antecedent idea of that right and of that wrong*, - это очень разные идеи: то есть сам случай и ваше представление о принципе различны: одно - вещь, другое - идея чего-то реального. Каково же тогда ваше представление о *праве*, которое в вашем сознании так отличается от случая, в котором оно проявляется? Подвергните сомнению свой разум и сознание. Подвергните сомнению разум и сознание всего человечества.

Возьмем этот пример: "Отец Кая Тораниуса был объявлен триумвиром вне закона. Гай Тораний, действуя в интересах этой партии, сообщил офицерам, преследовавшим его отца, место, где он скрывался, и дал при этом описание, по которому они могли бы опознать его, когда найдут. Старик, больше беспокоившийся о безопасности и судьбе своего сына, чем о том

немногом, что могло остаться от его собственной жизни, немедленно начал расспрашивать схвативших его офицеров, все ли в порядке с его сыном, выполнил ли он свой долг к удовлетворению генералов. 'Этот сын, ' ответил один из офицеров, ' столь дорогой твоим сердцам, выдал тебя нам; по его сведениям ты схвачен и умрешь'. С этими словами офицер ударил его кинжалом в сердце, и несчастный родитель пал, пораженный не столько своей судьбой, сколько средствами, которыми он был ей обязан". [3] Вот пример величайшего сыновнего нечестия и высочайшей родительской привязанности. Одно соответствует нашему представлению о *правильном*, другое - нашему представлению о *неправильном*. Итак, что же это за идея о добре и зле, с которой все должны соглашаться? Мы не стали бы спрашивать вместе с учениками Пейли, Кондильяка или Гельвеция, что подумал бы об этом случае "дикий мальчик, пойманный много лет назад в ганноверских лесах"; и что подумал бы об этом дикарь, не имеющий опыта и без наставлений, в младенчестве отрезанный от всякого общения со своим видом. Нет: "дикое государство предлагает нам человечество, так сказать, в пеленках - зародыш человечества, но не все человечество целиком. Истинный человек - это совершенный человек в своем роде: истинная человеческая природа - это человеческая природа, достигшая своего развития". [4] Мы категорически отрицаем, что для того, чтобы прийти к суждению о природе человека, нам нужно проконсультироваться с дикарем в таких обстоятельствах или вообще консультироваться с дикарем. И все же мы говорим, что даже здравомыслящий дикарь, который достаточно долго прожил в обществе, чтобы составить представление об отношениях родителя и ребенка — такое, какое есть даже у дикарей, — объявил бы поведение одного *правильным*, а другого - *неправильным*, и имел бы определенное представление об этом *правильном* и о том, что *неправильно*, каждое само по себе. И более того, мы говорим, что человеческая природа, развитая в высшей степени, свидетельствует о том же различии в поведении этого отца и этого сына и придает этому различию, по существу, те же идеи. Называя *одноправильным*, а другое *неправильным*, люди говорят, и они хотят сказать, что *одно - добро, а другое - зло*. Таково единообразное суждение человеческого разума — постоянная вера человечества. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует *здравый смысл*. Грамматики не изобретали языки. Само правительство восходит к законодателям — они лишь модифицировали его. Философы не изобретали верования: без согласия, без условностей мир пал на определенные верования и определенные знаки, выражающие эти верования. В тайных покаях души, не какого-то отдельного человека, но всех людей в отдельности, сознание свидетельствует, что то-то и то-то есть вера всех людей, и это мы называем суждением здравого смысла; и таково также ее свидетельство на всех языках относительно того, что является *правильным*, и что *правильным* в любом данном случае является идея, которую мы имеем о *благе* в этом случае. Следовательно, *правильное - это благо*.

[3] Философия Пейли.—Наука о морали.

[4] М. Кузен.

"Right, *rectus*", - говорит Вебстер, - "прямота, прямолинейность"; что он объясняет как соответствие правилу или закону и что *воля Божья* является окончательным правилом или законом, который определяет *правильное* или *неправильное* во всех случаях. Следовательно, соответствие этому правилу, согласно Вебстеру, само по себе является общей идеей *права*. С этой точкой зрения согласен Хорн Тук в своих "Развлечениях Перли". Поскольку его критика

остроумна, поучительна и в целом правдива, я цитирую более существенную часть его статьи о правах. Сказав нам в своем диалоге, что Джонсон только сообщает нам, что *правильное не неправильно, а неправильно не правильно*, он добавляет:

“X. Right - это не что иное, как *Rectum, (regetum,)* причастие прошедшего времени от латинского глагола *regere* и т.д.

“Точно так же наше английское слово *just* является причастием прошедшего времени глагола *jubere*.

“Указ, Эдикт, Статут, Институт, Мандат, Предписание - все это причастия прошедшего времени.

“F. Что же тогда такое закон?

“H. Это просто прошедшее время и причастие прошедшего времени готского и англосаксонского глаголов, которое означает что-то или любую вещь, установленную в качестве правила поведения. Таким образом, когда человек требует своего права, он просит только то, что ему предписано иметь. Правильное поведение — это то, что *предписано*: правильный расчет — это то, что предписано: правильная линия - это то, что *предписано* или *направлено* (не случайное продолжение, а) кратчайшее расстояние между двумя точками: правильная дорога - это то, что приказано пройти (для поставленной вами цели:) поступать правильно - это делать то, что приказано сделать: быть правым - значит находиться в такой ситуации или обстоятельствах, которые *предписаны*: иметь право или закон на своей стороне - значит иметь в одном благосклонны к тому, что приказано или установлено: правильное и справедливое действие - это такое действие, которое *приказано* и *повелено*: справедливый человек - это такой, каким ему приказано быть - *qui leges juraque servat*- который соблюдает и повинуетя тому, что предписано или заповедано; и правая рука - это то, что обычай и те, кто нас воспитали, приказали или направили нам использовать предпочтительно, когда используется только одна рука; а левая рука - это то, что *оставлено*, левая рука или которой мы пользуемся. научили не использовать в таких случаях. Так что это левое, как вы видите, тоже причастие прошедшего времени.

“Ф. Значит, все, что *упорядочено* и *повелевается*, правильно и справедливо?

“X. Конечно, для этого лишь подтверждая то, что *приказал* и *повелел*, - это *приказал* и *повелел*.

Ф. Теперь, что происходит с вашими хвалеными правами человека? По-вашему, главное достоинство человека - послушание; и все, что приказано, правильно. Это неплохо для *демократа*. И таковыми всегда были ваши чувства?

“X. Всегда; и эти чувства подтверждают мой демократизм.

“F. Эти чувства, по-видимому, не сделали вас слишком заметным для послушания. Я полагаю, в вашей жизни есть немало моментов, когда вы выступали против того, что было *приказано* и *повелено*. Исходя из ваших принципов, это было правильно?

X. Прекрасно.

“Ф. Как же теперь! Было ли это *приказано* и *commanded* that you should oppose what was *ordered* and *commanded* повелено”, - сказал он.! Может ли одно и то же быть одновременно и правильным, и неправильным?

“Х. Возвращайся к Мелинде, и ты обнаружишь, что эта трудность легко разрешима”. (Все жители Мелинды *левши*, то есть *их правая* - это *наша левая*. Но они такие же *правши* как и мы; ибо они предпочитают пользоваться той рукой, которая *предписана* их обычаем и, следовательно, является *их правой рукой*, и не используют другую, которая, следовательно, является *их левой* рукой.) “Вещь может быть одновременно и правильной, и неправильной, а также правой и левой. Это может быть *приказано* сделать и *приказано* не делать. Закон — то, что *установлено*— может отличаться у разных властей.

“Я всегда был самым послушным, когда меня больше всего обвиняли в непослушании. Но моя правая рука - это не правая рука Мелинды. Право, которое я почитаю, - это не право, навязываемое подхалимами: *jus vagum*, капризный приказ принцев или министров. Я следую закону *Бога* (тому, что *установлено* им как правило моего поведения), когда я следую законам человеческой природы, которые, как мы знаем, без какого-либо человеческого свидетельства, должны исходить от Бога; и на них основаны права человека, или то, что *предписано* для человека. Я уважаю конституцию и конституционные законы Англии, потому что они соответствуют законам *Бога* и *природы*; и на них основаны разумные права англичан. Если принцы, или министры, или продажные фальшивые представители народа *приказывают*, *командуют* или *устанавливают* что-либо противоречащее тому, что *приказано*, *повелено* или *установлено* Богом, человеческой природой или конституцией этого правительства, я все равно буду твердо придерживаться высших властей. Если более подлые власти оскорблены, они могут только уничтожить тело человека, но никогда не смогут повлиять на право или на то, что *приказано* их начальством ”.[5]

[5] Смотрите всю его статью о правах.

Таким образом, оказывается, что он согласен с Вебстером в том, что *воля Божья* является высшим *родом* права. Это право, которое соответствует воле Божьей, *изложенной в законе* — будь то *письменное откровение*, природа или обычаи общества (как в случае с *правой* и *левой* рукой) в качестве выразителя этой воли — они являются тем, что упорядочено в данном случае и делает правильным. Следовательно, он осуждает как “жалкое лицедейство” различие, допускаемое М. Порталисом, между повиновением приказу и повиновением тому, что правильно само по себе, и на том же основании объявляет “в высшей степени неприличным” говорить вместе с м-ром Локком: “Бог имеет право это делать: мы - его создания”. Ибо воистину, если его воля является высшим *видом* права, то у него не может быть никаких *прав*, ибо, безусловно, нет начальника, *приказам* которого он подчиняется в действиях своей воли. Но именно в этот момент давайте займем нашу позицию. Я утверждаю, опираясь на авторитет Священного Писания, не менее чем на здравую философию (всегда в гармонии), что *У Бога* есть права, и что различие М. Порталиса во многих случаях верно; и что, следовательно, Тук, доктор Пейли (который также согласен с этой точкой зрения — см. Его статью "Права" в "Его моральной философии"), доктор Вебстер и многие другие выдающиеся личности странным образом ошибаются не в своей этимологии этого слова, а в той гипотезе, с помощью которой они придают ему значение *воли Бога*. Мы не можем согласиться с ними в том, что права и обязанности, которые являются взаимными, могут быть разрешены только в воле Божьей -

иметь только его волю в качестве своего окончательного основания. Я настаиваю на этом. Правда, я говорю вместе с ними — и я претендую на полное признание в этом заявлении — что воля, деяния Бога всегда правильны; но я не говорю, что Его воля проводит существенное или истинное различие между *правильным* и *неправильным*. Мы не смеем предполагать, что Бог мог волевым актом сделать так, чтобы *правильное* стало *неправильным*, а *неправильное* *правильным* — добро злом, а зло добром! Абсурдно предполагать, что Бог может совершать вещи, которые сами по себе противоречивы. Мы знаем, что он всемогущ; но такие вещи не являются объектами власти, так же как вещи, которые *являются* объектами власти, не являются, в том же смысле, объектами Всеведения. Утверждать, что он мог превратить *правильное* в *неправильное*, так же *ложно* как было бы нечестиво утверждать, что он *сделал бы* это, если бы мог, — ложно, потому что, даже если бы он мог, он не вложил истину в это великое творение своих рук, человеческий разум; ибо силой интуиции, которую он нам дал, мы уверены, что идея сама по себе является вопиющим абсурдом. И если это не является решающим в вопросе, тогда ни интуиция, ни выводы интуиции не имеют никакого авторитета. Человек - жертва ложного внутреннего руководства! Он может “есть и пить, потому что завтра он умрет!” Его больше не будет; или, что еще хуже, он всего лишь звено в цепи разумных существ, управляемых жестокой судьбой, которая не учитывает различий между *добром* и *wrong*; and he may, быть объектом злобы в грядущем мире, как он был жертвой обмана в этом! Я думаю, что рассуждать таким образом - это больше, чем ошибка! Я думаю, что это кощунственно!

Мы можем исходить из этого — из того, что столь же почетно для Бога, сколь возвышенно для человека и ободряет его надежды. Это правда, что и праведность, и долг, вместе со свободой, могут быть преобразованы в сущностное благо. Или, другими словами, *свобода, прямота и долг* - это способы мышления, при которых мы представляем себе добро как существующее в душе человека, и что каждый из них в своей особой природе и гармоничном сочетании является истинным идеалом добра, а также способы мышления, при которых интуиция человека воспринимает добро в случае каждого нравственного поступка, который является добрым. А что касается добра самого по себе, которое, таким образом, в скромной степени воспринимается нами, то это, безусловно, реальность, которая неизменна и вечна. Бог не создавал его — и оно не было создано. Это неотъемлемая природа Бога и вечная. Он является великим олицетворением добра. Его воля, его волеизъявления, во всех случаях, являются всего лишь выражениями этого высокого атрибута. Следовательно, Его воля, всегда соответствующая сущностному благу, является совершенным правилом того, что правильно само по себе и должно соблюдаться нами как правило долга или поведения. Как будет видно, такое правило в высшей степени приспособлено к потребностям человечества; но в то же время его воля и благо - это разные реальности. Первое является существенным качеством его святой природы, а другое является, в определенной степени, выражением этого свойства в форме волевых действий. То, что воля Божья не создала справедливости сама по себе, легко обнаружится. Следует ли понимать, что в прошедшей вечности когда-либо был период, когда истина не была истиной, или когда истины не существовало? когда *добро* не было *добром*, или когда добра не существовало? Но разве это не согласуется с самыми ясными учениями разума, что истина всегда была истиной и всегда будет истиной? что добро всегда будет добром? То, что дважды два равно четырем; что утверждать, что вещь одновременно есть и не быть, - абсурд и противоречие; и что вещи, равные одной и той же вещи, равны друг другу, мы говорим, что все это интуитивные истины — мы не можем ошибаться относительно них. То же самое и в морали: что истина хороша; что добродетель хороша; что добрый поступок не является злым поступком;

и что утверждать, что добрый поступок не является добрым действием, абсурдно, противоречие, мы говорим, *это все интуиции—мы не можем ошибаться на их счет*. Но разве не столь же интуитивно понятно, что эти вещи всегда были такими — что эти истины всегда были истинами — добро всегда было добром, так же несомненно, как и то, что это так сейчас? Затем в *вечности* из этих вещей точно так же интуиция, как они существуют сейчас, - это интуиция. Следовательно, вечность Бога, который является великим воплощением этого высокого качества, или чьим атрибутом оно является, является интуитивной истиной. Следовательно, его воля не создавала этого, ибо абсурдно говорить, что он создал себя сам. Следовательно, его воля, которая в данных случаях является его волей, является всего лишь выражением этого существенного качества его святой природы. Следовательно, его воля - это правило справедливости, потому что во всех случаях она соответствует добру, но она не создала добра.

Следовательно, право, поскольку оно соответствует сущностному благу, имеет природу блага. Это, собственно, показатель добра, а неволи *Бога*. Вещи, согласующиеся с одним и тем же, согласуются друг с другом. Следовательно, это совпадает с волей Божьей. Но такое совпадение само по себе не является чем-то *правильным*; но именно потому, что, подобно воле Божьей, оно соответствует сущностному благу или имеет его природу, *оно является правильным*. Таким образом, право само по себе является благом. Благо - это истинная общая идея, которая классифицирует все различные применения этого термина. Поскольку какая-либо вещь имеет природу блага, она сама по себе правильна. Поскольку любая вещь, к которой применима идея правильного, отрицательна по отношению к *добру*, то есть является злом, она является неправильной.

Следовательно, благо как конечный *род* имеет гораздо более широкое значение, чем право. Это распространяется на все *физические* а также *моральные* блага. Наш предмет требует, чтобы мы рассматривали его только в той мере, в какой это применимо к человечеству. И насколько это далеко? Когда Иегова сотворил человека, он объявил его “очень хорошим”, то есть по существу хорошим по свойствам своей природы. Он был сотворен “по образу своему: по образу Божию сотворил он его”. “И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в ноздри его дыхание жизни; и *стал человек душою живою*”. То есть он был создан чистым духовным разумом. Он обладал ясным и правильным восприятием и суждением о чистой абстрактной истине и об отношениях между истинами; с соответствующими чувствами долга и силой воли, достаточной для контроля психических состояний в сфере его деятельности. Теперь, как чистый разум, наделенный таким образом, он в пределах своих возможностей является причиной внутри самого себя — строго самодействующим агентом и, следовательно, ответственным. И поскольку он был создан с чувством обязанности соблюдать добро как правило во всем своем поведении, он был создан субъектом долга — он был обязан делать, действовать; и поскольку в каждом из этих аспектов и во всех других он был создан в соответствии с сущностным благом, он был *rectus, прав*. Все это подразумевается в том заявлении о его сущностной природе как чистого духовного разума (который был создан по образу Божьему), которое определяет его как “очень хорошего”. Мы также не можем думать об этом благе как о качестве или атрибуте человечества, не осознавая, если мы внимательно поразмыслим, что в наших умах ассоциируется идея о том, что существо, олицетворяющее это, по этой причине *свободно*; что по этой причине он *прямой, прямолинейный*, соответствует добру как правилу, то есть *прав*; и

что по той же причине он обязан — его *долг* действовать в соответствии с этим правилом. Каждый пример морального поступка, который является добрым, подразумевает эти идеи: он *свободен*, он *прямой*, *прямолинейный* и совершается в соответствии с *долгом*. В том же смысле, в каком *жизнь*, *смысл* и *движение* входят в понимание существа, животного и таким образом формируют его; так *свобода*, *прямота* и *долг* формируют понимание морального добра, поскольку оно применимо к человечеству. Это разные идеи. Тем не менее, они совпадают, и любая из них подразумевает другие как корреляты. Следовательно, мы говорим о *свободном* действии, что оно *хорошо*, подразумевая, что оно в то же время *прямолинейно* и совершается в соответствии с *долгом*; и о действии, соответствующем надлежащему правилу, что оно *хорошо*, подразумевая в то же время, что оно *свободно* и совершается в соответствии с *долгом*; а также о действии, соответствующем *долгу*, что оно *хорошо*, подразумевая, что оно также *свободно* и прямолинейно, то есть, соответствует правилу: таким образом, в каждом конкретном случае мы подразумеваем соответствующие идеи.

Итак, все, чем я обладаю благодаря природным способностям, является *моим* в самом строгом смысле этого слова. Следовательно, *свобода* принадлежит мне, *долг* принадлежит мне, и *прямота* принадлежит мне, потому что *благо* принадлежит мне, и это элементы добра, каждый из которых подразумевает другие.

Отсюда возникает идея *естественного права*, то есть *права*, которым я наделен в силу особенностей моей природы как разумного существа. Но что это правильно? Очевидно, *добро*. Добро как атрибут находится в моем распоряжении. Я создан с ним и посредством него. Следовательно, оно неотчуждаемо. Лишите меня добра как атрибута моей природы, то есть свободы, порядочности и долга, и я сразу же скатываюсь по шкале бытия: я полностью перестану быть разумным или ответственным существом.

Пусть никто не воображает, что эта позиция противоречит хорошо известному факту, что человек - падшее существо. Ибо, несмотря на падение, он все еще несет ответственность. Правда, его нравственная природа разрушена, но все же это нравственная природа. Хотя и неупорядоченная, она не искоренена. Следовательно, восстановление по благодати называется обращением; но если бы основная нравственная природа человека была разрушена грехопадением и ее место занял атрибут существенного зла, его восстановление нельзя было бы назвать, как оно есть, *изменением*, но его следовало бы назвать в самом строгом смысле *первоначальным* творением. Следовательно, хотя человек падший, порочный — и нам нет нужды возражать против сильных выражений, в которых обычно выражается эта порочность, — все же мы находим, что чувства всего человечества на стороне добродетели, на стороне добра; и что люди, хотя и не изменившиеся по милости всевышнего, по-прежнему обязаны быть честными, джентльменскими и во всем уважать права друг друга. Мы допускаем исключения или модификации этого только в случае тех, в ком человечность не была полностью развита, как было замечено ранее, и тех в цивилизованной жизни, кто до сих пор злоупотреблял своей моральной природой настолько, что, выражаясь языком Павла, готовил себя к уничтожению. Следовательно, по-прежнему остается, что *добро* в форме *прямоты*, *права*, в некоторой модификации является даром моей природы: *правосамо* по себе является *моим* по природе.

Но добро, как атрибут, является *активным* принципом. Мы были наделены им с целью движения — для достижения результатов. Мой долг — действовать *правильно* - прямолинейно

или в соответствии с правилом *добра*. Следовательно, все, что является необходимым *условием* действия этого активного принципа, сущностного блага, само по себе является благом, которое либо находится в моем владении, и, следовательно, является моим по праву владения; или оно *должно* находиться в моем владении, и, следовательно, является моим по праву собственности. Следовательно, дышать при любых обстоятельствах, вместе со всеми физическими движениями и поддержанием тела, что в определенной степени предполагает право собственности каждого при данных обстоятельствах, является естественным правом каждого человека. Точно так же право эмбрионального человека, идиота, слабоумного, нецивилизованного или дикаря на защиту является естественным правом; и по той же причине быть защищенным от определенных беспомощных состояний другими является естественным правом каждого человека во всех состояниях человечества. Потому что каждая из этих и всех подобных вещей сама по себе хороша, являясь необходимым условием действия сущностного блага, и либо находится в нашем владении, либо должна находиться в нашем владении; каждая из них также является *естественным правом*, благом, которое есть или должно быть в нашем владении.

Но есть *приобретенные права*.

Действовать - это *долг* человека, исходя из самого факта, что он наделен атрибутом *добра*, который заключает в себе идею долга. У него также есть *сила* действовать в соответствии с той же самой естественной конституцией. Теперь, если он использует эту *силу* так, как указывают долг и праведность, что он должен делать, вся природа учит, что подтверждает Библия, что он прославит Бога, то есть станет примером его доброты, и тем самым будет способствовать своему собственному счастью и счастью тех, с кем он связан; или, другими словами, он обеспечит себе и дарует своим собратьям выдающиеся блага, вытекающие из исполнения его долга. Итак, все, что дает ему результат таким образом, безусловно, принадлежит ему по праву владения или Божественного дарования, в той же степени, что и любое естественное *право*; но эти *блага*, будучи по природе сущностным благом (по той причине, что они являются *благами*, сами по себе являются *правом*), приводят к выполнению им своего долга и, следовательно, являются *его правами*. Но приобретение поставлено в зависимость от осуществления его *произвольной* воли. Если он использует это во исполнение долга, они следуют. Если он использует это в нарушение служебных обязанностей, они не последуют за ним. Следовательно, если он вообще реализует их, либо путем владения, либо по титулу, они являются *приобретенными*, а следовательно, являются *приобретенными правами* или выгодами.

Следовательно, *приобретенные права* могут быть определены как такое благо в форме льгот или привилегий, возникающих в результате исполнения служебных обязанностей. По логике вещей, они принадлежат к классу основных благ, называемых льготами или привилегиями, с тем "*существенным отличием*", что они являются результатом исполнения долга. Любой другой результат, хотя и сам по себе имеющий природу существенного блага, все же, поскольку он не приносит никакой пользы, не может быть названным *правом*. Смертная казнь, например, когда она соответствует Божественной воле, сама по себе является сущностным благом; тем не менее, было бы злоупотреблением языком утверждать, что в любом обычном случае право преступника быть повешенным принадлежало ему! потому что ни по какой причине, которую мы можем себе представить, это не дает преступнику никакой выгоды или привилегии. Следовательно, чтобы быть *приобретенными правами*, они должны не только

иметь природу блага, то есть фактических выгод, но и это благо должно быть результатом исполнения долга, а не неисполнения долга, как в приведенном примере.

Определение соответствует языку здравого смысла. Все люди, говоря о делах, которые, как предполагается, связаны с вопросом о *правах*, используют этот термин в этом смысле. Вы говорите о фермере в данном случае, что он не имел *права* на обильный урожай: почему? потому что он пренебрегал своим хозяйством: его земли не были должным образом подготовлены, и выращиваемый урожай был оставлен открытым для хищений со стороны скота: то есть он пренебрег своим долгом; у него не было *права* на обильный урожай. И снова вы говорите соседу, что вам следовало бы заплатить определенную сумму денег А., в данном случае. У него было *право* на эти деньги, потому что он выполнил условия, на которых эти деньги должны были быть выплачены. *Он выполнил свой долг* и, следовательно, имел *право* на деньги. Таким образом, пренебрежение долгом отрицает *право* в одном случае, а исполнение подтверждает его в другом, согласно общепринятому словоупотреблению.

Другая идея, которая явно входит в общепринятое и правильное использование этого термина, заключается в том, что он взаимен с *обязательством*: то есть везде, где есть право у одного человека, есть соответствующее обязательство, *обязанность*, у других. Если у одного человека есть *право* на имущество, другие обязаны, то есть их *долг* воздерживаться от этого. Если позволение этому быть само по себе является результатом долга со стороны других, то и наслаждение этим для него должно быть также результатом долга с его стороны, иначе идеи не совпадают: то, что было долгом у одной группы людей, не было бы долгом у другой, в отношении того же самого и в соответствующих обстоятельствах. Это было бы абсурдно: следовательно, обязанность одной группы людей оставить другую в покое при пользовании определенным благом подразумевает соответствующую идею о том, что они пользуются благом в силу выполнения своего долга. Следовательно, те блага, которые являются нашими правами, являются результатом выполнения нами нашего долга.

В ходе этого обсуждения были установлены следующие моменты:

1. Это соответствие тому, что *приказано* или предписывается, само по себе не является истинной общей идеей *права*. То, что приказано, может быть истолковано как *правильное* только тогда, когда само повеление соответствует сущностному благу, как в случае с Божественной волей. Это всегда *правильно*, потому что это соответствует или всегда является выражением сущностного блага.

Следовательно, *добро* - это истинная общая идея *права*. Только это может в любом случае толковать *правильно*. Следовательно, хотя человек, в силу своей конституции чистого разума, обладает *способностью* поступать *неправильно*, у него нет и никогда не может быть *права* поступать *неправильно*. Ибо зло есть отрицание добра; и любая вещь, будь то атрибут, качество, мнение, доктрина или действие — любая вещь, будь то моральная или физическая, — чтобы быть *правильной*, должна иметь природу *добра*: все остальное *неправильно*, а не *правильно*. И из этого далее следует, что единственное истинное субъективное *право*, которым обладает любой человек для осуществления своей способности к самоконтролю, заключается в том, чтобы делать то, что является добром, а не в том, чтобы делать то, что является злом.

2. *Естественными правами* человека являются,

Первое — Существенное благо, находящееся в его распоряжении благодаря природному дарованию и которое, следовательно, неотчуждаемо. И, во—вторых, необходимые условия, какими бы они ни были, для функционирования неотъемлемого блага как активного принципа. Некоторые из них неотчуждаемы, а другие могут быть отчуждены. Такому взгляду на естественные права соответствует обычное употребление языка.

3. *Приобретенные права* человека представляют собой такое благо в форме льгот или привилегий, которое является результатом выполнения им своих обязанностей.

---

## ЛЕКЦИЯ V. ДОКТРИНЫ ПРАВ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Правление, как человеческое, так и Божественное, является необходимостью падшего состояния человека — Все люди согласны с этим —Человек не создавал правительство: он только изменил форму—Законные цели правления и средства, которые оно использует для достижения этих целей—Логические выводы: 1. Хотя у него есть власть, он не имеет права поступать неправильно; 2. Как падшее существо, он без власти над собой может потерять способность к самоконтролю—Каковы права человека: 1. В состоянии младенчества; 2. В состоянии зрелость; и, 3. В диком или нецивилизованном государстве Гражданское правление не основано на уступке прав.

Философы, как мне кажется, странным образом упускают из виду тенденцию грехопадения человека изменять действие законов разума; а те, кто признает грехопадение, все еще упускают из виду тот факт, что порочность природы человека была результатом *лишений*, а не привнесения злого начала как атрибута его природы. Но мы сейчас имеем дело не с теологией этого предмета. Тот факт, что как падшее существо он был лишен непосредственногоопосредованного руководящего влияния Божественного Духа, является вопросом, который более непосредственно привлекает наше внимание. Его низшая физическая природа, великий посредник общения души с внешним миром и сознания в воплощенном состоянии, *первоначально* действовала в совершенном и гармоничном подчинении его высшей духовной природе. В этом состоянии его аппетиты, склонности и страсти не представляли преграды ни для его счастья, ни для счастья его близких. Мы можем предположить, что управление, или контроль, которого требовало его положение, было простым и касалось главным образом его отношения к Божеству. Но когда во время великого испытания он применил свою силу самодеятельности и возвысил эту природу как правило нравственного действия, вместо сущностного блага своей высшей природы, полным и справедливым выразителем которого в данном случае была воля Божья, результатом стало лишение Божественного Духа, которое полностью изменило соотношение этих сторон его природы. В условиях затуманенного интеллекта, возникшего в результате этой депривации, его низшая природа с ее аппетитами, склонностями и страстями вступает в постоянный и ожесточенный конфликт с его духовной природой. Это изменение в состоянии его человечности представляет его случай в совершенно новом аспекте. История каждого

отдельного человека становится историей войны — войны с самим собой и войны со своими братьями. Обладая очень сильной моральной натурой, он также является субъектом плотской или развращенной натуры. При таком положении вещей *управление* становится *фактической необходимостью его положения*. Божественное правление, со всеми вспомогательными средствами, предоставляемыми великим планом искупления, должно взывать к его страстям, как к надежде, так и к страху. Ибо только сведя свою низшую природу к ее изначально подчиненному и гармоничному положению, можно установить равновесие и восстановить свое изначальное счастье. Но Божественное правление, хотя и действует в гармонии с требованиями его нравственной природы и основано на отношениях, которые он поддерживает к Иегове, и необходимо для его счастья здесь и в будущей жизни, само по себе не отвечает очень многим непосредственным требованиям его состояния. Отсюда утверждение Соломона: “Поскольку приговор за злое дело не приводится в исполнение быстро, следовательно, сердца сынов человеческих полностью настроены на то, чтобы творить зло”. Последствия послушания, какими бы высокими и святыми они ни были, и последствия непослушания, какими бы великими и ужасными они ни были, слишком далеки от человека во многих состояниях интеллекта и чувств, в которые он себя часто помещает, чтобы соответствовать непосредственным требованиям его природы. Следовательно, тамодификация правления, которая называется гражданским правлением, не менее востребована потребностями его состояния, чем Божественное.

Гражданское правление имеет дело главным образом с отношениями человека к своим ближним. Оно совпадает с Божественным правлением. Каждая из них направлена на контроль низшей природы человека и развитие его высшей природы. Средства, которые они используют, в принципе одинаковы. Они затрагивают одни и те же страсти. Награды и наказания одного - в этой жизни, а другого - главным образом в жизни грядущей. При этом гражданское имеет санкцию Божественного, а Божественное всегда должно иметь санкцию гражданского правительства. Но все же они совершенно различны, и их не следует смешивать ни в теории, ни на практике. Одно из них светское, а другое Божественное.

Итак, мы говорим, что гражданское правление — ибо об этом мы призваны говорить более конкретно — *является необходимостью состояния человека*. Это восходит ко времени сотворения человека. Сам Бог установил это в законе, который он дал для управления первыми отношениями, существовавшими на земле, — отношениями между Адамом и его “помощницей”. После грехопадения возникла необходимость, которая придала ей новое и более важное значение. Вскоре мы видим, как она распространяется на все общество и затрагивает все жизненные отношения.

Его необходимость и авторитет, как великого средства контроля над низшей природой человека, входят в число постоянных верований человечества. Ни законодатели, ни философы не породили эти верования. Они относятся к числу интуиций человека. Здравый смысл человечества не более уверен в существовании человека, чем в том, что падший человек должен быть обуздан в своих аппетитах, склонностях и страстях — сумме того, что часто считается его интересами и его счастьем, — с помощью *физических сил правительства*. Каждый отдельный человек чувствует, что ему нужны его мощные санкции, чтобы вооружиться против самого себя, когда возникает сильное искушение поступить неправильно; и что ему нужны его санкции, чтобы защитить его от возмущения и несправедливости со стороны его собратьев, когда ими движут аналогичные силы. Инстинкты животной природы не более

определены в своих движениях, чем *интуитивное* восприятие и спонтанные чувства человечества, заставляющие их опираться на сильную руку гражданского правительства, чтобы *контролировать* склонности и страсти и способствовать свободному проявлению высшей нравственной природы человека.

Правительство - это все общество в действии. Известно, что ни один народ не существовал в течение какого-либо определенного периода без правительства. Иногда, это правда, *форма* была результатом подразумеваемого взаимопонимания между людьми — как, например, когда “в Израиле не было судьи”: в других случаях бразды правления брал на себя дух-учитель, и им распоряжались по общему согласию; а в других случаях это было изменено с помощью формальных процессов, таких как конвенции и конституции. Как бы то ни было, правительство существовало всегда. Законодатели его не создавали. Им пришлось многое сделать для изменения, направления и часто для искажения формы; но ничего не сделать для создания правительства в любом собственном смысле этого термина. Это возникло спонтанно из здравого смысла человечества. Агент, необходимый для самосохранения, несомненно, был ровесником расы.

В своем истинно общем смысле, то есть в смысле, одинаково применимом ко всем формам, правительство - это *контроль* со стороны Бога и людей. Бог в своем слове провозглашает власть магистрата своим указом; и это согласуется с интуитивной верой и чувством необходимости всего человечества: не то, что кто-либо из них одобряет во всех случаях *форму*, которую принимает правительство, но то, что общий принцип во всех случаях имеет санкцию каждого.

Законная цель правительства состоит в том, чтобы обеспечить людям максимальную свободу, которую допускают их моральное состояние и относительные обстоятельства. Средствами, которые оно использует для достижения этой цели, являются: 1. Подходящие наказания, направленные против их надежд и страхов, чтобы наложить на них такие ограничения, чтобы потворствовать их аппетитам, склонностям и страстям, чтобы тем самым помешать им действовать как препятствие для свободного применения их интеллектуальных и моральных сил в стремлении к *существенному* благу; и, 2. Безопасность, которую это дает каждому человеку при использовании высших сил его природы, заключается в том, что он может делать это, не сдерживаемый человеческими страстями; или, другими словами, гарантировать каждому человеку свободное использование его сущностной способности творить добро.

То, что и цель правительства, и средства, которые оно использует, сформулированы правильно, оспаривать не приходится. Все люди согласны с этими взглядами. Они лежат в основе всех наших мнений и рассуждений по вопросу гражданского управления. Но соглашаясь с этим (и как этого можно избежать?) разве мы не можем быть привержены гораздо большему, чем осознают многие политики-теоретики?

Давайте проследим логические выводы, которые вытекают из обсуждаемых принципов.

I. Мы обнаруживаем, что человек наделен самодействующей силой воли, которая называется ментальной свободой, и, следовательно, он ответственен. Ибо, хотя и признается, что не может быть волеизъявления без мотива, все же это идея, неотделимая от наших представлений о ментальной свободе, что в этих мотивах не может быть ничего такого, что требовало бы волеизъявления; ибо в этом случае оно не было бы свободным. Но он волен избирать либо

правильный, либо неправильный мотив своего волеизъявления, и поэтому он несет ответственность за свои действия. Из этого также не следует, что эта свобода дает *право* поступать *неправильно*. Его свободу, как мы показали, следует понимать в некотором смысле, согласующемся с совпадающими идеями *права* и *долга*. Мы все осознаем, что, как только мы воспринимаем *хорошее*, в любом случае, у нас возникает чувство *обязанности* соблюдать это как правило поведения и избегать противоположного как *неправильного*; то есть у *каждого человека есть совесть*. Следовательно, хотя у человека есть *сила* поступать неправильно, у него нет *права* поступать неправильно; но есть только *право* делать то, что хорошо. Таково, и только таково, истинное субъективное *право на самоконтроль*. Поступать так, как нам заблагорассудится, не является правом, если только нам не захочется делать то, что само по себе *правильно*, то есть *благо*.

II. Мы видели, что его падение привело к тому, что он оказался в таких обстоятельствах, что атрибуты его низшей природы, его аппетиты, склонности и страсти часто имеют такое значение в качестве мотивов действий, что он всегда склонен поступать неправильно. Для этого можно было бы привести множество причин, *априорных*. Сначала разум вступает в контакт с внешним миром через телесные чувства. Они первыми вступают в игру, и, следовательно, сначала развиваются естественные чувства. Воля в форме спонтанного волеизъявления с самого раннего возраста привыкла действовать исходя из них в качестве мотива по той причине, что нет ничего другого, из чего она могла бы действовать. Чистый интеллект, воспринимающий добро, и соответствующее чувство долга развиваются медленно; и задолго до того, как можно будет сказать, что разум созрел, воля привыкает делать естественные чувства мотивом спонтанного волеизъявления. Теперь воля, как и все другие способности ума, подчиняется великому закону привычки; и если ее не сдерживать в соответствии с истинной идеей правления, формируется *привычка* подчиняться, которая, если ее рано не искоренить, становится устойчивой привычкой. Воля, вместо того чтобы быть управляющей силой разума, становится, по правде говоря, управляемой способностью. *Оно утратило силу самоконтроля*. Оно стало рабом страсти — утвердилось в привычке подчиняться. Именно на этой стадии умственной деградации Павел заявляет о “сосудах гнева”, о тех, кто своими собственными действиями привел себя в такое состояние, что “они пригодны к разрушению”. Итак, принимая во внимание эти факты и уже установленные принципы, каковы права человека?

Первый. В состоянии младенчества. Было доказано, что субъективные способности человечества и все, что необходимо для их существования и функционирования, являются *естественным правом человека*. Тот факт, что неразвитое благо является даром этой формы человечества, не подлежит сомнению: следовательно, все, что необходимо для его существования и функционирования, является естественным правом младенцев. Но очевидно, что управляющая сила, существующая где-то, совершенно необходима в случае с ребенком; то есть должна существовать сила, достаточно могущественная, чтобы контролировать спонтанные проявления воли, иначе, при обстоятельствах его положения, он, вероятно, лишит себя свободы по закону привычки. Таким образом, правительство — абсолютное правительство — необходимо для существования и функционирования дарования человечества в состоянии младенчества; и, следовательно, абсолютное правительство является *естественным правом младенца*. Следовательно, все гражданские правительства осуществляли (насколько это касалось воли и физического состояния) абсолютный деспотизм над ребенком и признавали родителя или кого-либо, назначенного вместо родителя, исполнителем своих функций в этом отношении. Не предоставлять младенцу эту крайнюю форму контроля было бы практически

отрицанием его естественных прав. Следовательно, эта крайняя форма деспотизма, столь далекая от того, чтобы быть проклятием, является естественным правом младенцев - благом, на которое они имеют право от природы. И опять же, гражданское правительство предоставляет ребенку прогрессивную модификацию этой формы правления в данных обстоятельствах. Она требует от своего агента ослабления строгости этого контроля и расширения привилегии самоконтроля, в том соотношении, в котором *практически* развиты чистый интеллект и чувство долга. Ибо ребенок, который стал в определенной степени субъектом долга и был расположен выполнять этот долг, но *насиленно* удерживался в физическом состоянии младенчества до тех пор, пока не утратил способность пользоваться своими конечностями, считался бы до такой степени лишенным права на самоконтроль и, следовательно, подвергался жестокому обращению. Агент в таком случае был бы сурово наказан, а ребенок передан в другие руки.

Следовательно, в том соотношении, в котором раскрывается чистый интеллект, возникает чувство долга или развивается совесть, которая становится практическим правилом действия, индивид *приобретает* право на самоконтроль, и только в этом соотношении. Это право может в конечном счете распространяться на все хорошее само по себе — гражданское правительство, всегда обладающее полномочиями наказывать за отступление от долга и тем самым всегда ограничивающее моральную власть людей поступать неправильно (потому что это никогда не могло быть их правом поступать неправильно) и всегда укрепляющее их в правильном осуществлении свободы воли, предоставляя мотивы, обращенные к их интеллекту и страстям, соблюдать право и избегать зла при осуществлении волевой власти. Следовательно, *естественное право человека* - это право на такой абсолютный контроль со стороны других в более ранние периоды его жизни, чтобы его воля могла сохранять свою самодействующую силу неповрежденной, поскольку его разум естественным образом развит временем и обстоятельствами; и на такое изменение этого абсолютного контроля в последующей жизни, которое может обеспечить ему должную сдержанность при искушении поступать неправильно и надлежащее поощрение в любое время поступать правильно.

Второе. *Право человека в состоянии зрелости.*

1. Правительство должно предоставить ему все его естественные права и защищать его при их осуществлении. То есть политическое правительство должно сотрудничать с Божественным, чтобы сохранить его волю в ее нормальном состоянии как самодействующую силу и гарантировать ему осуществление этой силы самодеятельности во всех благих делах. Человек, который защищен в пользовании этой врожденной свободой воли, является свободным человеком в самом строгом смысле этого слова. Власть над ним может быть сосредоточена в руках одного человека, или она может быть разделена между более или менее многочисленной аристократией, или это может быть то, что называется демократией, но само по себе это не влияет на факт его свободы. Если правительство гарантирует ему пользование этими правами и всем, что с ними связано, он, по существу, свободен. Тип правления, будь то наследственная монархия или демократическая республика, сам по себе не определяет фактическую свободу ее подданных. История дает множество примеров правления, при котором власть контроля была сосредоточена в руках всего лишь одного или нескольких лиц, что предоставляло своим подданным наибольший объем необходимой свободы. По сей день "*свобода британской конституции*" — как бы мы ни отдавали должное нашей собственной — ни в коем случае не является праздным хвастовством. Было бы большой ошибкой полагать, что правительство, передающее суверенитет огромной массе народа, является единственным свободным

правительством. Мы вынуждены признать, что лучше быть угнетенными *одним* или несколькими тиранами, чем множеством тиранов. Не *то* или *тот вид* правления делает субъекта по существу свободным. Но факт заключается в том, что контролирующая власть, независимо от того, принадлежит ли она одному или многим, обеспечивает каждому человеку пользование его естественными правами — предоставляет ему ту систему приспособлений, которая развивает и созревает самодействующую силу его воли, — препятствует любому злоупотреблению этой властью и полностью защищает его при надлежащем ее использовании в стремлении к сущностному благу. *Именно это делает его свободным.*

Для тех, к кому это применимо, мы предпочитаем демократическую республику; потому что это более надежное правительство и менее подвержено злоупотреблению властью; не потому, что это обязательно более свободное правительство, чем любое другое. Другая форма правления может обеспечить равную свободу во всех существенных частностях; и эта форма может быть такой же деспотичной, как и любая другая; и всякий раз, когда это так, положение угнетенного меньшинства гораздо более безнадежно, чем положение угнетенного большинства при какой-либо другой форме правления. Тем не менее, в определенных условиях жизни людей это гораздо более безопасная форма правления. Правители государства всегда должны быть социально равными и, в то же время, честными и умными. Такие правители не будут угнетателями. Если правители демократии разумны, то по той причине, что лишь немногие участвуют непосредственно и лично в управлении государством и получении служебных трофеев, у них мало стимулов к коррупции, и они, скорее всего, будут честными. Масса людей, хотя и часто ошибается во мнениях, всегда права в чувствах — они намерены поступать правильно и желают поступать правильно. Если они действительно ошибаются в каком-то конкретном случае, их обычно можно исправить, поскольку у них нет мотива оставаться неправыми. Следовательно, мы думаем, что когда условие интеллекта выполнено в случае с теми, кто занимает социальную позицию, мы можем ожидать более мудрого и чистого правительства; в то время как степень, в которой они могут участвовать в делах правительства, укрепляя его привязанность, не может не сделать это правительство более надежным. Ситуация сильно отличается в случае правительства, сосредоточенного в руках немногих. Монархи в то же время являются блюстителями закона. Они разделяют не только почести суверенитета, но и непосредственные выгоды от суверенитета - служебные трофеи. Соблазны злоупотребить властью всегда присутствуют и активны. Следовательно, мы обнаруживаем, что такие правительства чаще всего являются репрессивными. При этом, даже в тех случаях, когда они не являются таковыми (ибо в этом нет необходимости) по той причине, что масса людей не принимает непосредственного участия в делах правительства, они не так преданы его интересам, и, следовательно, правительство не может быть в такой безопасности. По этим причинам демократическую республику высокопарно называют *свободным правительством*; но, очевидно, не потому, что это единственная форма, обеспечивающая свободу ее подданным. Любая из этих форм является законной, когда они настолько приспособлены к условиям жизни людей, что обеспечивают им максимальную свободу, которую допускают эти условия.

2. Правительство должно обеспечить ему все приобретенные им права или права, которые он приобретает путем надлежащего использования своих основных прав. Из них, как мы замечаем,

1. Его права на социальное равенство с теми, с кем у него общие интересы, удовольствия, выгоды, счастье и обязанности. Эти права обычно варьируются в зависимости от состояния разных людей, или разных классов людей. Не будет утверждаться, что младенец или идиот и

человек с грубым интеллектом и вульгарными привычками имеют интересы и обязанности, общие друг для друга и общие для лиц, находящихся в другом положении, в любом таком смысле, который давал бы им право на социальное равенство. Как их психическое, так и физическое состояние было бы препятствием для любого такого равенства. Таким образом, в случае полов разницы в физическом состоянии является препятствием, за исключением состояния в браке. Точно так же определенные расы людей по своему физическому состоянию лишены социального равенства во многих отношениях с представителями других рас. Обязанности, требуемые одним условием для достижения существенного блага, сильно отличаются от обязанностей, связанных с другим условием, которые необходимы для достижения той же цели. Но привилегия социального равенства со всеми, находящимися в сходном положении, которая является результатом выполнения обязанностей, вытекающих из этого состояния, является правом каждого. Некоторым потребуется позитивное право для их обеспечения; как и в брачных отношениях, социальные, а также другие права сторон должны быть гарантированы законом; в то время как другие будут лучше защищены, если оставить их регулироваться обычаями общества — всего лишь другой формой правления. Но существует очевидное различие в социальных правах людей, которое правительство обязано уважать, если только это не остановит прогресс цивилизации; потому что это неравенство, основанное на различии условий, которое ни одно правительство не может обеспечить, и не предполагалось, что оно должно обеспечивать. Мы замечаем,

2. Это правительство должно обеспечить ему все те политические права, на которые он имеет право, надлежащим образом используя его основные права.

Нам нет необходимости уточнять все политические права, которые можно считать приобретенными. Достаточно рассмотреть эту тему в связи с вопросом о суверенитете. Мы говорим, что все члены данного общества, имеющие общие интересы в этом обществе, имеют право разделять суверенитет его правительства *определенных условиях и ни на каких других*. Мы исходим из того, что простая человечность сама по себе не дает никому права на политический суверенитет. Если бы это было так, мы были бы обязаны причислить женщин, наряду с несовершеннолетними обоего пола, и заключенных государственных тюрем, к властителям общества. Все они являются совершенными образцами человечности. О первых можно сказать, что они часто равны по интеллекту противоположному полу, а в других отношениях, как правило, являются превосходящими представителями человечества. Все они имеют интерес к обществу, общий для всех других его членов, и все же признается, что их не следует причислять к суверенам страны. Что же тогда дает человеку право на политический суверенитет? Первое — он должен был достичь той точки в умственном развитии, на которой у него будет способность, как и у других, понимать и ценить ведущие принципы государственного управления и их применение. Во—вторых, он должен был достичь того периода в жизни, в котором обычно наблюдается соответствующее развитие морального чувства — чувства обязанности поступать правильно, — которое дает разумную гарантию добросовестного применения его знаний при выполнении обязанностей суверена. Третье — он должен находиться в том состоянии социального равенства, которое дает ему общие интересы, общее счастье и общие обязанности гражданина с другими суверенами, что также обеспечит необходимую гарантию добросовестного выполнения им своих обязанностей. И, в—четвертых, он также должен быть в той физической форме, которая необходима для исполнения обязанностей на столь ответственной должности, при любых обычных обстоятельствах. Если одно или несколько из этих условий исключают целый пол, вместе со всеми

несовершеннолетними, идиотами, преступниками и иностранцами, они в то же время ограничивают его определенным классом мужчин и лишают всех остальных каких-либо прав на него. Ни один здравомыслящий человек не допустил бы, чтобы сила суверенного контроля, присущая правительству, могла быть с сохранением единственного законного объекта управления - счастья подданных - передана какому-либо другому классу людей. Но те, кто выполняет эти условия, имеют право править. Они приобрели его благодаря выполнению тех обязанностей, которые возвысили их до уровня, позволяющего претендовать на суверенитет. В этом не следует отказывать. Если в обществе много тех, кто имеет право на суверенитет, правительство должно принять народную форму — демократическую республику. Но если те, кто способен править, составляют ограниченную часть всего общества, то более подходящей является какая-то другая форма правления.

Но наша тема заставляет нас заметить:

*Третье. Права человека в диком или нецивилизованном состоянии.*

Никогда не было известно, чтобы ни одно дикое сообщество без посторонней помощи поднялось до уровня цивилизации; и каждый пример дикого общества служит доказательством того, что это состояние, в которое они впали из-за тенденций развращенной природы. Это примеры, когда правительство, которым первоначально пользовалось — как человеческое, так и Божественное, — не смогло сохранить за индивидом ту свободу воли в стремлении к благу, которую правительство призвано обеспечить. Чистый разум недостаточно развит, чтобы составить просветленную совесть. Живя отдельно от цивилизованного общества, отсутствие всех искусственных потребностей цивилизации в высшей степени благоприятствует развитию многих естественных добродетелей — таких, как гостеприимство к незнакомцам, правдивость, верность и щедрость по отношению к своим друзьям; но неразвитое состояние чистого разума оставляет моральное чувство в состоянии такой незрелости, что характеризует их как неверных, жестоких и мстительных по отношению к своим врагам. Это характеристики, которые в состоянии их физической зрелости делают их ужасными для своих соседей.

Теперь вопрос в том, каковы права такого народа? Бесполезно обсуждать этот вопрос в той мере, в какой он относится к простому дикарскому правительству; ибо с этой точки зрения это вопрос, не представляющий интереса. Но вопрос в том, каких прав они могут требовать от цивилизованного народа? это тот, с которым нам приходится иметь дело.

Они, безусловно, имеют естественное право на защиту при данных обстоятельствах и свободу от угнетения при любых обстоятельствах. Если цивилизованный народ, удерживающий баланс сил благодаря превосходству в интеллекте, имеет неоспоримое право защищать себя от жестокости и неверности соседних дикарей, все же следует признать, что угнетение в любом собственном смысле этого слова было бы вторжением в их естественные права. Они имеют право на то, чтобы им предоставили максимальную свободу, которой их психическое состояние позволит им пользоваться на законных основаниях. И более того, их естественные права требуют от них разумных усилий по улучшению своего морального состояния. Отсюда благородные усилия, прилагаемые сейчас христианским народом этой страны по евангелизации дикарей на нашей границе, и не менее похвальные усилия правительства Соединенных Штатов по содействию этому проекту путем ежегодных ассигнований из национальной казны. Все это лишь подтверждает их права. Но дают ли эти права им право требовать социального равенства с цивилизованным народом? То, что другой человек имеет

право требовать от меня, я обязан предоставить. Является ли тогда моим долгом предоставлять социальное равенство любому или каждой бродячей дикарке, которая может случайно пройти мимо моего жилища? Должен ли я не только распространить на него права гостеприимства, подобающие странствующему дикарю, — давать ему пищу и кров при данных обстоятельствах и обращаться с ним по—доброму во всех отношениях, - но и распространить на него истинное социальное равенство, такое, какое мой долг соблюдать по отношению к другим людям на определенных ступенях цивилизации! Ни один человек — сам не дикарь — не осмелился бы утверждать это! Дикарь не имеет права заявлять об этом. Причина очевидна из обсуждаемых принципов. Определенные социальные права возникают только при определенных условиях нравственного развития и выполнения обязанностей, которые налагаются на это государство. Дикарь не достиг этого состояния; следовательно, он не выполнил своих обязанностей и не имеет права на социальное равенство, которое присуще этому государству. Для разумного человека утверждать, что он имеет это право в силу своей простой человечности, было бы просто смешно. И из этого следует, *тем более*, что в нашу обязанность гораздо меньше входит предоставлять ему равное участие в управлении государством — позволять ему контролировать дела правительства — делиться полномочиями регулировать наши отношения, внутренние и внешние; и даже участвовать в управлении нашими семьями.

Человек, который серьезно предложил бы в Конгрессе аннексировать дикие племена на нашей границе в качестве суверенных государств этого Союза, был бы всеми здравомыслящими людьми сочтен сумасшедшим. Никто из управляющих ткацкими станками, шпинделями и другими механизмами среди аграрной части нашего северного сообщества, при всем их хваленом знании естественных прав человека и их готовности предоставить равные права всем людям и защищать их при отстаивании этих прав, пока еще не решился зайти так далеко — хотя мы можем быть в недоумении, почему они настолько искажают свои принципы, чтобы не делать этого.

Теперь, поскольку в наши обязанности не входит делать это от имени соседней расы нецивилизованных людей по той причине, что они не имеют на это права, как обстоит дело с многочисленным классом таких людей, расселенных по определенной части нашей страны? Предоставляет ли это изменение положения и контакт с цивилизацией им более высокие права, чем те, которые, как уже было признано, принадлежат им в отдельном государстве в силу их человечности? Является ли нашим долгом предоставить им равные политические права? и по той причине, что они распространены в массах общества? Можно ли сохранить эту позицию? Напротив, изменение положения и услуга, которую в этом положении они оказывают делу цивилизации, которая, как предполагается, обеспечивает им право, не принадлежащее их классу лиц, занимающих отдельное положение, не только не подтверждают эту доктрину, но и дают еще более веские доводы против нее. Они не только нецивилизованны, но и сейчас в состоянии оказывать дурное влияние, чего в отдельном государстве они не смогли бы сделать, хотя и могли бы жить на нашей границе. В отдельном государстве им неизвестны искусственные потребности цивилизованной жизни. Их положение не дает им больших источников соблазна поступать неправильно, вторгаясь в права соседей. Но при непосредственном контакте с цивилизацией они усваивают великое множество этих искусственных желаний и ощущают их объектами вождения. Эти желания, по незыблемому закону человеческого разума, должны быть постоянным источником искушения — они требуют удовлетворения. Если бы потворство своим желаниям не было ограничено ни системой законов, действующих в соответствующих случаях, ни мотивами, которые порождает состояние цивилизации, это неизбежно привело бы к

пренебрежению правами собственности и общему падению нравственности. У них нет последнего, поскольку они нецивилизованны. Следовательно, требованиям их положения должны соответствовать законы, соответствующие нецивилизованному народу. Законы, соответствующие состоянию цивилизации, поскольку они согласуются с мотивами, исходящими от этого состояния, не более чем достаточны для сдерживания страстей цивилизованных людей. Полагаться на них в случае с нецивилизованными людьми было бы величайшей глупостью. Следовательно, если бы не было нашим долгом делиться нашими политическими правами с таким народом, проживающим на нашей границе, в отдельном государстве, то по гораздо более веской причине не является нашим долгом делать это для тех, кто живет среди нас. Если это не наш долг - делать это, то и они не могут иметь права требовать этого; ибо права и обязанности всегда взаимны. Но, напротив, по тем же общим причинам, по которым цивилизованное государство обязано подчинять всех своих несовершеннолетних деспотизму родительского контроля, как это было определено ранее, долг государства - подчинить нецивилизованную расу, которая может случайно поселиться в пределах его границ, аналогичной форме правления. Этот деспотизм не обязательно должен быть деспотичным в одном случае больше, чем в другом. Все наши коренные граждане с гордостью хвастаются тем, что они всегда жили при свободном правительстве; и все же до двадцати одного года они воспитывались при чистом деспотизме. Но это не лишает их права хвастаться. Верно, правительство предоставило почти абсолютный контроль родителям, или опекунам, или мастеру ученика! Они могли бы притеснять их. Но правительство, которое было готово отстоять их права, не сделало этого. Правительство, как мы видели, в том, что оно сделало, лишь предоставило им их естественные права — при условии, что оно предоставило им максимальную свободу, которую допускало их положение. Для них это было, по сути, свободное правительство, хотя и в одной из форм деспотизма. Таким образом, в той форме деспотизма, которая присуща расе нецивилизованных людей, живущих среди цивилизованного народа, если она приспособлена к их условиям или обеспечивает им (как в случае с несовершеннолетними) их естественные права, это *для них и для них свободное правительство*. Это вовсе не проклятие, как учат многие наши философы, это благословение, на которое они имеют право по своим основным правам. Любая другая форма правления была бы, в их случае, так же как и в случае с несовершеннолетними, практическим лишением их прав; потому что это привело бы к уничтожению их основных прав; то есть порабощению их воли низменным страстям падшей природы.

Следовательно, мы находим, что правление, как человеческое, так и Божественное, является особой необходимостью в падшем состоянии человека и совпадает с историей расы: что его законная цель состоит в том, чтобы уберечь его от уничтожения его существенной свободы воли, которое неизбежно последовало бы, если бы не было правительства, и обеспечить ему пользование наивысшим объемом этой свободы, который позволит его состояние: что для этого допустимы различные формы гражданского правления; и что следует применять ту, которая наилучшим образом приспособлена к состоянию людей, и является единственным строго *свободным правлением* для людей, которым это подходит. Демократия, применяемая к несовершеннолетним или дикарям среди цивилизованного народа, была бы самым жестоким из всех видов угнетения. Мы видели, что *средства*, подходящие правительству, — это подходящие наказания, адресованные нашим страстям надежды и страха: что единственное *право*, которым человек обладает для осуществления присущей ему свободы, то есть

единственное право, которое у него есть на самоконтроль, - это право делать то, что само по себе *правильно*, а не право поступать *неправильно*: что исключительная власть правительства состоит в том, чтобы удерживать человека от *неправильных*, а также защищать и поощрять его в поступках *правильно* — ограничивать его *власть* поступать неправильно, а не свою силу поступать правильно — вот что он стремится укрепить. Мы видели, что права человека в государстве меньшинства — и те же права нецивилизованных людей, живущих в сообществе цивилизованных, — заключаются в преимуществах абсолютной формы правления; любая другая была бы для них лишь системой разорительного угнетения; что по достижении зрелости цивилизованного человека он должен быть защищен в осуществлении всех прав, которые естественно принадлежат состоянию зрелости, а также в пользовании всеми теми правами, которые он приобрел, пользуясь привилегиями, предоставляемыми его положением. Из приобретенных им прав мы видим, что при определенных условиях он имеет право на социальное равенство; и что при определенных дополнительных условиях он имеет право на политический суверенитет.

Теперь мы спрашиваем, в каком смысле можно сказать, что законное правительство - это уступка одних прав с целью обеспечения других? Конечно, нехорошо видеть, что это только ограничивает его способность поступать *неправильно*, накладывая на него соответствующие ограничения, и что это делается для того, чтобы обеспечить себе как власть, так и привилегию поступать правильно. Но ложно предполагая, что правительство - это уступка прав, и что правительство, при котором каждый гражданин не идет на добровольную уступку прав, осуществляемых правительством, является жестоким угнетением, люди приходят к выводам, которые, будучи осуществленными (а принципы, как правило, приводят к своим результатам), приводят к аграризму, то есть к уничтожению всех прав путем уничтожения всей цивилизации.

И снова мы спрашиваем, каким образом отсюда следует, что домашнее рабство негра в Америке является ограничением его неотъемлемых прав? Конечно, не из-за того факта, что он находится под абсолютной формой контроля, поскольку мы видели, что в определенных условиях человечества это единственная форма правления, которая вообще обеспечит какую-либо свободу: как в случае со всеми несовершеннолетними, так и в случае с нецивилизованной расой, которая может случайно распространиться среди массы цивилизованных людей. Если, таким образом, его правительство вообще является угнетателем, то это потому, что его уровень цивилизации и относительные обстоятельства его положения приобрели для него *права социального равенства* и *права политического суверенитета*. Это вопросы факта, которые будут рассмотрены в надлежащем месте.

---

## ЛЕКЦИЯ VI.

### АБСТРАКТНЫЙ ПРИНЦИП РАБСТВА, ОБСУЖДАЕМЫЙ НА ОСНОВАНИИ СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЙ, И ИСКАЖЕНИЯ РАССМАТРИВАЕМОГО ПРИНЦИПА.

Истинное субъективное право на самоконтроль, определенное в соответствии со Священным Писанием—Абстрактный принцип рабства, санкционированный Священным Писанием—Римское правительство—Доктор Исследованный и опровергнутый аргумент Вэйленда о Священных Писаниях - позиции доктора Ченнинга и профессора. Уэвелл исследовал и опроверг.

Вопрос о том, согласуется ли существующий среди нас институт домашнего рабства в своих *деталях* с учением Священного Писания, приберегается для будущей лекции. Теперь мы спрашиваем, насколько это согласуется со Священным Писанием в его великих фундаментальных принципах? — абстрактных принципах, которые, как до сих пор было показано, являются правильными.

Мы, конечно, признаем полный авторитет Священных Писаний. Хотя Библия и не является официальным философским трактатом, она воплощает в себе не что иное, как глубочайшие принципы как ментальной, так и моральной науки; и все ее учения находятся в соответствии с ними. “К закону, - значит, - и к свидетельству”. Подтверждают ли они принципы, которые я стремился установить? Предоставляют ли они человеку какое-либо иное субъективное право на самоконтроль, кроме просто *права* делать то, что само по себе является *правильным*, то есть *добром*? Правда, они предполагают, что у него есть *власть* поступать неправильно, но в то же время они отказывают ему во *всяком праве* поступать неправильно. Все те Священные Писания, которые запрещают ему поступать *неправильно* и предписывают ему поступать *правильно* под строгим наказанием за непослушание, являются доказательством. Они слишком многочисленны и знакомы, чтобы требовать, чтобы я их цитировал. Все они предполагают, что у него есть *власть* поступать *правильно* или *неправильно*, но только *право* делать то, что *правильно*. Тот, кто, таким образом, устанавливает *право* делать что-либо и не может привести для этого лучшей причины, чем то, что у него есть *власть* делать это в силу своей человечности, и что, следовательно, другие не должны чинить препятствий на пути его выполнения этого, рискуя ограничить его естественное право, предполагает гораздо больше, чем позволяет ему Священное Писание; более того, он предполагает то, что запрещено ему Священным Писанием, не меньше, чем разумом и здравым смыслом; и если бы ему было позволено осуществлять такую незаконную *власть* под предлогом *естественного права*, он не смог бы не в состоянии положить конец всякому закону и ввергнуть общество в состояние анархии. Следовательно, правительство, которое помещает несовершеннолетних, иностранцев и граждан, которые в то же время позволяют себе быть подданными иностранного государя, вместе с нецивилизованными людьми в обстоятельства, при которых они не могут или маловероятны причинить вред своим соседям или обществу, не лишает их по этой причине *естественного права*, если только не может быть доказано, что у них есть естественное право делать то самое, на что Священное Писание заявляет, что они не имеют права делать, то есть причинять вред своим соседям! Из этого далее следует, что право совершать поступки, которые предполагают ответственность, - это право делать то, что *само по себе является правильным*.... Или, другими словами, единственное естественное право на самоконтроль - это право делать

то, что хорошо. Следовательно, те, кто заявляет о праве какого-либо класса общества на политический суверенитет, должны быть готовы показать, что существенное благо требует предоставления им такой привилегии, иначе они не смогут доказать свое право по той причине, что никакое право никогда не может быть справедливо *приобретено*, которое не совпадает с естественным правом творить добро.

Опять же, мы показали, что абстрактным принципом рабства является контроль по воле другого человека со всеми его коррелятами: что это существенный элемент любого правительства; ибо правительство, которое не осуществляло бы право контролировать людей, даже против их воли, при данных обстоятельствах, вообще не было бы правительством. Согласуются ли эти взгляды с учениями Священного Писания? Этот контроль является важнейшей идеей правления, является интуитивным восприятием и не нуждается в доказательствах. Тогда вопрос сводится к следующему: санкционирует ли Священное Писание правительство? Тот факт, что Библия сама по себе является всего лишь системой правления, оспариваться не будет. Она *запрещает и повелевает* требует, чтобы все люди соотносили свою волю с ее требованиями, как с тем, что само по себе хорошо. Более того, он санкционирует гражданское правительство в самых недвусмысленных выражениях: “Пусть каждая душа будет подчинена высшим силам. Ибо нет власти, кроме как от Бога: власть имущие установлены Богом. Следовательно, всякий, кто противится силе, ”то есть авторитету правительства“, противится постановлению Божьему; и те, кто противится, получают для себя проклятие” и т.д. (Рим. хiii. 1-7. Смотрите заметки А. Кларка.) Это было сказано римским христианам и представляло собой предписание подчиняться правительству Цезаря. В том правительстве, как хорошо известно, сильно преобладал элемент рабства, но оставалось мало места для осуществления самоконтроля; народу было отказано в политическом суверенитете. Объявляя правительство, даже в этой крайней форме контроля над волей людей, своим назначением, Бог устанавливает *принцип, который сам по себе является правильным*. Однако доктор Вэйленд (см. Статью “Способы, при которых может быть нарушена личная свобода”) утверждает, “что Евангелие диаметрально противоположно *принципу* рабства”.

Моральные предписания Библии, которые, по его мнению, диаметрально противоположны принципу рабства, заключаются в следующем (цитируемом им самим): “Возлюби ближнего твоего, как самого себя; и все, чего бы вы ни хотели, чтобы люди поступали с вами, поступайте и вы так же по отношению к ним”. Он говорит, что “если бы этому предписанию повиновались, очевидно, что рабство на самом деле не могло бы существовать ни единого мгновения”. *Принцип* предписания абсолютно противоречит *принципу* рабства”. То, что Евангелие, тем не менее, должно признавать рабовладельцев (ибо ни еврейский, ни римский закон не *требовали* от любого гражданина содержать рабов) “верующими” и “достойными всякой чести”, и *требовать от удерживаемых ими рабов-христиан признавать их братьями, то есть хорошими людьми, и оказывать им все почести*, очевидно, является для Доктора неприятным вопросом. Здесь нет места для удивления. Вторая цитата из Священного Писания, это разрешено, интерпретирует первое. В каком смысле тогда мы должны понимать обязанность, заложенную во втором? Есть только два смысла, в которых форма выражения позволит нам придать какое бы то ни было значение. Первое: поступайте с другим так, как вы хотели бы, чтобы он поступил с вами, если бы вы были в его ситуации; и второе: поступайте с другим так, как вы имели бы *право* требовать от другого, если бы вы были в его обстоятельствах.

Теперь, если бы мы могли предположить, что Спаситель хотел, чтобы его язык был понят в первом смысле, возможно, не было бы никаких сомнений в том, что наш долг - отменить домашнее рабство, поскольку мы, без сомнения, желали бы освобождения, если бы находились в состоянии домашнего рабства. Но, к несчастью для аргумента, эта интерпретация не остановилась бы на отмене домашнего рабства в случае африканца. Это также коснулось бы домашнего рабства ребенка. Едва ли найдется в христианском мире хоть один своенравный юноша, который не мог бы справедливо требовать освобождения от родительских уз по тому же принципу! Более того, преступник на скамье подсудимых, заключенные государственных тюрем и бедняк в своей лачуге - все будут требовать освобождения! И поскольку то, что является долгом в других, в таких случаях является правом в них самих, не предоставить им освобождение, безусловно, было бы отказом в их справедливых правах! Является ли это тем смыслом, в котором доктор Вэйленд хотел бы, чтобы мы понимали Спасителя человечества? Несомненно, что это единственный смысл, в котором его слова могут быть поняты как подразумевающие необходимую отмену рабства! Мы с радостью освобождаем доктора У. от намерения учить любой подобной аграрной глупости. И все же мы не видим веской причины, по которой человек, столь выдающийся как христианин и ученый, должен допускать, чтобы даже раннее предубеждение относительно практического вопроса, в котором он допускает свою неосведомленность, приводило его к таким взглядам на простой принцип, которые логически вовлекают его в грубейшую нелепость.

То, что второй приведенный смысл является правильным для понимания учения Спасителя, не подлежит сомнению. То, на что мы имели бы *право претендовать*, если бы оказались в положении раба, - это именно то, что мы должны предоставить такому рабу, согласно заповеди Спасителя. Если у нас будет право претендовать на политический суверенитет, то при таких обстоятельствах мы обязаны предоставить им такой суверенитет, то есть освободить их из рабства. Это напрямую связано с вопросом, подходят ли они для того самоуправления, которое связано с таким суверенитетом? Мы доказали, что они не являются таковыми просто в силу своей человечности; и являются ли они таковыми или нет в силу приобретенных знаний, является практическим вопросом, который доктор Вэйленд допускает, что он не компетентен решать. Этот вопрос будет рассмотрен в другом месте. Здесь достаточно заявить, что Священное Писание, на которое так уверенно опирались как на отрицание принципа рабства, как оказалось, вообще не затрагивает вопроса об этом принципе и, следовательно, применяется совершенно неправильно.

Патриархальная форма правления, существовавшая до теократии евреев, представляла патриарха (он был главой семьи) владельцем рабов. Авраам, Лот и другие держали их в большом количестве. Эти люди пользовались безоговорочным одобрением Иеговы и в своем характере рабовладельцев пользовались им не меньше, чем во многих других отношениях. Согласно доктору У., они пользовались Божественным одобрением в совершении беззакония; ибо, по его словам, Библия осуждает как *принцип* так и *практику* рабства!

Очевидно, что евреи привезли с собой рабов из Египта; ибо условия Десятисловия подразумевают не только то, что они были знакомы с домашним рабством, но и то, что в то время это было распространенной практикой среди них. Но более того, Декалог - это строго конституция, которую сам Иегова дал еврейскому народу. Теперь предполагать, что он предусмотрел в этой конституции защиту во все грядущие времена (ибо ей позволено воплощать неизменные принципы) отношений, которые сами по себе были *беззаконием*, — это

больше, чем просто абсурд -это профанация. И несомненно, что десятая статья этой конституции предусматривает защиту права собственности на рабов: *“Ты не должен желать слуги твоего ближнего, ни его служанки, ни чего-либо, что принадлежит твоему соседу”*.

Спаситель признал за этим законом, каким он был изначально задуман, универсальную обязательность и силу: *“Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: Я пришел не нарушить, но исполнить”*. Мф. ст. 17.

В соответствии с этим основным законом нации Бог предусмотрел в их гражданских институтах функционирование регулярной системы домашнего рабства. В соответствии с этими институтами еврей может потерять свою свободу и стать домашним рабом шестью различными способами. (См. А. Кларк, Пример ххі.)

1. Находясь в крайней бедности, он мог бы продать свою свободу. Лев. ххv. 39: *“Если брат твой обеднеет и будет продан тебе”*.

2. Отец может продать своего ребенка. Ех. ххі. 7: *“Если мужчина продаст свою дочь в служанки”*.

3. Несостоятельные должники стали рабами своих кредиторов. 2 Царств iv. 1: *“Мой муж умер, и пришел заимодавец, чтобы взять к себе двух моих сыновей в рабы”*. И еще, Мэтт. хviii. 25.

4. Вор, если у него не было денег, чтобы заплатить штраф, налагаемый на него законом, должен был быть продан за свою прибыль тому, кого он ограбил. Исх. ххii. 3: *“Если у него ничего нет, то он должен быть продан за кражу”*.

5. Еврей мог быть взят в плен на войне и продан в рабство. 2 Паралипоменон. хii. 8.

6. Раб-еврей, которого еврей выкупил у язычника, мог быть продан тем, кто выкупил его, кому-либо из своего народа.

Все, кто стал рабом при этой системе, были освобождены на седьмой год, за исключением тех, кто отказался принять свободу. Ех. ххі. 2-6. Они были освобождены в юбилейный год.

Но затем закон также предусматривал пожизненное содержание домашних рабов *in perpetuity*.

*“И рабы твои, и рабыни твои, которые будут у тебя, будут из язычников, которые вокруг тебя; из них купи рабов и невольниц. Более того, из детей пришельцев, которые живут среди вас, вы должны покупать их и из их семейств, которые с вами, которых они породили в вашей земле; и они будут вашим владением; и вы должны взять их в наследие вашим детям после вас, чтобы унаследовать их во владение: они будут вашими рабами навеки; но над братьями вашими, сынами Израилевыми, вы не должны господствовать друг над другом со строгостью”*.

Попытки, которые иногда предпринимаются, чтобы доказать, что δοῦλος в Септуагинте *iservus* в версии Вульгаты, переведенные безразлично как *слуга* или *рабыня*, означают только *наемного слугу*, нужно только упомянуть, чтобы быть опровергнутыми. То, что эти термины определяли фактическое состояние рабства среди греков и римлян, никто, знакомый с фактами, не будет отрицать. Но каким бы ни было их первоначальное значение, их следует понимать как библейские термины в смысле оригинального еврейского языка, для выражения которого они используются. Итак, нет ничего более определенного, чем то, что еврейская Библия (и то же

самое верно для английского перевода) говорит о *слугах*, *наемных слугах* и *рабах*. Термин “слуга” является общей формой и, очевидно, означает человека, находящегося под контролем воли другого: *наемный слуга* — это тот, кто служит таким образом по контракту в течение определенного периода; в то время как *рабский слуга* - это тот, кто либо заключил контракт на выполнение этой работы на протяжении всей своей жизни, либо кто по военным обычаям, или по наследству, или путем покупки у другого был таким образом связан служением (таких Павел называет “рабами под игом”. 2 Тим. vi. 1.). Эти различные отношения отчетливо обозначаются использованием этих терминов в Библии, и особенно в значении слова “раб”, в отличие от наемного слуги: *“Если брат твой, живущий у тебя, обеднеет и будет продан тебе, не принуждай его служить рабом, но он будет наемным слугой, и пришельцем”*. Лев. xxv. 39, 40.

Таким образом, мы обнаруживаем, что еврейская конституция предусматривала защиту права собственности на слуг или рабов в общем смысле, то есть в той или иной форме; и что Тот, кто дал им их гражданские институты, также предусмотрел в соответствии с их конституцией организацию регулярной системы домашнего рабства в двух различных формах: *одна*, порабощение в истинно общем смысле евреев при данных обстоятельствах на определенный период; *и другое*, порабощение в том же смысле соседних язычников, *навечно*.

Таково было законное происхождение домашнего рабства у евреев. Во время всех бедствий, обрушившихся на этот народ, эта конституция и эти законы не знали ни отмены, ни изменения. Ни в один период своей истории они не обходились без домашних рабов; и когда Спаситель обитал среди них, вся земля была наполнена такими рабами. Ни одно государство в этом Союзе не может с большим основанием считаться рабовладельческим сообществом, чем еврейский народ во дни Спасителя. В каждом собрании, к которому он обращался, могли быть рабы-рабыни. Гостеприимство каждой семьи, в которой он принимал участие, вероятно, оказывалось ему, в большей или меньшей степени, домашними рабами. И за все это время и при всех этих обстоятельствах, как известно, с его уст не сорвалось ни единого слова, ни публично, ни в частной беседе, объявляющего отношения господина и рабыни греховными! Но, напротив, осуждение Павлом — 1 Тим. vi. 3 — учителей доктрин отмены, что они *“не соглашались с полезными словами, даже со словами Господа нашего Иисуса Христа”*, является достаточным основанием полагать, что он всегда одобрял это отношение и недвусмысленно осуждал все попытки отменить его как долг религии, которой он учил. И несомненно, что это отношение стало предметом некоторых из его самых красноречивых намеков и основой некоторых из его самых поучительных притч: “Один у вас Учитель, Христос”, Мф. xxiii. 10: “Учитель Благой, что мне делать?” Марк x. 17: “Никто не может служить двум господам”, Матф. vi. 24 - являются образцами первого; в то время как притча, Матф. xiii. 24-28: “И сказали рабы: не хочешь ли, чтобы мы пошли и собрали их?” — о винограднике, Матф. xxi.; о талантах, Матф. xxv.; и другие подобного рода примеры последнего. И все же, молодые джентльмены, авторвавшего текста говорит, что доктрины Библии, и особенно учения Спасителя, “диаметрально противоположны как принципу, так и практике домашнего рабства”. Если это правда, то действительно становится странным, что сам Иегова предусмотрел в органическом законе еврейского государства функционирование системы домашнего рабства и серией законов, разработанных в соответствии с этой конституцией, привел такую систему в действительное действие; и что Спаситель человечества также дал, согласно каждому законному толкованию, которое можно дать, либо его языку, либо его поведению, свое безоговорочное одобрение тому, что так категорически противоречило всем его доктринам! Это говорит лишь о малой толике всего этого, чтобы утверждать, что это вопиющий абсурд! Оно не может ссылаться ни на какую

известную нам доктрину в свою защиту, если только это не родственная абсурдность, что *воля Божья* не является правилом права в том смысле, что она всегда соответствует тому, что *само по себе правильно*, то есть хорошо; но что это правило права в другом смысле, что оно абсолютно, само по себе, единственное правило права; и что в рассматриваемом случае домашнее рабство было правильным для евреев, потому что так пожелал Бог, но то же самое в принципе и при схожих условиях. обстоятельства, были бы неправильными для любого другого народа, потому что в отношении них Бог пожелал иначе: таким образом, наделив Божество властью *делать неправильное правильным, а правильное неправильным!* Мы с сожалением узнаем, что этот абсурдный взгляд на Божественную волю вышел за пределы страниц доктора Пейли. Его поддерживают некоторые выдающиеся богословы. Но в любом случае дать ему определенное применение - это все, что требуется для его полного опровержения. Мы с уверенностью полагаемся на вывод о том, что то, что Бог таким образом предусмотрел в еврейской конституции, было правильным в принципе само по себе, и что в условиях еврейского народа это было правильным на практике.

К числу странных, если не полностью необъяснимых, заблуждений, если не грубых искажений фундаментальных идей домашнего рабства, мы можем отнести идеи доктора Ченнинга и проф. Дж. Уэвелл. Последний в своих “Элементах морали” утверждает, что “рабство превращает человека в вещь — субъект просто пассивный, без каких-либо признанных атрибутов человеческой природы”. “Раб, ” говорит он далее, - в глазах закона, который закрепляет за ним этот характер, не признается человеком. Он низводится до уровня животного”, то есть, как он объясняет это, “он лишен своей моральной природы”.

Доктор Ченнинг, великий апостол унитаризма в Америке, говорит: “Сама идея раба заключается в том, что он принадлежит другому: что он обязан жить и трудиться для другого; быть инструментом другого, то есть во всем, как молотилка или другое вьючное животное; и делать волю другого своим обычным законом, какой бы противоположной своей собственной”. В другом месте он добавляет: “Таким образом, мы установили реальность и святость прав человека; и то, что рабство является их нарушением, слишком очевидно, чтобы нуждаться в каких-либо трудных доказательствах. Рабство нарушает не одно, а все; нарушает их не случайно, а обязательно, систематически, по самой своей природе”.

Они, вместе с вашим текстом, молодые джентльмены, являются ведущими авторитетами в этой области. Следуя им, мы должны принять веру в то, что рассматриваемый принцип рабства — это, как они выражаются, “поглощение человечности одного человека волей другого”; или, другими словами, что “рабство рассматривает человека не как ответственного, а просто как разумное существо - не как человека, а как животное”.

Если это так, то удивительно не то, как они утверждают, что цивилизованный мир так возмущен своими возмутительными ошибками, а то, что “он так медленно осознал их грубые и осязаемые чудовищности: что человечество на протяжении стольких веков молчаливо соглашалось с системой, столь чудовищно-натуральной, какой было бы всеобщее стремление ходить на голове или думать ногами!” Нам не нужно колебаться, чтобы категорически отрицать правдивость этого описания и объявить его карикатурой. Ибо, если это точное описание, мы можем с уверенностью утверждать, что ни в одной известной истории стране рабство никогда не существовало под властью закона.

Во-первых, положение вещей, описанное столь риторически, является очевидной невозможностью. Устройство человеческого разума находится в прямом противоречии с идеей поглощения воли, совести и понимания одного человека личностью другого! Это такое положение вещей, которое человеческий разум даже не может представить возможным, но интуитивно воспринимает как совершенно невозможное. Далее, мы утверждаем, что идея *личных прав и личной ответственности* пронизывает всю систему. Как Божественные, так и человеческие законы, признающие систему, предполагают личность раба и его ответственность. Даже в соответствии с римским и греческим кодексами, которые признавали гораздо более строгие формы рабства, чем у африканцев в этой стране, в любой период ее истории, этот взгляд на систему не найдет поддержки. Павел и Петр, которые писали с особым намеком на рабов в соответствии с этими законами, отнюдь не считали эту личность потерянной и поглощенной человечностью хозяина, а прямо взяли на себя их личность и ответственность. Ибо, хотя они *признают его слугой*, они обращаются с ним как с человеком: они объявляют, что он, хотя и раб, обладал определенными правами, пренебрегать которыми было несправедливостью со стороны хозяина, и был обязан выполнять определенные обязанности как раб, пренебрегать которыми было бы грехом с его стороны; и, более того, что в обязанности той религии, функции которой они выполняли, входила защита этих прав и обязанностей с ее самыми торжественными санкциями. Следовательно, они возлагают на хозяев моральную обязанность оказывать своим рабам *“то, что является справедливым и равноправным”*, а на слуг - *“повиноваться своим хозяевам со всем страхом, не только перед добрыми и кроткими, но и перед суровыми”*. Ибо это достойно благодарения, если человек по совести перед Богом переносит скорбь, страдая несправедливо.” Было ли это обращением с ними как с существами, чья воля была поглощена человечностью учителя, который, следовательно, был единственным ответственным лицом за все их поведение! Ничто не могло быть более далеким от истины и значительным от лжи! Нет: послушание никогда не применяется, кроме как в переносном смысле, и особенно апостолами, ни к кому, кроме разумных и подотчетных существ. И с такими вдохновенными требованиями перед нами — *“послушание от одного и справедливость от другого”* — крайне абсурдно утверждать, что отношения хозяина и раба рассматривают раба как животное, а не как ответственного человека. “Слепая пассивность трупa или механическое повиновение инструмента”, которые Ченнинг и Уэвелл считают основной идеей рабства, похоже, никогда не приходили в голову апостолам. Они рассматривали рабство как социальную и политическую экономию, в которой существовали отношения, предполагающие взаимные права и обязанности, между нравственными, разумными и ответственными существами, между которыми, как и между людьми в других отношениях, религия удерживала весы справедливости.

О праве собственности на человека как таковом нигде не говорится в Священном Писании, хотя в нем отчетливо признаются отношения господина и раба. Право, которое хозяин имеет на раба, согласно Священным Писаниям, относится *не к человеку*, а к той части его времени и труда, которая согласуется с его правами на человечность. Хозяин, который игнорирует эти требования, отказывает своему рабу в том, что является *“справедливым и равноправным”*. Долг, который несет раб, - это услуга, которую, в соответствии с этими правами, требует хозяин. Неудача любой из сторон является нарушением Священного Писания.

Единственная разница между свободным и рабским трудом заключается в том, что первый осуществляется в соответствии с контрактом, а другой - по приказу. Каждая из них является услугой, оказанной в соответствии с волей другого; и каждая из них может быть оказана в соответствии с согласием стороны, оказывающей услугу, а может и нет. Первое часто бывает таким *женепроизвольным*, на самом деле, как и второе. Наемники *соглашаются* с этим, в большинстве случаев, как с необходимостью, вытекающей из их положения. Они не *соглашаются* на это - они далеки от того, чтобы выбирать это. Немногие люди достигают того высокого достижения чистого христианства, в котором они учатся в каждом состоянии, в которое они помещены, полагаться на провидение Божье, “чтобы быть довольными этим” — они выбирают это. Но в целом наемная служба, по сути, является такой же принудительной, как и рабский труд.

Таким образом, право на время и труд другого человека в определенной степени никоим образом не предполагает права на его человечность. Такое право - всего лишь фикция, которой даже воображение не может придать никакого значения или последовательности. “Это жалкая болтовня тех, кто с помощью предубеждения штурмует то, чего они не могут разрушить аргументами”.

Таким образом, молодые джентльмены, тот факт, что абстрактный принцип института рабства и принципы естественных прав совпадают и что оба имеют безоговорочное одобрение Священного Писания, не может быть успешно оспорен. Естественные права и принцип рабства не противостоят друг другу. Ни один человек не имеет естественного права поступать неправильно. То, в чем принцип рабства сам по себе является *правильным*, заключается в том, что, когда он осуществляется в форме гражданского правления, он представляет собой пример, когда субъекты правительства, которые могут нанести вред обществу, совершая зло, оказываются в таких условиях, при которых они не могут или маловероятны совершить это зло, но делать то, на что они имеют естественное право, то есть творить добро. Во всех случаях, когда этот принцип применяется в правительстве в таком соотношении или модификации, которые обеспечивают достижение этих целей, он совпадает с естественными правами и обеспечивает субъекту наивысшую степень свободы, какую допускает его моральное состояние; для него это по существу свободное правительство, хотя, приспособившись к его моральному состоянию, оно может принимать крайнюю форму деспотизма.

Еще предстоит выяснить, мудро ли Южные штаты этого Союза приспособили этот принцип к моральному состоянию африканского населения, проживающего в пределах их границ, и тем самым обеспечили им по существу свободное правление.

---

## ЛЕКЦИЯ VII. ИНСТИТУТ ДОМАШНЕГО РАБСТВА.

Заявленный вопрос—Поведение мастеров — отдельный вопрос—Институт определен—  
Позиция аболиционистов и южан — Презумпция в пользу последних—Те, кто требует  
свободы для чернокожих в этой стране, не смогли обеспечить ее тем, кому они, по их

словам, ее предоставили -Доктрина, с помощью которой они стремятся подтвердить предъявленные им претензии, вместе с фактом истории, который считается истинным, является ложной.

Доказав, что абстрактный принцип института домашнего рабства является законным принципом как сам по себе, так и в том смысле, что он совпадает с великим фундаментальным принципом *права* и не обязательно противоречит *праву*, и поэтому сам по себе является *добром*, а не *злом*, возникает следующий вопрос: “*Является ли институт домашнего рабства, существующий среди нас и включающий этот принцип, оправданным обстоятельствами дела и, следовательно, правильным?*” — согласно доктрине, разработанной во втором разделе. лекция, а именно, что принцип действия, будучи сам по себе *правильным*, действие является *правильным*, *при условии*, что это действие оправдывают другие и совпадающие принципы, или, как мы обычно говорим, при условии, что этого требуют обстоятельства.

Следует отметить, что поведение отдельных рабовладельцев при осуществлении любой свободы действий, предоставленной им природой их отношений как хозяев, по-прежнему является отдельным вопросом, и здесь его не следует принимать во внимание. Мы интересуемся уместностью данного учреждения: требуются ли этого вообще обстоятельства дела? Это в высшей степени практический вопрос, и это единственный, который затрагивает мораль самого учреждения, теперь, когда доказана легитимность абстрактного принципа.

Домашнее рабство - одна из подчиненных форм гражданского правления. Это может быть определено как *imperium in imperio*- правительство в правительстве: такое, при котором подданный нижестоящего правительства находится под контролем хозяина до определенного предела, определенного вышестоящим правительством, и за пределами которого и хозяин, и раб одинаково подчиняются контролю вышестоящего правительства. Теперь возникает вопрос, подходит ли это правительство для негритянской расы в Америке? Без сомнения, этот вопрос должен быть решен на тех же общих принципах, с помощью которых мы должны были бы решать аналогичный вопрос в отношении пригодности любой другой формы правления для любого другого народа. Например, те же принципы, которые определяют пригодность военного деспотизма, конституционной монархии или демократической республики для любого конкретного сообщества белых людей, будут определять пригодность этой формы правления для африканской расы в этой стране. Все они представляют собой различные формы контроля, принадлежащие к одному и тому же роду — правительству; и пронизаны одними и теми же родовыми элементами — принципами рабства и свободы, объединенными в различных соотношениях, чтобы обеспечить наибольшее счастье тем сообществам, к которым они надлежащим образом применяются. Претензии африканцев можно было бы рассмотреть отдельно в отношении каждой из этих форм правления; но этого не требуют интересы данного обсуждения. Нам также нет необходимости останавливаться, чтобы выяснить, как африканцы попали в эту страну: законно или незаконно — своими собственными действиями или действиями другого лица. По правде говоря, это побочные вопросы, которые не обязательно имеют отношение к данному обсуждению. Они будут рассматриваться как второстепенные по отношению к основному вопросу; ибо, хотя было допущено, что они находятся здесь незаконно и что наш долг - удалить их, все же верно, что они здесь и не могут быть немедленно удалены, и поэтому должны быть подчинены, как человеческие существа, какой-либо из известных форм гражданского правления. Какой это должна быть форма правления? Согласно принципам,

хорошо установленным и признаваемым всеми сторонами, это должна быть такая форма правления, которая, с точки зрения ее адаптации к их интеллектуальному, моральному, относительному и физическому состоянию, наилучшим образом способствует их счастью и счастью тех, с кем они по необходимости связаны. Но какая это форма правления, которая, скорее всего, достигнет этой цели?

Партия борьбы с рабством, а также фракция за отмену рабства требуют для африканцев демократической республики: то есть, чтобы они имели равные политические привилегии с белыми и были подчинены только той же модифицированной форме рабства, что и они! Напротив, мы, жители Юга, утверждаем, что из-за их *нынешнего состояния* умственной отсталости, моральной деградации и физической неполноценности они должны быть поставлены под более решительную форму контроля, называемую домашним рабством. *Кто прав?*

При обсуждении этого вопроса мы исходим, во—первых, из того, что, предваряя все прямые аргументы, мы имеем право в полной мере воспользоваться *презумпцией* в аргументации — бремя доказывания лежит на тех, кто оспаривает нашу позицию; и, во-вторых, что мы фактически правы - обстоятельства дела требуют такой формы правления от имени расы, как *их права, их благословения*; потому что эта форма правления, должным образом управляемая, какой она *может* быть, и *должна* быть, рассчитана на предоставить им *наивысшую*, если не единственную степень политической свободы и счастья, к которым в настоящее время приспособлено их человечество, и особенно с учетом их существующих отношений к более высокой форме цивилизации, в случае тех, среди кого они живут.

1. Мы *предположительно* правы. *Ответственность* полностью лежит на тех, кто выступает против нашей позиции.

Исходя из этого, мы с готовностью отказываемся от *презумпции* основанной на *простом* факте, что домашнее рабство является существующим институтом и имеет право считаться хорошим, пока не будет доказано обратное. Мы возвращаемся к этому. Мы возвращаемся на исходную почву. Мы говорим, что если бы сейчас этот вопрос стоял в стране изначально, то *предполагалось*, что это была бы подходящая форма правления для африканской расы в этой стране.

В качестве первоначального случая неоспоримым фактом было бы то, что раса находилась в нецивилизованном состоянии. В предыдущей лекции мы показали, что нецивилизованный народ не приспособлен к состоянию политической свободы. Для таких людей, живущих среди цивилизованных народов, это не могло быть *правом*, потому что это было бы не *добром*, а *злом, проклятием*. Нет никаких оснований предполагать, что помещение их в такие условия сразу повысило бы их пригодность до такой степени, что это стало бы благословением, но есть все основания *предполагать*, что за достижением политической свободы последует обратное. Если кто-то думает иначе, бремя доказывания лежит на нем.

Это предположение значительно подкрепляется тем фактом, что те, кто требует политической свободы для африканцев, находящихся сейчас в стране, явно не смогли обеспечить ее для тех, кому они якобы ее предоставили. Существенная свобода неразрывно связана с *социальным равенством*. Без последнего первое невозможно. Северные штаты уже давно предоставили африканской части своего населения определенные формы гражданской свободы, но до

настоящего времени они отказывают им в *социальном равенстве*. Этим они гасят все огни и удобства существенной свободы. Они насаждают на них удушающую ангеляцию, которая поистине является самой деспотической формой рабства. Хорошо известно, что социальное неравенство рас существует на Юге в гораздо более измененной форме, чем на Севере. То, что те, кто предпринял, как мы допускаем, честные усилия по предоставлению им необходимой свободы, явно потерпели неудачу, значительно укрепляет *предположение*, что мы правы, полагая, что предложенная ими цель была невыполнимой, и что нам не нужно быть настолько неразумными, чтобы подражать их безрассудству.

Но это *предположение* еще более усиливается тем фактом, что основной аргумент, на котором аболиционисты обычно основывают претензии африканцев, является полностью софистическим. Она заключается в следующем: собственность рабов изначально была приобретена путем грабежа и насилия и поэтому никогда не сможет стать законной собственностью. Следовательно, мы должны предоставить им политическую свободу, независимо от возможных последствий; учитывая, что акт грабежа никогда не может аннулировать первоначальное право ограбленного лица или присвоить грабителю первоначальный титул.

The *Доктрина*, предполагаемая в этом аргументе, состоит в том, что имущество, приобретенное изначально несправедливым образом, никогда не может стать законным владением; или что положение вещей, первоначально возникшее в результате *неправильного*, никогда не может по прошествии времени или в силу каких-либо обстоятельств стать правильным. *Факт*, положенный в основу этой доктрины в ее применении к африканцам, заключается в том, что они были украдены, находясь в состоянии свободы, и низведены до состояния рабства. Но мы отрицаем как *доктрину*, так и гипотетическое допущение, на котором она основана.

1. Если *доктрина* верна, из этого следует, что любое зло не подлежит исправлению, за исключением нескольких случаев, когда вещи могут быть возвращены в их первоначальное состояние. Это было бы поистине плачевным положением вещей. Это обернулось бы особой катастрофой для наших северных братьев. Ибо, во-первых, если эта доктрина верна, им принадлежит едва ли один фут честной земли; да и во всей стране ее нет, за исключением первоначальной покупки Уильяма Пенна и нескольких других незначительных участков территории. Индейцы были первоначальными и законными владельцами всей этой страны, согласно теории прав, которая составляет основу этой доктрины. От большей части своего имущества они были насильственно изгнаны с опасностью как для жизни, так и для свободы; а от остального их вытеснила политика, которая в цивилизованной жизни считалась бы мошенничеством. Эти земли, согласно этой доктрине, должны быть честно возвращены их законным владельцам или тем, кто унаследует их по своему титулу, или нынешние владельцы - грабители. Второе. Говорят, что африканцы были украдены! Если это так, то те, кто получил их в этой стране, могут рассматриваться только как получатели украденного имущества — не лучше, если не хуже, чем первоначальные воры. Но согласно этой гипотезе, кто их украл? и кто получил это украденное имущество, зная, что оно действительно украдено? На эти вопросы возможен только один ответ: предки нынешнего поколения населения Новой Англии! Из их портов снаряжались суда, и использовались в этой системе "похищения людей". Они стали получателями этого украденного имущества. Тех, кто не был востребован их собственными сельскохозяйственными занятиями, продавали на южных рынках. Поскольку климат и почва Юга были лучше приспособлены для такого труда, большая часть всего этого украденного

имущества была накоплена на Юге. Продукт, добытый на землях Новой Англии, и продукт от продажи похищенных африканцев время от времени вкладывались в коммерческие и производственные цели. Они составляют главные источники огромного богатства штатов Новой Англии по сей день; и они, как хорошо известно, в основном поддерживаются продуктами рабского труда на Юге. Поскольку это так, огромные богатства Северных Штатов можно рассматривать только как нечестную выгоду! На самом деле, им пора задуматься о реституции! Но гибель этой доктрины не исчерпывается нашими северными братьями. Нормандское завоевание Великобритании - это то, благодаря чему все земельные титулы Англии сохраняются по сей день. Все эти титулы принадлежат по правам, приобретенным в результате этого завоевания. Теперь хорошо известно, что нормандское завоевание было самым незаконным проявлением несправедливости и резни, свидетельства о которых когда-либо позорили страницы истории человечества! На основе рассматриваемой доктрины столь же несомненно, что во всей Англии едва ли найдется хоть один честный шиллинг! И это еще не все: нынешние названия всей Европы, Азии и Северной Африки более или менее отдаленно восходят к источнику, столь же жестокому и несправедливому! Таким образом, в значительной степени наступает конец всякой честности как достоянию цивилизованного мира! Несомненно, абсурдности этого вывода достаточно, чтобы опровергнуть обоснованность доктрины, из которой он вытекает.

Теперь мы далеки от утверждения, что *неправильное* — которое является отрицанием *правильного* — может когда-либо стать, в силу обстоятельств или чего-либо еще, иным, чем оно есть, то есть *неправильным*, а именно не *правильным*. Но *состояние* или *вещь* которая при одном стечении обстоятельств является *неправильной*, может при других обстоятельствах стать *правильной*. В таком случае не *неправильное* само по себе превращается в *правильное*; но при изменении обстоятельств *неправильное* больше не присуще, но *правильное* присуще тому, что раньше включало в себя *неправильное*; и поэтому состояние или вещь, которые раньше были *неправильными*, теперь становятся *правильными*. Следовательно, хотя и следует признать, что земельные титулы цивилизованного мира изначально были основаны *неправильно* и, следовательно, были несправедливыми титулами, из этого не может следовать, что те, кто сейчас ими владеет, делают это по несправедливому праву, потому что первоначальное право собственности было несправедливым. Таким образом, факты могут быть изложены в отношении большинства из них. Названия были первоначально приобретены *wrong*; во многих случаях, *cruel wrong*! Виновниками этих нарушений обычно были главы правительств, которые в сложившихся обстоятельствах были неподконтрольны. *Они* поступали *неправильно*. Конечные результаты их действий по прошествии времени с его постоянными изменениями нарушили все существующие общественные отношения, объединили потомков действующих лиц и пострадавших от этих несправедливостей в общественную массу, неподвластную справедливой дискриминации, и ввели совершенно новое положение вещей. При таких обстоятельствах первоначальная несправедливость в конечном счете оказалась неизлечимой. Возвращение земель первоначальным и законным владельцам стало невозможным. Попытка такой работы могла привести только к величайшей несправедливости по отношению ко всем заинтересованным сторонам. При таком положении вещей вопрос о праве собственности — кому будут принадлежать эти земли? становится оригинальным вопросом. И при таком положении дел простой факт настоящего *владения* — поскольку никто не может претендовать на предыдущее владение — согласно фундаментальному убеждению всего человечества, дает моральный титул и, следовательно, должен быть узаконен. Следовательно, титул справедлив,

потому что идея *права* сама по себе — того, что хорошо, — теперь присуща человеку, владеющему собственностью при таких обстоятельствах. Аргумент подтверждает этот предписывающий принцип в политической науке: *Что, когда первоначальная ошибка не может быть исправлена без нанесения большего ущерба всем заинтересованным сторонам, чем позволить существующему положению вещей сохраниться, при таком положении дел существующее положение вещей само по себе правильно, и ему следует позволить остаться.*

На основе этого принципа — без которого, мы без колебаний заявляем, общество не смогло бы прийти к согласию ни на один час — нам не составит труда доказать честность потомков пуритан, или земельные титулы цивилизованного мира, или тысячи других титулов, которые в равной степени связаны с рассматриваемой абсурдной доктриной. Мы также не находим никаких трудностей в том, чтобы предоставить им справедливое право собственности на все доходы от торговли в Африке, хотя следует признать, что их предки были, как они их характеризуют, группой простых *похитителей людей*!

Признав недействительной эту доктрину как образец грубой софистики, мы замечаем:

2. Мы также отрицаем гипотезу, на основании которой эта ложная доктрина была применена к африканцам этой страны; то есть мы отрицаем, что африканское рабство в этой стране возникло или было основано на жестокости и грабеже.

Нет причин сомневаться в исторических утверждениях о том, что многие корабли с работорговлей первоначально (как, возможно, и сейчас в некоторой степени) приобретали свой груз, некоторые путем грабежа и насилия, а некоторые путем покупки. Страдания того, что называется “средним переходом”, без сомнения, правильно описаны в истории. У нас нет никаких мотивов оспаривать эти утверждения, как, впрочем, и проверять их подлинность. Мы даже не являемся апологетами ни одного из действующих лиц в этих сценах, не говоря уже об их защитниках. Возможно, имели место жестокие нарушения, причем при обстоятельствах еще более тяжких, чем те, которые зафиксированы в истории. Да будет так! Действующие лица уже давно разошлись по своим счетам, и мы можем спокойно предоставить их Тому, кто судит справедливо. Поведение этих агентов, будь то жестокое или доброе, не является предметом данного обсуждения. Наше расследование касается основы этого вопроса — истинной причины, приведшей к появлению африканца в этой стране, и его положения раба. Что это было? Не будет утверждаться, что эти агенты, гуманные они или нет, могут в каком-либо надлежащем смысле быть названы причиной или основой африканского рабства в этой стране. С гораздо большим основанием можно сказать, что ремесленники Бостона были основателями и строителями города. Они были необходимыми агентами. Они могли бы хорошо выполнить свою часть работы. Они могли сделать это нечестно, жестоко. Ни одна из гипотез не дает им права считаться истинными основателями и строителями города. Так что и мужчин, о которых идет речь, нельзя считать основателями и строителями африканского рабства в Америке. Выполнили ли они свою часть работы так, как должны были, или не должны были; или *они* вообще выполнили работу или нет, является простой логической случайностью *причины*, которая лежит в основе всего, что они сделали, и всего, что они могли бы сделать, хорошего или плохого. Эта причина развивается в результате расследования, зачем они вообще привезли их в страну? Если бы не действовала какая-то мощная *причина*, стали бы они или кто-либо другой привозить их в страну? Конечно, нет. Таким образом, эта *причина*, какой бы она ни была, без

сомнения, является истинной основой, непосредственной причиной африканского рабства в Америке. В чем же тогда заключалась эта причина? Но на этот вопрос можно дать один ответ. По этому поводу не может быть разделения мнений. Таково было состояние общественного мнения в Великобритании и состояние общественного мнения в ее колониях в этой стране в то время. Такое состояние общественного мнения требовало их введения и использования в качестве рабов, и, следовательно, они были введены и таким образом использованы. Какой бы недостаток или заслуга, таким образом, ни была в происхождении и зрелости этого положения вещей, она напрямую связана с общественным мнением и непосредственно приписывается как добродетель или преступление, в зависимости от обстоятельств, тем, кто контролировал общественное мнение на протяжении длительного периода его зарождения, формирования и зрелости, и только им одним. Таково истинное происхождение и основа системы, и если она была основана на *грабежах* и *насилии*, то это произошло потому, что общественное мнение на протяжении того долгого периода было настолько коррумпировано, что намеренно и с полной целью работало над совершением *грабежей* и *насилия*, без какой-либо искупительной добродетели; ибо такие преступления не допускают никаких последствий. Так ли это было? Можем ли мы быть готовы поверить в это? За неимением на данный момент всей истории, чтобы подробно описать происхождение и развитие общественного мнения по этому вопросу, нам остается составить свое суждение на основе наших знаний о людях, которые, как нам известно, в большей степени, чем кто-либо другой, участвовали в формировании общественного мнения в свое время, и истории того времени, в которое они жили.

В семнадцатом веке африканские рабы впервые были завезены в эту страну, и эта практика продолжалась с санкции закона до 1778 и 1808 годов включительно. В ранний период общественное мнение по этому вопросу созрело как в Англии, так и в колониях, и мы видим, что в течение длительного периода оно поддерживало практику ввоза рабов непосредственно из Африки в эту страну. Теперь мы утверждаем, что позиция, постулируемая в отношении этого случая, является одной из самых ощутимых нелепостей, которые только можно себе представить. Характер людей, которые контролировали общественное мнение в те дни, и патриотическая и христианская эпоха, в которую они жили, полностью опровергают грубое предположение, что они сдались, чтобы фальсифицировать правду и совесть, которые были в них, и стали простой корпорацией сухопутных пиратов и флибустьеров! Если бы наше незнание истории тех времен не позволяло нам объяснять существование такого состояния общественного мнения на каких-либо строго рациональных основаниях, здравый смысл запретил бы нам приписывать ему столь неразумную причину, как эта; в то время как наименьшее, что могло бы предложить милосердие, было бы отнести это к тем вещам, которые мы не могли объяснить.

С момента, когда они были впервые завезены в колонии, примерно в 1620 году, до того момента, когда систему можно считать установившейся надолго, проходит около ста пятидесяти лет. Среди выдающихся личностей, появившихся в Великобритании в этот период и не преминувших произвести впечатление своим гением и моральным обликом на эпоху, в которую они жили, мы можем упомянуть Джеймса I., Кромвеля и Вильгельма III., Бернета, Тиллотсона, Бэрроу, Саута, Баньяна и Мильтона; а также Ньютона и Локка.

В колониях в это время жили Коттон Мэзер, Брейнерд, Элиот и Роджер Уильямс; Уинтроп, сэр Х. Вейн и Сэмюэл Адамс, а также Генри, Вашингтон и Франклин.

Эти великие люди, и некоторые из них в высшей степени хорошие люди, были связаны с многочисленным классом весьма влиятельных людей, хотя и уступали им по положению, и все вместе могут рассматриваться как воплощающие общественное мнение и контролирующие его в свое время. Некоторые из них особенно отличались своей патриотической преданностью правам человечества. Многие другие были людьми широких взглядов на все предметы, с широкими и экспансивными чувствами благожелательности и даже глубочайшего благочестия. Добавьте ко всему этому, что многим из них по сей день нет равных в интеллектуальных различиях, если, конечно, то же самое нельзя сказать об их достижениях в литературе и науке. Эпоха Бэрроу, Локка и Ньютона в философии, Вашингтона и Франклина в патриотизме, общественной благотворительности, здравом смысле и общей образованности все еще не имеет себе равных на страницах истории. Но эти люди и их многочисленные соратники были ничем не лучше шайки горных грабителей! Они хладнокровно совпали друг с другом, без формального соглашения или условностей, но благодаря общему влечению их естественной тяги к власти и грабежу, к убийству, ограблению и порабощению тысяч своих невинных и незащитных собратьев - беспомощных жертв общественной алчности! Такова бесстыдная позиция, странным образом постулируемая в отношении этих людей и их времени! Мы не стесняемся утверждать, что это нечто большее, чем глупое вознаграждение! Это грубая клевета на само человечество, авторам которой должно быть глубоко стыдно!

Преимущества, которыми пользуются в наши дни, огромный успех, сопутствующий книгопечатанию — искусству, которым мы обязаны гению прошлого века, — без сомнения, предоставили бы нам удовлетворительную историю возникновения и прогресса общественного мнения по этому вопросу, если бы это произошло в наш век. Состояние искусства в тот период, запрет прессы и особенно новое и неустроенное положение колоний дают веские основания для дефицита. Таким образом, сейчас мы не можем столь удовлетворительно учитывать общественное мнение, как это можно было бы сделать в то время. И все же у нас есть множество материалов для благотворительного объяснения поведения наших предков — как здесь, так и в Англии. Дикость, да и вообще зверское состояние большей части Африки, уже давно стало делом истории. Все хорошо информированные люди были знакомы с фактами африканской истории. Они были не просто язычниками, но язычниками самого глупого и порабощенного вида - без знания Бога или самых грубых форм цивилизации. Население было разделено на племена, каждым из которых управлял невежественный мелкий царек, который управлял своими столь же языческими подданными как абсолютными рабами. Вместо знания и поклонения истинному Богу, которые, как было установлено, существуют у дикарей Америки, африканцы поклоняются дьяволу - злему духу, и это с помощью самых унижительных обрядов суеверия. Его суеверия часто давали повод для войн. Эти войны были очень кровопролитными, часто истребительными, как всегда были все войны между невежественными и крайне суеверными людьми. Пощадить жизнь врага на войне, взять его в плен, охранять его как такового или заставить его работать как раба ради своего пропитания - это прогресс цивилизации. Продолжать убивать врага до конца войны - необходимое условие состояния войны в нецивилизованной жизни. Таково было известное состояние всего африканского населения к югу от Египта и Берберийских государств. Разве их положение не взывало, как и по сей день, к благожелательности цивилизованного мира? Но что они могли сделать? Послать христианских миссионеров? Нет. Мы, в этой стране, преуспели, по крайней мере в некоторой степени, в цивилизации диких племен на нашей границе! Но индийцы не были, в отличие от африканцев, язычниками-идолопоклонниками. Как бы то ни было, способность

миссионерского предприятия цивилизовывать и обращать язычников в христианство была, как и остается до сих пор в какой-либо очень существенной степени, неопробованным экспериментом. Тогда сложилось мнение, и по сей день оно не полностью опровергнуто, что низведение язычников до состояния рабочей силы было, помимо прочего, необходимым условием их цивилизации. Что же тогда могли сделать христиане в ту эпоху для африканской цивилизации? Они не могли представить их в качестве рабочих в Англии или на европейском континенте. Такой шаг лишил бы хлеба множество людей, которые уже занимали низшие должности в обществе. Это было практически невозможно, и бесчеловечно пытаться это сделать. Таким образом, на протяжении долгих веков деградировавшая и поработанная Африка “протягивала” свои умоляющие руки, взывая к милосердию всего мира о помощи. Но мудрейшие и лучшие люди того времени не видели средств для облегчения положения и не пытались их использовать. На этом этапе африканской истории колониальные поселения в конечном итоге были созданы на побережье Северной Америки. В ранний период голландский манхэттенец провел эксперимент по внедрению африканской рабочей силы в колонии. Здесь для их труда было открыто широкое поле. Он был очень востребован. Трудящиеся здесь не отказывали в хлебе ни одному другому трудящемуся бедняку, как это было бы в Англии. Эта идея была воспринята в обоих полушариях как *“Божья милость”* для африканцев - для колоний и общей цивилизации. Никому и в голову не приходило совершать грабеж, несправедливость или причинять кому-либо зло! Все считали это широкой дверью, которую открыло доброе Провидение и в которую само благочестие повелело им войти! Ни один человек, достойный того возраста, не давал никому права снаряжать корабль из порта Бостона или где-либо еще, плыть к побережью Африки, красть груз туземцев, убивать всех, кто стоял на пути его планов, бросать их в трюм своего корабля, не заботясь о здоровье или комфорте, и пробираться со своим пиратским грузом в Бостон и на другие рынки, и превращать их в деньги! Те, кто сделал это — а многие, без сомнения, так и поступали, — действовали под свою собственную ответственность и уже давно отчитались перед Богом за свой ужасный поступок! Но мужчины, которые были достойны того возраста и которые были бы достойны любого возраста, действительно санкционировали общим общественным мнением поездку в Африку и переговоры о покупке с теми, кто долгое время держал их и обращался с ними как с рабами, и особенно с теми, кто по обычаям варварской войны был приговорен к смерти. Они считали, что таким образом пресечь практику казни заключенных было гуманно и достойно христианского народа; что ввести их в цивилизованное общество, научить их привычкам цивилизованной жизни, принципам и опыту христианства и, в конечном счете, возможно, отправить их обратно для возрождения их отечества, было достижением, достойным высших достижений благочестия! Поэтому они без колебаний покупали их, когда их привозили в страну. Самые патриотичные и доброжелательные из колонистов приобрели их. Самые благочестивые члены церквей и выдающиеся христианские служители делали то же самое. Бессмертный Уайтфилд без колебаний поддерживал свой благочестивый фонд в Джорджии за счет большого для того времени дохода от собственности рабов. Были ли они правы в своих взглядах? Мы апеллируем к фактам. В страну было привезено множество людей, которые в противном случае погибли бы в варварской войне или были убиты в качестве пленников, а остальные остались бы в состоянии языческого невежества, суеверий и рабства. Приехав в страну, они значительно улучшили свое умственное, моральное и физическое состояние. Я не собираюсь беспокоить вас статистическими подробностями. Но мои исследования подтверждают утверждение, которое вы можете проверить на досуге; оно заключается в следующем: число африканцев, умерших в общении методистской и баптистской церквей Америки до настоящего времени — и которые,

следовательно, мы можем предположить, были обращены в христианство по месту жительства в этой стране, — превышает общее число всех язычников, которые были обращены в христианство трудами всех протестантских деноминаций христианского мира со времен Лютера. Следовательно, мы заключаем, что какой бы ни была жестокость отдельных лиц, вовлеченных в первоначальную работорговлю (за которую они были ответственны), и какими бы ни были злоупотребления системы с тех пор со стороны отдельных рабовладельцев, сама система изначально была основана на глубоком понимании принципов политической науки, насколько это относится к этой стране, и политической экономии, и требований христианской благотворительности, насколько это относится к самим африканцам. Ресурсы этой огромной страны быстро осваивались. Она уже стала убежищем для угнетенных и домом для бедных во всех странах. Немалую долю во всем этом сыграл рабский труд. Возрождение Африканского континента уже началось, и на конечный результат смотрят с растущей уверенностью.

Таким образом, мы признали недействительной *доктрину*, а также гипотезу, которые составляют основу, на которой аболиционисты строят свои аргументы против справедливости и политики Юга. То, что их позиция ненадежна, не является прямым доказательством нашей правоты; но это дает *презумпцию* того, что мы правы. На эту *презумпцию* мы претендуем по нескольким указанным причинам. Прямой аргумент в защиту системы домашнего рабства, по существу, оставлен для следующей лекции.

---

## ЛЕКЦИЯ VIII.

### ДОМАШНЕЕ РАБСТВО КАК СИСТЕМА ПРАВЛЕНИЯ АФРИКАНЦЕВ В АМЕРИКЕ РАССМАТРИВАЕТСЯ И ЗАЩИЩАЕТСЯ НА ОСНОВАНИИ ЕГО АДАПТАЦИИ К НЫНЕШНЕМУ СОСТОЯНИЮ РАСЫ.

Для нашего африканского населения должно быть отдельное и подчиненное правительство—Ответ на возражение—Африканцы не компетентны в той мере самоуправления, которая дает человеку право на политический суверенитет—Они не были готовы к свободе, когда впервые прибыли в страну, следовательно, они были помещены под домашнюю форму правления—Гуманность этой политики —По мнению южан, они все еще неподготовлены—Фанатизм и опрометчивость одних и непростительная злоба других, которые выступают против Юга.

Поскольку было доказано, что как доктрина, так и допущение факта северными фанатиками в отношении притязаний африканцев на республиканскую форму правления ложны, и что предположение в пользу позиции Юга, что домашнее рабство является подходящей формой правления для них, мы теперь свободны продолжить наше исследование, не отвлекаясь от этих причуд, достоинств этой системы и ее соответствия африканской расе в этой стране.

Африканец сейчас здесь. Вопрос не в том, прав он изначально или нет. Он здесь. Какая форма правления лучше всего подходит ему и тем, с кем он обязательно связан? И,

I. Следует отметить, что они представляют собой особую расу людей, отделенных четко выраженными чертами морального и физического состояния от тех, среди кого они проживают.

Это различие настолько сильно выражено, что не может быть спонтанного слияния путем смешанных браков и, следовательно, не может быть взаимности социальных прав и привилегий между расами. Их история во всей стране показывает, что это так. Поэтому они должны продолжать существовать как отдельная раса. К такому положению вещей должно быть приспособлено правительство над ними, если только мы не нарушим материальных условий решаемой проблемы. Ибо, если закон не должен предусматривать такое положение дел, то традиционные обычаи высшей расы, среди которых они обитают, несомненно, сделают это. Это подтверждается примером всех тех государств, которые не смогли обеспечить африканцев как отдельную расу; ибо обычаи общества всегда восполняют этот недостаток. Это упущение со стороны закона, очевидно, нанесло ущерб африканцу. История расы в Северных Штатах покажет это. Существенная свобода основана на определенных социальных правах и привилегиях и неотделима от них. Но в этом отношении африканцы - гораздо более запрещенная и деградировавшая раса в Северных штатах, чем в Южных.

Таким образом, для африканцев, как отдельной расы, существующей в лоне другой и более высокой расы, должно быть создано правительство. Конечно, это будет *империя в империи*. И поскольку они, по общему признанию, являются низшей расой, которая никогда не сможет пользоваться существенной свободой или взаимностью социальных условий с белыми, правительство, приспособленное к ним, должно быть ниже и подчиняться правительству белых, среди которых они живут. Оно должно быть подчиненным; ибо, по природе вещей, оно должно быть независимым или подчиненным. Но два независимых гражданских правительства не могут сосуществовать и контролировать различные расы, живущие вместе в одном сообществе. Из этого следует, что она должна быть подчиненной. Как подчиненная, она должна либо принять ту или иную форму военного правления, либо соответствовать патриархальному типу правления — своего рода семейному правлению, то есть домашней форме, за которую мы ратуем. И поскольку между подчиненной военной или патриархальной формой правления, как в отношении расходов, так и комфорта, не может быть разногласий, мы можем рассмотреть требования патриархальной формы или системы домашнего рабства, установленной в данном случае.

Но можно предположить, что эксперимент в Северных Штатах опровергает положение о том, что они, будучи отдельной расой людей, должны контролироваться отдельной и подчиненной формой правления. В этих штатах есть часть этой расы, и говорят, что они не испытывают никаких трудностей из-за того, что поставили их на политическую основу с другими гражданами. Но это всего лишь предположение. Это не подтверждается фактами истории.

Как уже говорилось, традиционные порядки общества лишили их социальных прав и привилегий свободных граждан! Они объявили их низшей и деградировавшей расой.

Обычай, запрещающий смешанные браки, одновременно является препятствием для любого социального равенства. Дорога к офисам, пользующимся доверием, честью и прибылью, для них закрыта - более того, даже средства к существованию, помимо скудного набора предметов первой необходимости. Эти факты неоспоримы. Так вот, говорить о свободе, когда мы фактически отказываем народу во всем, что по сути его составляет, в высшей степени бессмысленно. Это всего лишь бумажная свобода! — свобода подчиняться сокрушительным обычаям общества! — свобода погибнуть, во многих случаях, и это без сочувствия со стороны государства. В этом отношении состояние расы, несомненно, лучше в Южных Штатах. Если они

должны быть деградировавшей расой как на Севере, так и на Юге, я без колебаний утверждаю, что наша внутренняя система обеспечивает им гораздо большую безопасность для компетентной и комфортной жизни. Это обеспечивает их в старости и молодости, в болезни и здравии лучше, чем им обеспечивает их так называемая свобода в Северных Штатах.

Конечно, бедные семьи (в буквальном смысле) на Юге не владеют рабами. Их обычно держат те, кто, по крайней мере, пользуется необходимым для жизни. Теперь, с развитием цивилизации, во всех таких семьях вошло в обычай делиться со своими рабами всем необходимым и, нередко, многими жизненными удобствами. Исключения лишь делают правило общим.

Опять же, южная система, делая африканца частью семейного круга, приводит его в более непосредственный контакт с привычками цивилизованной жизни и культивирует высокую степень симпатии между ним и его владельцами. Отсюда хорошо известная привязанность рабов к семьям, в которых они воспитывались, и их крайнее отвращение к найму в северную семью, какой бы набожной ни была их репутация. Они не испытывают к ним практической симпатии. Они часто подвергают их такому тяжелому труду, к которому те не привыкли. Многие гуманные люди на Юге отказываются нанимать слуг для таких людей.

Это правда, что есть зло, неотделимое от присутствия расы в этой стране при любых обстоятельствах. Предоставив им чисто бумажную свободу, Северные Штаты ловко избавились от части этих зол; но затем они, очевидно, перенесли их на африканцев. Политика не отличается сочувствием к чернокожим. В работе системы гораздо больше эгоизма, чем доброжелательности. Мы приходим к выводу, что наша позиция верна, что африканцы, будучи отдельной расой людей, которые не могут спонтанно смешаться с белыми, должны быть подчинены отдельной форме правления, если мы заботимся либо об их благополучии, либо о нашем собственном. Приведенные примеры в качестве доказательства обратного убедительно подтверждают эту позицию.

Но утверждение о политическом равенстве африканцев с белыми вызывает еще более серьезные возражения. Мы можем далее обратиться к фактам в поддержку нашего предложения.

II. С точки зрения интеллектуального и нравственного развития они не находятся в состоянии свободы: то есть они не приспособлены к той мере самоуправления, которая необходима для политического суверенитета. Следовательно, на это нельзя справедливо претендовать. Они не имеют на это права. Для них это было бы не существенным благом, а существенным злом, проклятием. Возложить это на них либо путем прямого, либо путем постепенного освобождения было бы в высшей степени вредно для всей страны и совершенно разорительно для них самих.

Это предложение можно разделить. Мы обсудим пункты в том порядке, в котором они стоят.

Первый. С точки зрения интеллектуального и нравственного развития они не приспособлены к той мере самоуправления, которая необходима для обеспечения политического суверенитета.

Мы сказали, что они низшая раса. То, что они таковы по изначальной структуре своего разума, я не претендую утверждать — нет, я в это не верю. Я верю в единство рас — в то, что Бог *“от одной крови сотворил все народы человеческие”*. Деяния XVII. 26. Но я волен утверждать, что раса в этой стране стоит ниже в общем развитии своих интеллектуальных и нравственных способностей. Я приписываю это сокрушительному влиянию эпох варварской и языческой

жизни, которым подвергались их предки в Африке. Ибо, как в процессе развития цивилизации каждое последующее поколение цивилизованных людей занимает более высокую интеллектуальную и моральную ступень, так и в процессе нисхождения по шкале варварства каждое последующее поколение варваров занимает более низкую ступень интеллектуального и морального развития. Следовательно, мы можем объяснить чрезвычайно варварское состояние этой расы, когда она впервые была завезена в эту страну. Из этого также следует, что раса людей, интеллект которых долгое время был притуплен веками варварства, не может быть быстро поднята на возвышенную платформу никаким соприкосновением с принципами и обычаями цивилизованной жизни.

Это также в значительной степени объясняет медленный прогресс, достигнутый этой расой в цивилизации с момента их появления в стране.

Вернемся теперь к неоспоримому факту, что они были привезены в эту страну в состоянии крайнего варварства и языческого невежества: во-первых, были ли они тогда в состоянии, которое обеспечивало им политический суверенитет и равенство социальных прав и привилегий с белыми? Если они не были за последнее, то совершенно очевидно, что они не были за первое. Совершенно очевидно, что они не были готовы ни к тому, ни к другому. Если так, то почему пуритане Новой Англии не предоставили им этот суверенитет и равенство? С их согласия и при активном содействии они были привезены в страну. Должны ли мы с осуждением сказать вместе с некоторыми из их неблагодарных потомков, что здравый смысл и любовь к свободе, которые так недавно изгнали их из их отечества, чтобы найти здесь убежище от невыносимого ярма британского гнета, были настолько всецело поглощены страстью к наживе, что заставили их остаться глухими к требованиям справедливости и гуманности в интересах африканского народа?! Позор их безжалостным обвинителям! Нет: их здравый смысл запрещал ставить расу варваров-язычников, которые не могли быть поглощены смешанными браками, но которые должны продолжать существовать среди них как отдельная и низшая раса, на одну доску со свободными гражданами! Их человечность, равно как и здравый смысл, побудили их принять план внутреннего правления, или рабства, санкционированный обычаями всех цивилизованных наций в сходных обстоятельствах. Если по какой-либо причине орда варваров будет введена в Новую Англию в наши дни, в количестве, слишком большом, чтобы быть поглощенными без ущерба, и в физическом состоянии, делающем неприличным допускать их поглощение путем смешанных браков с самими собой, как в случае с африканцами, будет ли какой-нибудь человек в здравом уме претендовать на то, чтобы верить, что эти Государства предоставят им либо социальное равенство, либо политическую свободу? Они, конечно, сочли бы долгом перед собой, не меньшим, чем перед варварами, подчинить их какому-нибудь подчиненному правительству. Что ж, это именно то, что их предки сделали в случае с африканцами-язычниками; и то, что сделали южные колонии, когда Новые Зародыши привели их на Юг. Таким образом, происхождение домашнего рабства как политического института в стране показывает, что оно было основано на гуманности наших предков не меньше, чем на их здравом смысле. Отсюда вытекает вторая позиция: для них нельзя справедливо требовать политического равенства. Они не имеют на это права. Для них это было бы не существенным благом, а существенным злом — проклятием.

На основе доктрины прав, обсуждавшейся в предыдущей лекции, это утверждение следует как вывод из факта, установленного здесь в отношении африканцев этой страны.

Но можно сказать, что варварский характер этой расы значительно улучшился со времени их первого появления в этой стране. Это правда — в высшей степени верно. И, будучи, как очевидно, связан этот факт с цивилизацией и искуплением целого континента варваров, на котором сокрушительный скипетр языческого невежества покоился бесчисленные века, он полностью подтверждает как мудрость, так и благосклонность Божьего провидения, позволившего им в таком огромном количестве внедриться в цивилизованную жизнь, как единственному средству осуществления его гуманного замысла.

Но вопрос, представляющий практический интерес на данном этапе, заключается в том, поднялись ли они настолько высоко по шкале интеллектуального и морального возвышения, чтобы приобрести для них соответствующее право? Этот вопрос может быть решен только путем обращения к фактам. Я без колебаний допускаю, что если это так, то на них можно справедливо претендовать, потому что они находятся в том моральном состоянии, которое справедливо дает им на это право. Также признается, что если в то же время они находятся в состоянии быть поглощенными путем спонтанного объединения, они имеют на это право здесь; и гораздо большее, чем определенный другой класс, который стекается в страну и которому это право предоставляется без колебаний! Последнее, однако, определенно не так, как ясно показывают приведенные выше факты. В таком случае, если они имеют право на политическую свободу, их следует вывезти на другую территорию. Африка - законный дом африканцев. Туда они должны отправиться, если они когда-либо будут способны к самоуправлению. Провидение мудро предвидело такой результат и быстро создает свободное правительство на побережье Африки, как их будущий дом и центр цивилизации и христианства на этом погруженном во мрак континенте.

Но как быть с вопросом — действительно ли они пригодны для политического суверенитета? То, что многие из свободного цветного населения и некоторые среди рабов могут быть такими, я думаю, более чем вероятно. О первых я бы сказал, что принять предложение Общества колонизации и переселиться на свою родину - их долг перед самими собой не меньший, чем перед страной. Ибо, хотя и допускается, что они находятся в моральном состоянии свободы, очевидно, что они никогда не смогут быть по существу свободными в лоне народа, с которым они никогда не смогут соединиться узами брака. И в отношении последних я должен сказать, что те из их владельцев, которые проявляют свои доброжелательные чувства, которые допускают их обстоятельства, и, насколько они могут делать это пристойно, способствуют их переезду в Африку по согласию, заслуживают высокой похвалы, и южане обычно награждают их с большим единодушием.

Но я категорически отрицаю, что такие же признания могут быть сделаны в отношении масс этого населения в стране. Напротив, я утверждаю, что долг перед самими собой и перед человечеством по отношению к ним в равной степени запрещает предоставлять им гражданскую свободу в Африке или где-либо еще, и меньше всего в этой стране.

Предположение северных агитаторов о том, что южане не являются компетентными судьями в этом вопросе, потому что они слишком сильно заинтересованы в своем рабстве, на самом деле столь же неверно, сколь и оскорбительно для нашего здравого смысла и морали. Без сомнения,

на Юге многие способны на любую форму зла; также не нужно отрицать, что мы так же подвержены заблуждениям в своих суждениях, как и другие люди. Но столь же верно и то, что здравый смысл и честность огромной массы нашего населения являются полным противовесом признанной алчности немногих. И для группы северных агитаторов, которые никогда не жили на Юге и которые почти ничего не знают об африканском характере, притворяться, что понимают его лучше, чем интеллигентные сообщества Юга, - это, пожалуй, самый крутой образец дерзкого самомнения, который можно найти в истории!

Интеллигентная и честная часть населения страны вряд ли откажется признать, что суждение южан о характере и способностях африканца заслуживает самого высокого доверия и может рассматриваться как авторитетное решение этого вопроса. Каково же тогда совпадающее мнение южан? Я считаю себя хорошо и всесторонне информированным по этому вопросу. Я ничем не рискую, утверждая, что это общее и почти всеобщее мнение интеллигентной и благочестивой части всего нашего населения, что наши африканские подданные, взятые в целом, не приспособлены ни к какой форме политической свободы, которую мы можем себе представить; что они не в состоянии использовать ее в своих собственных интересах или для мира сообществ, в которых они проживают; и что предоставление им этой свободы в этих обстоятельствах, по всей вероятности, привело бы к истреблению расы, как единственного средства защиты цивилизации от невыносимого насилия. зло столь прямого контакта с необузданным варварством. Столь же обоснованным является мнение, что если бы они были готовы к политической свободе, вряд ли было бы менее катастрофично предоставить им ее в этой стране. Причина очевидна. Поскольку они не могут спонтанно слиться с белыми, они по природе вещей не могли наслаждаться свободой среди них. Следовательно, если массы когда-нибудь достигнут той точки в развитии цивилизации, на которой было бы уместно предоставить им права политической свободы, для них нужно будет искать другое место.

Южные народы (использующие этот термин в указанном смысле) составляют значительную часть всего Союза. Они продвинулись в цивилизации так же далеко, и во многих отношениях гораздо дальше, чем любой другой народ во всей стране. Очень большая их часть, по общему признанию, набожна, а также умна. Взятые в целом, они имеют такое же высокое право считаться религиозным народом, как и любой другой народ на земном шаре. Итак, тот факт, что такой народ, столь очевидно имеющий право на высочайшее уважение во всем цивилизованном мире, в силу своей близости к африканской расе и продолжающегося личного знакомства с их привычками и характером, их способностями и их ответственностью, придерживается твердого и почти бесспорного мнения, что они не компетентны в самоуправлении; и что в их нынешних обстоятельствах как закон взаимности, так и закон благожелательности к африканцам запрещают предоставлять им права политической свободы, представляется мне наиболее убедительным решением этого вопроса о том факте, что африканская раса не имеет права на самоуправление. субъект способен воспринимать. Ибо, хотя это вопрос фактический, он не способен к более окончательному разрешению, чем может позволить себе просвещенное общественное мнение; а кто так хорошо расположен для формирования мнения, как свободные и интеллигентные сообщества Юга? и кто может быть честнее в своем выражении?

Поскольку мы не можем предположить, что агитаторы страны по этому вопросу не знают о том факте, что таково мнение южан, и поскольку мы не можем допустить, что они неспособны оценить весомость этого свидетельства, мы приходим к выводу, что они являются жертвами

фанатизма, проистекающего из ошибочных религиозных взглядов и чувств, которые безумно толкают их вперед, независимо от того, в какой степени они полагаются на свой собственный здравый смысл, так же как и от того, в какой степени они очерняют репутацию своих сограждан, или от степени их невежества. которые они на самом деле подвергают опасности жизни тех самых людей, ради которых, как они благочестиво убеждают себя, они трудятся.

Те, чье поведение не допускает такого извинения, как правило, являются людьми, занимающимися политической агитацией. Их целью, очевидно, является накопление политической власти в так называемых свободных штатах и продвижение целей личных амбиций. Фанатичное возбуждение в стране может быть обращено на достижение этих целей. Следовательно, они трудятся с рвением, достойным лучшего дела. Мы, южане, считаем, что агитаторы в Конгрессе, по большей части, принадлежат к этому классу. Мы считаем их в высшей степени виновными, если, конечно, они на самом деле не являются преступниками. Поскольку мы не можем предположить, что они не знают о приведенных здесь фактах и рассуждениях. И помимо этого, существуют другие факты, имеющие большое и неоспоримое значение для решения этого вопроса, которые, как мы не можем предположить, ускользнули от внимания людей, занимающих свое высокое положение. Я предлагаю обратить внимание на некоторые из них в следующей лекции.

---

## ЛЕКЦИЯ IX. НЕОБХОДИМОСТЬ ИНСТИТУТА ДОМАШНЕГО РАБСТВА, ПОДТВЕРЖДЕННАЯ ФАКТАМИ.

Попытки внутренней колонизации —Результат эксперимента в случае нашего свободного цветного населения—Эксперимент по колонизации на побережье Африки—Пример ханаанских народов—Краткое изложение аргументации по общему вопросу и выводы.

“Что африканцы с точки зрения интеллектуального и морального развития не приспособлены к той мере самоуправления, которая необходима для политического суверенитета; что для них нельзя справедливо требовать политического равенства - они не имеют на это права; что для них это может быть не существенным благом, а существенным злом, проклятием; и что наделение их им посредством акта прямой или постепенной эмансипации нанесло бы в высшей степени вред всей стране и совершенно разорило бы их самих”.

Это общее предложение, которое все еще находится на рассмотрении. Мы уже в некоторой степени обсудили первые два пункта. Я оставляю тему эмансипации для будущих лекций. Теперь я перехожу к демонстрации истинности позиций, обсуждаемых по этому общему предложению, и тем самым показываю действительную необходимость сохранения нами в нынешних условиях существования расы системы домашнего рабства. И,

Первый. Мы приводим факт внутренней колонизации.

Это часто пытались сделать в Южных Штатах и так же часто терпели неудачу из-за отсутствия успеха. В высшей степени гуманные, хотя и заблуждающиеся люди, проводили этот эксперимент со своими рабами. Некоторые пробовали это в небольших масштабах: оставаясь

только их номинальными владельцами и предоставляя им контроль над их временем и трудом, а также использование необходимых земель для возделывания. Другие опробовали тот же план в более широком масштабе операций. Но если сейчас на Юге страны проводится хоть один успешный эксперимент, я о нем не знаю. В каждом случае владельцы были вынуждены возобновить контроль над своими рабами, чтобы они не стали налогом для общества и помехой по соседству.

Второй. Результат эксперимента в случае со свободным цветным населением в равной степени является доказательством того, что раса, взятая в совокупности, не приспособлена к самоуправлению.

Гуманные люди время от времени освобождали своих рабов. Таким образом, их было накоплено большое количество. Ни в одном из старых штатов нет округа, в котором их было бы немного, а в некоторых и очень много. В этом эксперименте мы полностью проверяем, что представляет собой африканец в плане пользования гражданской свободой или его способности к самоуправлению, по крайней мере, среди народа, с которым он не может слиться. Результат ежедневно находится перед нашими глазами, и его могут знать и читать все люди. За несколькими почетными исключениями, толпа ни в коем случае не накормлена, не одета и не обеспечена иным образом, как рабы по соседству. Они почти ничего не делают для защиты от суровой зимы, а во время болезни часто становятся объектами общественной благотворительности. Склонность жить за счет мелких грабежей общества, вместо честного труда, и общее падение нравственности характерны для этой касты. Их ретроградная тенденция настолько очевидна, что среди людей размышляющих не возникает сомнений в том, что, если бы не подпорки и ограничения, наложенные на них законами и обычаями цивилизации, они вскоре скатились бы обратно в дикое состояние. Эти факты настолько очевидны, что уже давно привлекают внимание нашей семьи. Среди них термин “свободный ниггер” вызывает глубочайший упрек. Хорошо известно, что те, кто уважает себя, не вступают с ними в брачный союз из чистого презрения к их деградации. В своих путешествиях я часто встречался со стариками, живущими независимо, которых доктрины кафедры, навязанные личным влиянием любимого священника в частной жизни, в молодости побудили освободить своих рабов, которые теперь признаются, имея перед глазами результат своего ошибочного благочестия, что они не принесли им никакого блага, а скорее нанесли вред как им самим, так и обществу. Они утешают себя мыслью, что все было к лучшему. За эту фотографию не взимается дополнительная плата. Вы окажете мне честь, если будете помнить, что ни один темный рисунок не может быть нарисован без обмакивания карандаша в темные цвета.

Я заинтересован в рабе, который, без сомнения, является моральным условием свободы, как было определено ранее. Я заверил этого человека, что он должен отправиться в Либерию, в Африку, и настоял на его согласии поехать. Но все же я настолько глубоко убежден в правдивости и важности изложенных здесь фактов в отношении нашего свободного цветного населения, что чувство долга перед ним и обществом запрещает относить его к их числу.

Но можно предположить, что популярное чувство эгоистичной враждебности служит подавлению народа, который в противном случае сразу поднялся бы по ступеням цивилизации. Но это не так. Повторяю с уверенностью, это не так. Почетные исключения, о которых уже говорилось, повсеместно соблюдаются. “Джон” (если использовать общий титул) “такой же честный человек и обладает таким же самоуважением, как и любой другой человек по

соседству”, - это похвала, которую все интеллигентные граждане охотно и с особым удовлетворением высказывают свободным чернокожим, когда это возможно. Такие люди, конечно, в высокой степени пользуются доверием и уважением своих белых соседей. Но, повторяю, примеры такого рода редки среди нашего свободного цветного населения. Первопричина этой общей деградации кроется в указанном факте, а именно в том, что они не готовы к самоуправлению и поэтому могут извлечь лишь небольшую выгоду, если вообще какую-либо, из его политических и социальных преимуществ. Сокрушительный груз веков варварства все еще тяжело давит на интеллект африканца, и в его нынешних обстоятельствах он, мягко говоря, слишком слаб, чтобы подняться. Именно случайность его положения делает его свободным, а не закон его интеллектуальной и моральной природы. На самом деле он раб; и без ограничений домашней системы склонности его варварской натуры в значительной степени пускаются в свое нисходящее русло. Во многих округах, насколько нам известно, где проживает большое количество свободных цветных людей, я удовлетворен тем, что ничто, кроме гуманности, развитой на высоком уровне цивилизации, не препятствует внедрению упрощенного процесса, с помощью которого неприятности были бы устранены.

Но если возражение, с которым я борюсь, будет изменено и ограничено влиянием того обычая, который лишает их социальной свободы, я соглашусь, что оно имеет вес. Это, безусловно, замедляет прогресс тех, кто поднимается до морального состояния свободы: висит подобно инкубу над теми, кто уже поднялся до этого состояния, и эффективно закрывает перед ними дверь наслаждения. Это, несомненно, правда. Но почему им отказывают в социальной свободе? Ответ таков: потому что они не могут объединиться путем спонтанных смешанных браков с белыми. Но это недостаток, которому Бог, в силу природы их физического сложения, подвергнул их, и которым сам прогресс цивилизации запрещает белым пренебрегать. Поэтому очевидно, что они никогда не смогут быть свободными в сообществе белых. Потому что, поскольку нет никакой существенной свободы, кроме той, которая неотделима как от социальной, так и от политической свободы, и поскольку не может быть никакой социальной свободы, кроме той, которая совпадает с законом объединения путем смешанных браков; и поскольку Божественное Провидение закрыло дверь против этого, из этого следует, что африканец никогда не сможет быть свободным среди сообщества белых.

Но, тем не менее, то, что это не является первичной и существенной причиной крайней деградации тех африканцев, на которых в этой стране был опробован эксперимент свободы, который оказался неудачным, и что изначально это связано с тем фактом, что они интеллектуально и морально не готовы к самоуправлению, еще яснее выводится из

Третье соображение — эксперимент по колонизации побережья Африки.

Колония Либерея уже заняла свое место среди наций земли как свободное и независимое правительство. Ни одна колония никогда не процветала так, как это. Как развивающаяся нация, она разделяет симпатии цивилизованного мира. Ей суждено стать убежищем для африканцев Америки и центром цивилизации на долгожданном африканском континенте. Туда обращены все взоры, как к оазису надежды в ее пустынной истории.

Но давайте вкратце проследим за развитием этой подающей надежды колонии. Как она достигла своего нынешнего положения? Он был создан из свободного цветного населения этой страны— колонизированного с их собственного согласия. Здесь Божественное Провидение мудро выделило подходящих субъектов для этого великого предприятия. Установленный им

самим порядком вещей привел к разумному отбору подходящих лиц для этой работы. Жертвы, которые пришлось принести, были велики. Климат был негостеприимным. В процессе акклиматизации во всех случаях приходилось сталкиваться с крайней опасностью для жизни. Предстояло столкнуться с языческим и диким населением и покорить его. Все свидетельствовало о том, что, если когда-нибудь древо африканской свободы расцветет на этом языческом побережье, его корни должны быть политы кровью многих мучеников-патриотов. В этих обстоятельствах очевидно, что в этой работе не было бы добровольцев, кроме людей подходящего склада. Только те, чей интеллект послужил кремнем и сталью, из которых можно было высечь искру свободы, и на алтаре чьих сердец можно было разжечь огонь свободы, чтобы осветить свой путь в эту далекую и негостеприимную страну, могли приступить к этой великой работе. Те, кто был в состоянии свободы, чьи сердца трепетали от пульсации свободы, были первыми, кто встал на путь становления африканской цивилизации. В течение нескольких лет работа продолжалась — медленно, но верно. Многие погибли в ходе конфликта. Тем не менее, работа продолжалась! Дух, воодушевлявший колонистов-патриотов, красноречиво выражен в предсмертных словах бессмертного Кокса: “Пусть погибнет тысяча миссионеров, прежде чем Африка будет оставлена!”

До сих пор работа продолжалась в порядке Божественного Провидения. Принцип добровольности отличался разборчивостью. Те, кто находился в моральном состоянии свободы, с радостью воспользовались этой возможностью. Те, кто был ниже этого состояния, были глухи к призыву. Но этот санкционированный Богом процесс был слишком медленным для пламенного рвения эмансипационистов. Дверь Провидения открылась недостаточно быстро! Воодушевленные прошлыми успехами, они попытались ускорить работу. Забыв об изначальных и общепризнанных целях Общества — колонизации свободных цветных людей, *с их собственного согласия* — сторонники колонизации начали проповедовать свободу владельцам рабов. Многие услышали этот призыв как македонский призыв к их чувствам доброжелательности. Рабы на больших плантациях были освобождены, и в распоряжение Общества были предоставлены средства для их вывоза и расселения как свободных граждан в новой колонии. Они были отправлены в большом количестве на несколько лет. Результат был катастрофическим. Это грозило быстро довести всю колонию до дикого состояния. Они не были в моральном состоянии свободы — они не были готовы к такой степени или форме самоуправления. Они не могли быть поглощены политическим телом, не передав телу свой характер. Полной мерой их золотых мечтаний была просто свобода ничего не делать. Нам достаточно лишь взглянуть на результаты. Мистер Эшман, в то время губернатор колонии, выразил протест в официальных сообщениях Обществу колонизации в этой стране: офицеры в целом и другие выдающиеся граждане также выражали протест в частных письмах своим друзьям — все умоляли избавить их от бедствий, которые ожидали их из-за столь большого притока населения, очевидно, неподготовленного к свободе, и молились о том, чтобы их укрепили, как и прежде, разумным отбором лиц, по крайней мере, в какой-то степени подходящих для гражданской свободы!

Если эксперимент по колонизации доказал способность африканца при соответствующем развитии событий к самоуправлению (что, на наш взгляд, было сделано весьма удовлетворительно), то он с такой же ясностью доказал, что без этого развития он совершенно непригоден для этого; и что массы расы пока еще неразвиты и, следовательно, непригодны для политического суверенитета.

Эти факты доступны наблюдению всех людей. Они решительно осуждают неугомонных агитаторов в стране. Они ясно подтверждают нашу позицию о том, что африканцы в Америке пока еще не достигли моральных кондиций, необходимых для свободы. В предыдущей лекции я доказал, что политический суверенитет - это не естественное, а приобретенное право. Приведенные здесь факты наглядно доказывают, что они еще не приобрели этого права и, следовательно, на него нельзя справедливо претендовать. Но более того — они допускают сильнейшую презумпцию (и помимо презумпции в их пользу, я не собираюсь сейчас затрагивать эту тему), что освобождение рабов в их нынешнем моральном состоянии не приносит им никакой пользы, но рассчитано на то, чтобы нанести глубокий вред как им самим, так и обществу.

На Юге существует общее и даже почти всеобщее мнение, что любая вещь, подобная системе эмансипации, прямой или постепенной, с помощью которой число свободных цветных людей должно быть существенно увеличено в Южных штатах, неизбежно повлечет за собой их массовую резню, как единственное средство устранения невыносимых неприятностей, если только граждане не покинут землю в пользу варварской орды. Подобное мнение, которого (я могу повторить) столь широко придерживается столь многочисленное сообщество просвещенных и добродетельных граждан, находящихся в непосредственной близости к этой расе и знакомых с их характером с детства, взятое в связи с перечисленными здесь историческими фактами, дающее любому уму столь ясное доказательство правильности их мнения, следует признать авторитетным обоснованием позиции, которую я занял по этой части предмета. Следовательно, мы можем заключить, что закон взаимности и закон доброжелательности требуют, чтобы африканцы продолжали жить при низшем и подчиненном правительстве.

Снова возникает вопрос, какой должна быть форма правления? Конечно, это должна быть модификация военного деспотизма или модификация патриархальной формы правления. Я могу смело сказать, что не могу представить себе ничего более подходящего, чем то, что принято цивилизацией для контроля над варварской или полуварварской расой (и особенно такой, которая не смогла объединиться), живущей посреди цивилизованного сообщества: то есть системой внутреннего управления, действующей сейчас в Южных Штатах. Если кто-нибудь придумает другой, он, по крайней мере, будет обладать достоинством новизны, позволяющим привлечь к нему внимание общественности.

Правильность принятой здесь доктрины о том, что домашнее рабство является подходящей формой правления для народа в условиях африканцев в Америке, очень ярким примером является история остатков хананеев, которые все еще жили на этой земле после ее порабощения и заселения древними израильтянами. Исследование Божественной политики в отношении этих язычников полностью подтвердит эту позицию. Гражданский кодекс страны считается лучшим показателем привычек и морали народа. Это замечание, однако, не всегда можно принять без изменений. Мы сильно недооценим цивилизацию израильтян, которые первыми заселили землю Ханаанскую, если будем судить о них только по их гражданскому кодексу. Избиение и проклинание отца и матери, жестокие нападения на беременных замужних женщин, рытье ям для уничтожения соседского скота, (Исх. xxi.) соблазнение, прелюбодеяние, общение со знакомыми духами и колдовство, а также различные злодеяния, которые деликатность запрещает повторять (см. Лев. xviii.) противоестественные браки, например, с матерями, сестрами, детьми и внуками, (Лев. xviii.) - все это практики, которые упоминаются

таким образом, что показывают, что они были распространены в те дни. Если мы будем судить о нравственности израильтян по упомянутым здесь уставам, мы, несомненно, придем к выводу, что они не имели ни малейших претензий на характер цивилизованного народа; но столь же несомненно, что такое суждение было бы далеко от истины. Ибо, хотя во многих отношениях национальная мораль и стандарты общественного мнения и чувств находились в слабом состоянии, о чем свидетельствует их очевидная склонность к идолопоклонству, все же эти законы далеки от того, чтобы быть характерными для морали нации. Божественная летопись не оставляет нам возможности строить догадки о причинах возникновения этих законов. Написано, Лев. xviii: “Не оскверняйте себя ни в чем из этого; ибо во всех этих осквернены народы, которые Я изгоняю пред вами. Ибо все эти мерзости совершили люди той земли, которые были до вас, и эта земля осквернена”; и “Вы не должны поступать по обычаям народов, которые Я изгнал перед вами; ибо они совершали все это, и поэтому я питал к ним отвращение”.

Мы можем без труда увидеть, что остатки язычников, переживших резню и все еще живших на земле, которую заселили израильтяне, были в такой власти и привыкли к таким мнениям и привычкам к скотству, что прогресс цивилизации при неограниченном контакте с ними был по меньшей мере проблемой, если не абсолютной невозможностью.

Равенство политического и социального положения с евреями в ту эпоху быстро привело бы к развитию цивилизации. Отсюда мы обнаруживаем, что между евреями и этими развращенными “чужаками” были проведены четкие демаркационные линии. Было запрещено как политическое, так и социальное равенство. Евреям было разрешено (Лев. xxv.) делать “рабов и невольниц” навечно (в отличие от рабства их братьев, которое было на определенный период) из “язычников, которые были вокруг них, и из детей пришельцев, которые жили среди них; из них они должны покупать и из их семей, которые были с ними, которых они родили в той земле” — “они должны взять их в наследие своим детям, и они должны быть их рабами навсегда”. Теория некоторых псевдофилантропов наших дней побудила бы их громко разглагольствовать о равенстве, а также о долге и целесообразности скорейшего возвышения этого народа на ступени цивилизации. Но тот, кто был слишком мудр, чтобы ошибаться, и слишком добр, чтобы поступать неправильно, знал лучше и распорядился иначе. Варварство — продолжительное варварство — не может быть быстро преодолено никаким контактом с формами цивилизации. Тот, кто отказывал им в политическом суверенитете (за исключением определенных условий, которые ясно указывали на такую оценку привилегии, которая должным образом давала им право), в то же время предусматривал, что им будет отказано в социальном равенстве и доведено до состояния абсолютного рабства - они были сделаны вечными рабами. Этим они были поставлены под запрет социального, а также политического характера — положение, в котором они могли нанести наименьший возможный вред прогрессу цивилизации, но при этом в значительной степени способствовали бы ее развитию и тем самым способствовали своему собственному совершенствованию намного выше всего, чего они могли бы достичь в своем первоначальном языческом состоянии.

Африканцы, когда их впервые привезли в эту страну, были ничуть не лучше в нравственном отношении и значительно уступали по интеллекту древним жителям Ханаана. И, хотя следует признать, что они улучшились, приведенные факты ясно доказывают, что они по-прежнему некомпетентны в самоуправлении. Следовательно, они имеют не больше прав на политический

суверенитет, чем хананеи. Но более того, хананеи существенно не отличались от евреев по своему физическому состоянию. Физических причин против слияния не было. Смешанные браки, это правда, были запрещены, но это было по причинам, вытекающим только из их языческого состояния. Пока это государство существовало, общие интересы каждого в цивилизации запрещали такое социальное равенство; но если убрать эту причину с дороги, хананеи могли быть поглощены и затеряны в потоке потомства. Но не так с африканцами, как мы показали. Им суждено существовать как отдельному народу. Мы не говорим, что он не должен, но он не может в какой-либо материальной степени слиться с европеоидом. Следовательно, если евреям было свойственно превращать хананеев в рабов, то по гораздо более веской причине сейчас для нас правильно удерживать африканца в подобном состоянии до тех пор, пока Провидение — если оно вообще когда-либо - не откроет дверь для его возвращения на родину.

Что касается общего вопроса, является ли существующая среди нас система внутреннего управления, включающая абстрактный принцип рабства, оправданной обстоятельствами данного дела и, следовательно, правильной? мы приходим к утвердительному выводу по следующим причинам:

I. Что африканцы - это особая раса людей, которые не могут в какой-либо материальной степени слиться с белыми и которые, следовательно, должны продолжать существовать как отдельный класс.

II. Что они, как класс, решительно уступают белым в интеллектуальном и моральном развитии настолько, что неспособны к самоуправлению. Хотя они в значительной степени участвовали в прогрессе цивилизации, они не достигли этой точки. Доказательство таково:

1. Таково почти всеобщее мнение самых умных и благочестивых общин по всей Южной стране, которые, несомненно, хорошо знакомы с их характером и способностями и, следовательно, полностью компетентны судить в их случае.
2. Эксперименты по внутренней колонизации, проведенные в этой стране, доказывают это.
3. Эксперименты со свободным цветным населением, рассредоточенным по стране, также являются доказательством.
4. Эксперимент по колонизации на побережье Африки еще более убедителен.

III. То, что домашнее рабство является подходящей формой правления для народа в таких обстоятельствах, в полной мере подтверждается Божественной процедурой в случае с язычниками, покоренными древними израильтянами.

Мы делаем вывод:

1. Что они не имеют права ни на социальное равенство, ни на политический суверенитет — что предоставить им либо то, либо другое в их нынешнем моральном состоянии было бы

проклятием, а не благословением. Это, по всей вероятности, привело бы к истреблению расы и нанесло бы глубокий ущерб как моральному, так и физическому состоянию всей страны.

2. Что все соображения гуманности и благоразумия требуют, чтобы до тех пор, пока не будет изобретена лучшая форма подчиненного правления, они продолжали действовать в рамках действующей в настоящее время системы домашнего рабства.

---

## ЛЕКЦИЯ X. ОБСУЖДАЮТСЯ ДОКТРИНЫ ЭМАНСИПАЦИИ.

Постепенная эмансипация, популярный план — Это сработало бы, собрав рабов в несколько штатов, отрезав их от контакта с цивилизацией и низведя их до варварства — Это открыло бы северным фермерам и их прислуге дорогу в те штаты, из которых они ушли — Изменения, которым подверглась система рабства за последние годы — Сравнение прислуги в свободном и рабовладельческом штатах и единственный приемлемый план освобождения — Евангелие — единственное средство от зла рабства — Философия и практика Павла, 1 Тим. vi. 1-5.

Немедленная эмансипация - это план собственно аболиционистов, в то время как постепенная эмансипация - излюбленный план антирабовладельческой партии. Основа, на которую мы должны опираться, заключается в том, что ни один план освобождения, ни немедленный, ни постепенный, не приспособлен к нынешнему моральному состоянию и относительным обстоятельствам нашего африканского населения. Ничто подобное в то время не могло сопровождаться добром, а только злом.

Я ограничиваю это обсуждение темой постепенной эмансипации, потому что причины, по которым мы отвергаем эту доктрину, *тем более*, опровергают доктрину немедленной эмансипации.

Говорят, что система постепенной эмансипации хорошо зарекомендовала себя в Северных Штатах и что она будет столь же успешной в Южных. Но я отрицаю это предположение в каждом конкретном случае.

В Северных штатах никогда не было большого количества рабов из-за неподходящего климата. Возникает вопрос, как эта система работала с тем немногим, что у них было? Хорошо известно, что владельцы ожидали времени, назначенного для вступления в силу закона об освобождении, и продавали своих рабов на Юге! Этот закон действовал только для того, чтобы перевести рабов, по большей части, в климат и почву, более подходящие для их телосложения и привычек. Таким образом, действие схемы привело лишь к эмансипации немногих из всего числа (см. Лекцию I., стр. 22;), и эти немногие, как было доказано, в силу социальных и, мы можем добавить, во многих случаях муниципальных правил штатов, в пределах которых они проживают, существенно пострадали от изменений, а не выиграли. Следовательно, схема не имела большого успеха в Северных Штатах. И можно ли предположить, что она будет иметь больший успех в Южных Штатах? Напротив, результат был бы гораздо более фатальным на Юге по той причине, что у нас гораздо больше африканских рабов, чем существовало в Северных

штатах на момент принятия их законов об освобождении. Теперь предположим (что, однако, вряд ли можно допустить, если вообще можно допустить предположительный случай), что все Южные штаты одновременно примут законы, предусматривающие постепенное освобождение рабов и, следовательно, в конечном итоге осуществят их освобождение, как это предусмотрено законом, по той причине, что не будет открытого рынка для их продажи, как это было в случае, когда схема была предпринята на Севере: даже при таком положении вещей вы не можете не понимать, что уместность такой меры полностью зависит от истинности или ошибочности позиции, уже обсуждавшейся ранее. .

Если моя позиция верна (а она, очевидно, подтверждена фактами, приведенными в предыдущей лекции), то их умственная отсталость и моральная деградация таковы, что, хотя остается фактом, что по физическим и неконтролируемым причинам они не могут объединиться, любое материальное увеличение нашей нынешней численности свободного цветного населения привело бы к их истреблению, человечество, не принимая во внимание все другие причины, запретило бы эту меру! Я также не могу убедить себя, что по эту сторону странного бреда о намеренно злом намерении творить зло есть эмансипационист, каким бы фанатичным он ни был, который не стал бы “останавливаться на краю этого Рубикона”, когда его заверили, что южане в целом верят, что истребление, по всей вероятности, станет результатом его бесценного эксперимента.

Но крайне бессмысленно предполагать, что все Южные штаты одновременно примут такой закон; схема также не предполагает, что они это сделают. Нет: предлагаемый план состоит в том, что округ Колумбия и штаты Делавэр и Мэриленд должны сначала освободить своих рабов; затем Вирджиния, затем Кентукки, затем Миссури и так далее, пока работа не будет завершена постепенным процессом, требующим нескольких лет в каждом штате. Давайте теперь посмотрим, что обещает этот план.

Если владельцы рабов в штатах, которые первыми по порядку приняли такой закон, не предвидели времени его вступления в силу (как в упомянутом выше случае) и не продавали их в штатах, где такой закон еще не был принят, результатом было бы, как уже говорилось, скопление свободного цветного населения со своими неизбежными последствиями. Но это, конечно, не было бы общим действием такого закона. Ибо, если алчность не подтолкнет к другому курсу, владельцы, предвидя результаты такого скопления свободного цветного населения, как для белых, так и для черных, будут опережать закон в гораздо большем количестве случаев и продавать своих рабов в штатах, в которых такой закон не был принят. Тем не менее, многие, без сомнения, не пошли бы этим курсом: недостаток прогноза и, в большинстве случаев, ошибочное представление о человечности помешали бы его принятию. Таким образом, мы можем без колебаний поверить, что скопление свободного цветного населения будет настолько велико, что в недалеком будущем приведет к их истреблению. Это бедствие можно было предотвратить только продажей рабов в какое-нибудь другое государство в ожидании вступления в силу закона, предусматривающего их вольную.

Итак, какой бы простой эгоизм ни был в предлагаемой мере, нет ничего более определенного, чем то, что раб полностью лишен всякой человечности и всякого справедливого отношения к его прогрессу в цивилизации и более быстрому достижению им моральной пригодности к свободе. Ибо к тому времени, когда эта работа охватит округ Колумбия, штаты Делавэр, Мэриленд, Вирджиния, Кентукки, Миссури и, возможно, Северную Каролину и Теннесси,

гораздо большая часть многочисленного рабского населения всей страны будет сосредоточена в остальных штатах Юга и Юго-запада. Это было бы неизбежным результатом. Ибо вольноотпущенники, по-видимому, решили, что, если эффект агитации сможет достичь этого у урны для голосования, должен быть кордон свободных штатов, образованный недавно приобретенной территорией Нью-Мексико и Калифорнии; и в этом случае для уходящего на пенсию раба не будет дальнейшего выхода.

Давайте теперь посмотрим, каков был бы эффект накопления расы в пределах нескольких государств:

В настоящее время тот элемент рабства, который правильно называть домашним, дает рабу неисчислимы преимущества. Благодаря этой особенности системы в том виде, в каком она действует сейчас, рабы распределяются в небольших количествах по разным семьям. Там они, все до единого, вступают в более или менее непосредственный контакт с высоким уровнем цивилизации. Многие из них проводят раннюю часть своей жизни в жилых домах, за столами и у каминов своих владельцев, а также в окружении всей компании, посещающей дом. Другие заняты в поле и на механических работах, требующих частого общения с белыми. Их субботы часто проводятся (и с каждым днем их становится все больше и больше) среди наших религиозных собраний. Во всех этих отношениях, не заходя дальше, они пользуются средствами совершенствования и ежедневно добиваются прогресса в цивилизации. Это, без сомнения, план, указанный Провидением, как предоставляющий наиболее естественные средства достижения их окончательной пригодности для более желательной формы гражданской свободы.

То, что ни о какой существенной части из них нельзя сказать, что они сбросили с себя оковы предшествующих эпох варварства, может быть правдой; но столь же верно и то, что их прогресс в цивилизации, причем в возрастающем соотношении, совершенно очевиден для любого человека, чей возраст и знакомство с расой дают право доверять его мнению. Любой старик среди нас готов говорить о значительном улучшении положения рабов за последние тридцать или сорок лет. Внутренний элемент системы достиг этого улучшения и, несомненно, со временем значительно возвысит расу над тем, чем она является сейчас; и теперь они очень отличаются от своих предков, которые впервые пришли в эту страну. Я без колебаний верю, что великим замыслом Провидения является то, что они (гораздо большая их часть) будут таким образом приспособлены к положению в Африке как источника цивилизации на этом давно пребывающем во мраке континенте.

Итак, отнять у нынешней системы ее внутренний элемент или, что практически то же самое, ограничить ее возможности таким образом, чтобы предотвратить ее благотворные результаты, означало бы остановить прогресс африканской цивилизации и отложить ее моральное возвышение на века вперед. И это именно тот эффект, который должно иметь скопление всех рабов всей страны в пределах нескольких штатов. Домашний элемент системы был бы фактически подорван, если не уничтожен полностью. Большое количество рабов было бы сосредоточено на отдельных плантациях. Вся территория находилась бы во владении лишь нескольких богатых плантаторов. Они в основном проживали бы в городах и более здоровых районах страны. Их плантации находились бы под контролем управляющих. Управляющий и его семья (обычно небольшая) составляли бы все белое население плантации, насчитывающее, как это часто бывает, несколько сотен рабов; и такое же положение вещей существовало бы, в

большей или меньшей степени, в обширных районах страны. Это было бы состояние расы, существенно отличное от того, в которое их ставит нынешняя система; и мы не можем не понимать, что они были бы практически отрезаны от всякого контакта с цивилизацией. Вместо того чтобы продолжать подниматься по ступеням цивилизации, как они будут делать при нынешней системе, они сразу же начнут впадать в варварство своего первоначального языческого состояния. Этот результат был бы неизбежен — только до тех пор, пока их нисходящий прогресс мог бы быть остановлен случайным голосом самоотверженного миссионера, взывающего к алтарям христианского богослужения! Было бы это гуманно? Скорее, разве это не было бы жестоко? И все же таков был бы результат схемы “постепенного освобождения”!

Однако есть еще один результат этой псевдофилантропии, который я не должен упускать из виду: изгнание рабов из названных Штатов и истребление оставшегося свободного цветного населения, если обнаружится, что они существуют (что наиболее вероятно) в таком количестве, что представляют собой неприятность, требующую немедленного устранения, создало бы прекрасную возможность для предприимчивых фермеров Северных Штатов приехать и завладеть этими плодородными холмами и долинами, изобилующими богатствами и благословенными самым целебным климатом. Это также дало бы прекрасный выход их собственному черному населению, которое угрожает им столь многими и серьезными последствиями — папским пороком и невежеством Ирландии и Европейского континента, которые сейчас наводняют свободные Государства. Я претендую на то, чтобы не говорить, в какой степени эти возвышенные соображения могут входить в перечень мотивов, побуждающих политических агитаторов страны настаивать на теме освобождения Африки! Одно, однако, я могу сказать от имени южан, и это то, что, поскольку они не имеют ни малейшего представления о том, чтобы совершать эти жестокие обиды по отношению к несчастной расе, которую Провидение забросило к ним, поэтому они ожидают, что им не понадобятся эти развращенные и гибнущие слуги. Они предпочитают рабов, при любом взгляде на предмет. Таким образом, мы можем заключить, что установившееся положение ни в какой степени не ослабляется соображениями ни прямой, ни постепенной эмансипации. Нет: освобождение и переезд в Африку тех, и только тех, чье моральное и социальное положение дает им право на более высокую форму политической свободы, как добровольный акт индивидуального собственника, является единственным естественным и безопасным методом освобождения. Это дает единственную надежду Африке и африканцам в Америке.

Обсуждаемое и, я думаю, четко обоснованное предложение относится к существенной уместности и пригодности системы домашнего рабства как института. Способен ли этот институт совершенствоваться, и если да, то каких улучшений требует прогресс цивилизации, — это вопросы, совершенно независимые от всего, что уже обсуждалось. Эти темы могут привлечь наше внимание в будущем на этих лекциях. В этом месте я хотел бы только отметить, что система претерпела значительные изменения с момента своего принятия. Законы и обычаи, которые, без сомнения, были в высшей степени приспособлены к крайне варварскому характеру расы, когда ее впервые привезли в страну, давно устарели, и то же самое можно сказать о многих последующих постановлениях. Даже строгие меры, принятые в связи с ростом ажиотажа вокруг отмены смертной казни в последние годы, имели лишь кратковременный эффект. Прогресс цивилизации в этом случае по своим результатам такой же, как и у любого другого народа. По мере того как состояние варварства уступает место свету цивилизации, люди все более и более склонны поступать правильно, и законы и обычаи, которые раньше были необходимы, чтобы

принуждать их поступать правильно, таким образом, вытесняются и вскоре выходят из употребления. Следовательно, многие из наших северных граждан, которые формируют свое мнение (а многие так и делают) о практическом характере этого института в настоящее время на основе исторического описания законов и обычаев прошлого периода, независимо от того факта, что они по большей части устарели, придерживаются очень неправильного мнения. Институт в наши дни практически сильно отличается от того, что они предполагают, исходя, как они и делают, из законов и обычаев, соответствующих более варварскому состоянию расы.

Я без колебаний утверждаю, что в гораздо большем числе случаев условия семей южан, содержащих домашних рабов, намного лучше (то есть как белых, так и черных), чем у большего числа семей северян с наемной прислугой на крупных фермах. Труд здесь гораздо менее тяжелый, а дисциплина гораздо менее строгая. Семье северян чаще приходится апеллировать к авторитету гражданского права и к праву увольнять неверных слуг, чем южанам - к домашней дисциплине. И еще более того, слуга-южанин практически во всех отношениях, кроме одного, находится на такой же социальной основе с белыми членами семьи, как слуга-северянин с семьей, в которой он работает, в то время как симпатия, существующая между этими различными кастами в южной семье, намного больше, чем в Северной.

Я признаю лишь одно различие в отношении практического социального равенства между домохозяевами этих семей. Белый слуга, исходя из того факта, что он принадлежит к той же расе, способен благодаря трудолюбию и предприимчивости подняться на полную социальную ступеньку со своим работодателем, в то время как африканский слуга не может этого сделать. Хотя гражданское законодательство должно было бы наделять его правом на это, первостепенные обычаи цивилизованной жизни, основанные на его физическом состоянии, запрещают это. Мы признаем, что это преимущество стоит дороже всего; но, поскольку оно основано на мудром и непостижимом провидении Божьем, оно не подлежит исправлению никакими средствами, которые мы можем принять; и, в самом деле, почему мы должны хотеть даже изменить положение вещей, установленное в физической природе Тем, “кто слишком мудр, чтобы ошибаться, и слишком добр, чтобы поступать неправильно”, просто потому, что для нашего ограниченного взгляда на Божественное домостроительство это представляет точки трения, которых, рассматривая их с другой точки зрения, мы должны стремиться избегать! Но помимо этого преимущества, я не стесняюсь утверждать, что в каждом районе, который постоянно находится под влиянием апостольских заповедей, предписывающих относительные обязанности хозяина и раба, практическое функционирование системы обеспечивает африканцу более высокую степень необходимого счастья, чем у белых, которые занимают низшие общественные должности в свободных Штатах. Ни один белый человек не может быть удовлетворен положением слуги в обществе. Постоянно измученный цепями, которые сковывают все его попытки подняться по лестнице социального равенства, он является предметом постоянного и болезненного раздражения. Каждая неудача в предприятии, которое обещало возвысить его до социального равенства с окружающими, является новой причиной ожесточения сердца и зависти ко всем, кто его окружает, и часто непреодолимым источником искушения не только не доверять Божьему провидению, но и использовать политическое право голоса для расшатывания основ общества, низводя все общество до общей платформы. Отсюда аграрные доктрины, которые находят воплощение в различных социальных организациях в свободных штатах. Ничто, кроме той религии, которая одновременно учит долгу и наделяет моральной силой “ни о чем не заботиться, но за все благодарить” и в любых условиях, в которые ставит нас Божественное Провидение, “быть довольными этим”, не может

примирить белого слугу с его положением в такой стране, как наша. Само правительство может быть безопасным в республике только до тех пор, пока чистое христианство (ибо только оно может это сделать) действует, чтобы улучшить социальное положение тех трудящихся классов, которые в противном случае были бы прислугой, или примиряет их с положением, на которое несчастный случай рождения, неудача в бизнесе или неполноценный интеллект неизбежно обрекают их в конкурентной борьбе деловой жизни; или до тех пор, пока чистая религия действует так, что баланс политической власти остается за теми, кто либо настолько возвышен, либо настолько примирился с низшим положением. Но мало что из всего этого, если вообще что-либо, в той мере, в какой это относится к нашим цветным слугам, можно найти на Юге. Всегда сознавая свою интеллектуальную неполноценность (я говорю о массах) из-за постоянного контакта с высшей моральной силой белых, и в равной степени сознавая, что их физическое состояние является непреодолимым препятствием для любого социального равенства в браке, они не только не стремятся к нему в своих чувствах, но во всех случаях, когда с ними обращаются так, как Священные Писания требуют, чтобы хозяева обращались со своими слугами, они учатся быть довольными своей судьбой и, глядя на своих хозяев как на законных и надежных защитников, нежно привязываются ко всей семье и, отбросив всякую опеку, являются самыми среди нас есть жизнерадостный и, действительно, веселый класс людей. Раб, который не думал о себе больше и чувствовал себя во всех отношениях лучше, чем государство, которое соглашалось с его представлением о том, что он называет “бедными белыми людьми” и “свободными ниггерами”, на самом деле не стоил бы того, чтобы иметь домашнюю прислугу в какой-либо христианской семье, с которой я знаком. Действительно, в условиях свободы от забот и всех элементов простого временного счастья рабы просвещенной и благоустроенной семьи часто оказываются в гораздо более желанном положении, чем главы семьи, которые заняты обязанностью заботиться обо всех и обеспечивать всех. Для хозяина такой семьи утомительный путь к ежедневной работе на своей ферме с измученным выражением лица, которое отражается в его медленном и размеренном шаге, в то время как громкий смех его веселых рабов эхом разносится вокруг него, не является чем-то необычным на Юге. Что касается разъедающих душу забот, которые отягощают дух и часто приводят к преждевременной старости, то положение глав семей, пожалуй, существенно не отличается ни в одной части нашей страны. Но, повторяю, разница очень велика между слугами семей в свободных и в рабовладельческих Штатах, и эта разница в значительной степени в пользу рабов Юга. Один — особенно в городах — часто угнетен беспросветной нищетой и активным недовольством, которое столь же разъедает сердце, сколь и опасно для государства; в то время как другой по большей части чужд реальной нужды — свободен от тягостных забот, доволен и жизнерадостен в своем положении, ежедневно способствуя прогрессу цивилизации и постоянству правительства. Освобождение и переезд в Африку тех, чей разум настолько развился благодаря прогрессу цивилизации, что они составляют исключения из этого правила, по той причине, что по своему моральному состоянию они приспособлены к более высокой форме гражданской свободы, могут быть разрешены как добровольный акт владельца. Но все другие схемы освобождения, будь то немедленные или постепенные, совершенно неприемлемы. Ибо в случае успеха, по той причине, что они не могут разделить социальное равенство с белыми, они опускаются на ступень цивилизации и становятся помехой в обществе, требующей устранения; и если схема окажется неудачной, результатом усилий может быть только, как мы видели, накопление больших масс рабов в небольших районах страны, отрезание их от более прямого контакта с цивилизацией и остановка их прогресса в совершенствовании. Нет: эмансипация в популярном смысле не приносит облегчения ни

одному из зол, реальных или мнимых, африканского рабства в Америке; скорее, она усугубляет все, что сейчас существует, и угрожает тысячекратно их умножить. Если кто—то во всей стране испытывает сочувствие к расе - а многие таковыми себя считают, — пусть они распространяют благотворительность чистого евангелия по всей территории нашей страны. Ни одно поле никогда не было более “белым для жатвы”, и, возможно, ни одно, на котором работники могли бы быть использованы с большей пользой для дела человечества. Они будут способствовать благотворительности, которая спасет страну от раздоров и гражданской войны. Они придадут действенность тем заповедям Священных Писаний, которые предписывают обязанности хозяев и рабов. Делая это, они облегчат задачу хозяев и в то же время более глубоко заинтересуют их всем, что касается благополучия раба. Они значительно улучшат физический комфорт рабов и, что гораздо важнее, разовьют их нравственную природу и тем самым добавят к их нынешнему веселому и довольному состоянию наслаждение той религией, которая, поскольку она подходит им для высших слоев общества на земле, в то же время подходит им и для остальной части небес. Одним словом, они произведут все, чего может разумно пожелать самый преданный друг раба. Ибо на этом этапе продвинутого прогресса любая модификация системы или изменение условий или местоположения расы, которая может потребоваться в соответствии со здоровыми принципами, будет с готовностью принята и столь же мирно осуществлена. Таким образом, давно оспариваемая проблема проблема эмансипации будет решена сама собой. Но вместо этого активного и действенного служения делу человечества стоять в стороне и произносить глупые и вялые оскорбления — ибо таковыми они действительно являются — в адрес Юга за то, что он не последовал примеру некоторых Северных штатов в освобождении своих рабов, — чего, кстати, мы показали, они никогда не делали в какой-либо материальной степени, — рассчитано только на то, чтобы вызвать раздражение, которое должно вылиться в самые неизлечимые предрассудки. Эти оскорбления часто основаны на определенных абстрактных принципах политической философии, которые обычно неправильно понимаются и еще чаще неправильно применяются на Юге. Такие люди, вместе с характером и результатами их трудов, наглядно описаны апостолом Павлом как “гордые, ничего не знающие, но увлеченные вопросами и словесными спорами, от которых происходят зависть, раздоры, брань, дурные предположения, извращенные споры людей с развращенным умом и лишенных истины, полагающих, что приобретение есть благочестие”. Особого внимания заслуживает весь абзац— из которого взята эта цитата, — 1 Тим. vi. 1-5. И я утверждаю, что если апостол понимал тему домашнего рабства либо как философский, либо как практический вопрос, то класс людей, которые сейчас занимаются агитацией в нашей стране на эту тему, этого не делают!

---

## ЛЕКЦИЯ XI. ОБУЧЕНИЕ РАБОВ ЧТЕНИЮ И ПИСЬМУ.

Начальники часто пренебрегают подчиненными — Политика Юга, оправданная необходимостью—Результаты, которые последуют за попыткой создать систему обучения чернокожих грамоте, и те, которые последуют за установлением такой системы—*Домашний* элемент системы рабства в Южных Штатах предоставляет средства для их улучшения, адаптированные к их положению и обстоятельствам страны: он предоставляет *естественные, безопасные и эффективные* средства интеллектуального и морального

возвышения расы — Перспективы африканцев в этой стране и их окончательное переселение в Африку — страна никогда полностью от них не избавится — мудрая и гуманная политика Юга.

Остается рассмотреть один момент, чтобы составить полное и откровенное представление о *институте* домашнего рабства.

Ошибочно говорят, что “мы *держим* африканцев в состоянии варварства, а затем ссылаемся на это варварство в оправдание нашей политики”.

Все подвержено злоупотреблениям. Я знаю, что на Юге есть примеры большого пренебрежения к рабам, как к их моральному, так и физическому состоянию. То же самое можно сказать и о людях на Севере. Начальники часто пренебрегают своими подчиненными, и это, во многих случаях, в весьма преступной степени. Я не знаю эффективного средства от этого, кроме того, которое может обеспечить распространение чистого христианства. Если кто-то из придирчивых жалуется на это пренебрежение, нам нечего от них ожидать. Но от тех, кто утверждает, что они искренни, мы имеем право ожидать активного и сердечного сотрудничества в распространении христианства, как единственного средства, способного обеспечить спасение.

Но говорят, что особенность системы, установленная законом, *обязательно* приводит к такому результату, то есть к закону, который лишает африканца преимуществ школьного обучения.

Термин *обязательно* в данном случае, безусловно, употреблен неправильно. Варварство, о котором идет речь, не является результатом этого закона, *обязательно*, или иным образом. Оно существовало изначально. Она все еще существует, и в значительной степени, хотя и сильно измененная; и в нынешних обстоятельствах расы санкционированная система школьного обучения позволила бы ей продолжать существовать, и, возможно, в гораздо большей степени, чем сейчас, и в течение более длительного времени, чем это обещает сделать нынешняя система. Если это так, то именно полуварварство создает необходимость в *законе*, а не *закон* делает варварство *необходимым* результатом.

Громоздкая масса полуварварства, живущая посреди цивилизованного сообщества, с которым они не могут смешаться путем смешанных браков, всегда будет нуждаться в особой системе приспособлений для своего совершенствования, чтобы привести ее в соответствие с общим благосостоянием. Принцип рабства, конечно, должен поддерживаться в энергичном действии, а средства совершенствования должны быть мудро приспособлены к состоянию ученика. В противном случае может произойти не только крайне неосмотрительное расходование средств, но и самые плачевные результаты. Роговая книга может быть ценным средством в руках ребенка, но инструменты и реагенты в химической лаборатории могут привести к ее гибели.

Если когда-нибудь наступит время (что, по мнению некоторых, произойдет в отдаленные дни), когда прогресс африканской цивилизации оправдает это; и когда им будет предоставлено убежище в Африке — вместе со средствами их массового переселения, — я не сомневаюсь, что система народного образования не только будет признана надлежащей, но и предоставит одно из самых блестящих полей для проявления общественной и индивидуальной благотворительности, которое когда-либо проявлялось в интересах этой деградировавшей расы. Но что я должен сказать об этой гипотезе, так это то, что, если это когда-нибудь произойдет, поколения — как Северные, так и южные — которые, возможно, будут жить тогда, я не сомневаюсь, будут обладать достаточной проницательностью, чтобы понять это, и

достаточной доброжелательностью, чтобы улучшить это к взаимной выгоде для себя и африканской расы. Но совершенно очевидно, что ни одно из этих условий пока не выполнено. При таком положении вещей нельзя предполагать, что южане готовы к какому-либо предприятию подобного рода. Я не могу представить, чтобы какое-либо общественное движение, имеющее своей целью обучение чернокожих чтению и письму, могло быть осуществлено без самых катастрофических результатов.

Давайте предположим, что большинство в наших законодательных советах высказалось за такую меру и фактически собирало налоги с населения для поддержки системы начального образования для чернокожих: любой человек, безусловно, был бы чрезмерно глуп, если бы не допустил существования меньшинства во все времена (при нынешнем состоянии общественного опыта), которое считало бы закон достаточно репрессивным, чтобы оправдать отречение и физическое сопротивление. Если бы эту цель пытались достичь с помощью индивидуальной предприимчивости, результаты едва ли могли бы быть менее плачевными. Это легко обнаружится, поскольку это должно было бы осуществляться либо в общих школах страны, либо путем создания отдельных школ для африканцев. Но я не знаю, что первое разрешено в какой-либо материальной степени даже в свободных Штатах, где, конечно, если бы эта схема была осуществима, свободные чернокожие могли бы получать образование в тех же школах, что и белые. Использование цивилизации, которое лишает их социальной опоры во многих других отношениях, должно, конечно, настолько сильно лишать их этой привилегии, что делает схему в основном неэффективной в достижении добра, или использование совершенно несовместимо с самим собой.

И можно ли предположить, что такая схема лучше сработала бы на Юге, где аргументы против нее в тысячу раз сильнее, вытекающие из большой численности африканского населения? Конечно, ничто не может быть более утопичным, чем предприятие такого рода. Общественное мнение вряд ли было бы достаточно разделено, чтобы оправдать даже самого дикого интригана в серьезной попытке осуществить его. Возможно, можно было бы попытаться осуществить последний план, но из-за того зла, которое он повлек бы за собой, он все равно вызвал бы непреодолимые возражения.

Рабы, хотя и не принадлежат бедным слоям населения, по большей части содержатся фермерами и плантаторами, финансовое положение которых, что называется, умеренное. Есть исключения. Иногда ими владеют состоятельные люди; но особенно в старых государствах (и о них я говорю, исходя из личных знаний) о большой массе тех, кто ими владеет, нельзя сказать, что они богаты в каком-либо популярном смысле этого термина. Так вот, привычки к половинчатому труду, как их расценил бы любой северянин, которым обычно потворствуют рабы, лишили бы большинство рабовладельцев возможности оказывать необходимую поддержку таким школам, какими бы благоприятными они ни были для этой схемы. Вместе с тем, практически нет места сомневаться в том, что очень многие, как среди богатых, так и среди бедных, выступили бы против этой меры по причинам, которые казались им разумными. Это привело бы к тому, что схема была бы полностью поддержана немногочисленными богатыми людьми, чья благожелательность могла бы заставить их не обращать внимания на сильные возражения населения против нее. Не требуется особой проницательности, чтобы предвидеть практические неприятности, которые могли бы сопровождать усилия нескольких богатых людей, которые могли бы попытаться подавить общественное мнение по вопросу такого рода.

Общественное мнение отвергло бы это! Это было бы концом в одном направлении, но не в другом.

Все движение, от начала до конца, сопровождалось бы раздражением общественного сознания в высшей степени неблагоприятным и, по сути, опасным для мира и процветания содружества. Хорошо известно, что любое раздражение общественного сознания в отношении чернокожих приводит к ущербу для них, как правило, лишая их гражданских привилегий и социальных удобств. В данном случае, рассматривая эту тему как практический вопрос, я не вижу, чтобы она сопровождалась хоть какой-то искупительной добродетелью, если речь идет о чернокожих. Но чтобы представить это в наиболее выгодном свете, давайте предположим, что каким-то образом тот или иной из этих планов действительно был приведен в действие — что, кстати, вряд ли возможно при нынешнем состоянии общества — и уже произвел определенное впечатление на общественное сознание африканцев. Даже в этом случае это все равно вызвало бы серьезные и непреодолимые возражения. Это означало бы заблаговременное информирование их об их обстоятельствах и перспективах. В их обстоятельствах было бы еще более неприемлемо, чем могло бы быть, отнимать время и труд белого юноши, которые (мы также предположим) требовались для непосредственного обеспечения его самого и тех, кто зависел от его труда, и обучать его научным занятиям Ньютона или Маколея, в то время как в то же время, по независящим от него причинам, он был обречен до конца своих дней работать в шахтах Корнуолла или Честерфилда при свете лампы сэра Хамфри Дэви! Ни один из важных предметов столь высокого образования ему не доступен. Наименьшая часть возражений против такого курса, как этот, заключается в том, что это было бы бесполезной тратой времени и труда.

Но в случае с африканцем причина гораздо серьезнее. Для него все государственные учреждения закрыты. Ни *одна* из изученных профессий не открыта для него. Кастовый закон, запрещающий его слияние, отгораживает его от всего подобного. Он обречен занимать, пока остается в среде белого сообщества, положение низшего. Так распорядился сам Бог. Четкая линия различия, которую он провел между расами, полностью отражает его волю. Он может отменить указ “Эфиоп не может сменить свою кожу” не больше, чем “леопард может сменить свои пятна”. При таком положении дел разве общественное мнение, чьи решения должны быть авторитетными при решении такого вопроса, не стало бы вполне естественным стремиться к *благу*, которое, как считалось, могло бы быть результатом столь существенного изменения обстоятельств учреждения? И разве не очевидно, что невозможно дать такой ответ, который обеспечил бы удовлетворение? Никакая сила красноречия, с которой оно способно отстаивать требования образования, не может, вероятно, поколебать общественное мнение в трезвом убеждении, что преимущества и привилегии образования, столь необходимые для состояния гражданской свободы и столь подходящие в других отношениях этому состоянию, не могут быть с какой-либо степенью уместности востребованы во имя необходимого условия рабства!

До сих пор принципы политической экономии, рассматриваемые сами по себе, по мнению общественности, полностью разрешили бы этот вопрос. Но это еще не все. Этот вопрос имеет гораздо более серьезные аспекты, чем могут дать деньги. Эффект от общего вовлечения африканского разума в литературные поиски слишком очевиден, чтобы его можно было упускать из виду или слегка рассматривать. Неизбежно должно возникнуть состояние народного беспокойства, и это тоже в то время, когда дверь Провидения остается фактически закрытой для его освобождения из рабства и переезда в Африку. Это беспокойство не могло не привести ко многим фанатичным и бесплодным попыткам произвести изменение политического

положения расы. За таким состоянием всеобщего беспокойства среди черных, конечно, последовало бы гораздо большее беспокойство и даже раздражение со стороны белых. Столь мощная причина, несомненно, ускорила бы соответствующие результаты. Деспотичные и, в некоторых отношениях, дикие законы, по которым древние Спарта, Греция и Рим управляли своими рабами, некоторые из которых были высокообразованными людьми, неизбежно будут воспроизведены в этой стране. Наша нынешняя мягкая форма рабства была бы заменена формой угнетения, неизвестной истории этой страны, даже в самых варварских условиях существования африканской расы. И таким образом завершилась бы глава благотворительности в защиту африканской расы в Соединенных Штатах.

Принимая во внимание эти соображения, позвольте мне заявить, что политика Юга в этом вопросе основана не в меньшей степени на благожелательности к африканцам и миру содружества, чем на самых здравых принципах политической экономии. Он опирается *надомашний* элемент системы рабства как на *естественный*, единственный *безопасный* и, в конечном счете, *эффективный* способ интеллектуального и морального возвышения африканца — насколько любые средства могут быть эффективными для достижения этой цели.

1. Это *естественный* путь, то есть способ, приспособленный к их положению как низшей и естественно обособленной расы, которые, как из—за физических фактов, делающих их отдельной расой, так и из-за низкого уровня цивилизации (если это вообще можно назвать цивилизацией), которого они все же смогли достичь, не должны допускаться к социальной жизни путем смешанных браков с высшей расой.

В предыдущей лекции было продемонстрировано, что нецивилизованная раса, живущая посреди цивилизованного сообщества, не имеет *права* на социальное равенство и, по еще более веской причине, *не имеет права* на политический суверенитет в таком сообществе. Было также показано, что их естественные права давали им право на *защиту* и разумное обеспечение их *совершенствования*, и, как в случае с несовершеннолетними, на такой “*авторитетный контроль*”, который наилучшим образом рассчитан на сохранение их способности к самостоятельному действию - их силы воли — от порабощения низменными страстями порочной природы, разрушающей всякую истинную свободу, и на самую деградированную и разорительную форму рабства — подчинение дьяволу; по сравнению с которой физическое подчинение ближнему, в цивилизованной жизни, когда власть, определенная законом, предназначена только для того, чтобы контролировать свое время и труд в разумных пределах, это рай. Это, как говорим мы, жители Юга, их *естественные права* - благо, на которое они имеют право в силу своей человечности. Поскольку эти права по своей природе относительны, они подразумевают *обязанность* цивилизованной расы, среди которой, по промыслу Божьему, они обитают, предоставлять им как *защиту* и *контроль*, о которых идет речь. Их долг в этом отношении явно совпадает с *правами* африканцев. Они не могут безнаказанно пренебрегать этими обязанностями по отношению к чернокожим, как и по отношению к несовершеннолетним и слабоумным представителям своей собственной расы. Итак, какая форма контроля будет более естественно или адекватно соответствовать условиям этой проблемы? Они должны осуществлять *суверенный* контроль: в силу своего положения чернокожие лишены всякой политической свободы. Они не имеют на это права. Для них это не является основным благом. Их *права* заключаются, как и в случае с имбецилами любой другой расы, в том, чтобы ими управляли, а не в том, чтобы управлять ими самими в тех вопросах, которые составляют объекты гражданского управления. Осуществлять этот суверенный

контроль над чернокожими и в то же время обеспечивать им *защиту* и *улучшение* которые соответствуют необходимым условиям рабства или состоянию подчинения такому суверенному контролю, является священной *обязанностью* высшей расы. Отстаиваемая здесь позиция заключается в том, что *внутренний* элемент существующей системы, действующий среди нас, дает более совершенную гарантию того, что все условия этой проблемы будут выполнены, чем это могло бы быть достигнуто с помощью любой другой системы или предлагаемой модификации существующей системы. Элемент, о котором идет речь, представляет собой для них бесценную школу обучения — школу, в которой развивается как умственная, так и нравственная природа. Мы видели, что школа для формального обучения чернокожих письмам будет действовать только для того, чтобы свести на нет цель, поставленную ее учреждением. Управлять ими и защищать их, и в то же время делать их полезными для себя и общества, с помощью системы военной полиции, можно было бы найти лишь немногих сторонников, если вообще найти таковых, даже среди провидцев. Но что может быть естественнее, чем достичь всех этих целей с помощью системы, которая распределяет их в небольших количествах по различным семьям цивилизованной жизни? Здесь они приводятся в непосредственную связь со многим, что рассчитано на развитие ума, развитие нравственного чувства и воспитание воли к привычке повиноваться его высоким предписаниям. Закон наделяет главу семьи таким же правом распоряжаться временем и трудом чернокожих, каким он пользуется в отношении своих детей, и не более. Период времени, на который распространяется это полномочие, отличается в одном случае от периода в другом; но это единственное различие, известное закону. Большие злоупотребления этим авторитетом иногда происходят в случае с чернокожими; но то же самое иногда верно и в отношении родительского авторитета во всех частях цивилизованного мира. Первое может послужить подходящей темой для описания извращенного гения миссис Харриет Стоу. Плод такого гения может иметь поэзию — в своем роде; но он не может претендовать ни на философию, ни на здравый смысл. Та же сила логики, которая обрушивается на авторитет учителя, ставит на линию своего огня авторитет родителя с не менее разрушительным эффектом. И то, и другое одинаково необходимо; оба в равной степени защищены законом; и оба открыты для серьезных злоупотреблений. Поэзия, которая облекает эти злоупотребления демонстрацией аргументации против авторитета хозяина, может удовлетворить порочный вкус как “великого вульгариста”, так и “мелкого вульгариста”; но это тот же самый аппетит баклана, который утоляется, что заставляет *простых* “читателей и шифровальщиков” страны отворачиваться от этих ценных произведений, столь соответствующих их реальным потребностям, и получать удовольствие от трагических историй об убийствах, поджогах и изнасилованиях, от прочтения которых они с распаленными страстями поднимаются в крестовый поход против общественной морали. Христианство сурово осуждает злоупотребления, на которые жалуются, и в равной степени осуждает то извращение гения, которое использует эти злоупотребления для развращения общественного вкуса и общественной морали. Поскольку преобладает христианство, гражданский закон, требующий гуманности при осуществлении домашней власти, в отношении раба в не меньшей степени, чем в отношении ребенка или подмастерья, санкционируется, а в случаях, требующих этого, должным образом обеспечивается общественным мнением и настроениями. Следовательно, во всех сообществах, в которых преобладает христианство, африканское рабство должно быть легкой формой домашнего подневольного труда. Оно даже в какой-то мере способствует знанию букв. Общение с цивилизованной жизнью воспитало у многих слуг желание читать слово Божье. Домашние отношения часто предоставляют им средства для удовлетворения этого желания. Многие благочестивые рабы читают слово Божье как часть своего семейного

богослужения; и нет недостатка в примерах тех, о ком можно сказать, что они “сильны в Священных Писаниях”. Таковы тенденции и возможности домашнего рабства как системы, признанной законом; и помимо тех злоупотреблений, о которых сожалеют все порядочные люди — не меньше в случае раба, чем в случае ребенка и подмастерья, которые не более защищены от бесчеловечности положениями закона, чем раб. Следовательно, эта система является естественным способом защиты, улучшения и управления африканцами на благо общества. Очевидно, что это указано Провидением. Ничто другое не может быть подходящим для массы населения, которая никогда не сможет быть политически свободной среди нас, по той причине, что в порядке Божественного Провидения они никогда не смогут слиться с нами. Но это так,

## 2. Единственный безопасный способ.

Это медленно, это правда, но только по этой причине более безопасно. Его последствия, по большей части, незаметны. Следовательно, это не вызывает раздражения общественного сознания. Это развивает закон симпатии с обеих сторон в том соотношении, в котором оно раскрывает интеллектуальную и моральную природу подчиненной расы. В одном это не вызывает призрачных и фанатичных надежд, в другом - не возбуждает болезненных страхов. Я говорю, что его результаты продвигаются незаметно. *Налоговый тариф*, например, обеспечивает полную поддержку правительства за счет виртуального налога на карманы людей; и это происходит в то время, когда они ни на минуту не согласились бы платить этот налог, если бы он был сделан *прямым* налогом, взимаемым органом, взимающим акцизы. Таким образом, без наблюдения домашний элемент рабства достигает своих результатов с такой же безопасностью. Или, более конкретно, возможно, это похоже на “царство небесное”, которое “приходит без наблюдения”. “Царство небесное” в форме *принципов* распространяется в массах общества и в конечном итоге приводит к законным результатам самых смелых политических революций. Но, распространяясь незаметно или “незаметно для наблюдения”, она подготавливает общественное сознание к своим изменениям в точном соотношении, в котором она их производит; и таким образом достигает того, что по воле народа попытка осуществить то, что другим способом разрушило бы основы гражданского общества и закрыло историю цивилизации на века вперед. Итак, этот божественный агент — ибо таковым я должен его считать — производит постоянные изменения. Она ежедневно изменяет черты системы и таким образом развивает моральный облик африканца, чтобы последовательно поднимать его все выше и выше по шкале цивилизации. Но это происходит настолько тихо, потому что естественно, что на самом деле это приводит к определенному результату у хозяев и достигает своих целей с согласия их воли и их собственного активного сотрудничества.

Все это, как мы видим, осуществляется с полной *безопасностью*. Даже в тех случаях — а их множество, — когда работа домашнего элемента системы приводит к обучению африканцев чтению, мы не осознаем, что это влечет за собой или даже угрожает обществу каким-либо из тех зол, которые, как совершенно очевидно, ускорила бы более формальная система школьного обучения. Рабы, находящиеся ниже определенного уровня цивилизации, не могут быть побуждены никакими влияниями, используемыми молодыми хозяевами и любовницами (а они часто специфичны), справиться с задачей обучения чтению. Только те, кто настолько поднялся

по ступеням цивилизации, что в них пробудилось священное желание узнать больше о воле Божьей и своем долге христиан, когда-либо пользуются возможностями, предоставляемыми им их домашними отношениями, и учатся читать. Они посвящают часть своих свободных часов чтению Библии; и благочестивого африканца, который читает свою Библию, всегда знают и ценят как лучшего слугу, а также лучшего человека. Он пользуется уважением и доверием своего владельца и высоко ценится всей семьей. Я часто знал, что во времена домашних невзгод на молитву такого раба можно было положиться больше, чем на молитву любого служителя, услугами которого можно было бы воспользоваться.

Но, более того, результаты, которые были представлены вниманию, не только безопасны, но и приносят высокую степень удовлетворения владельцам. Повсюду можно встретить семьи, которые с искренним удовлетворением обратят ваше внимание на то, что они сделали для улучшения или комфорта своих рабов. Но обнаружится, что это самое благо именно таково, что если бы вы попытались осуществить его иными средствами, чем тихое влияние *домашнего* элемента этой системы, вы бы, по универсальному закону нашей природы — самосохранению - превратили каждую из этих семей в своего рода римский амфитеатр и сделали несчастных рабов главными жертвами вашей опрометчивости. Следовательно, не без серьезнейших причин разведка Юга порицает фанатичный дух аболиционистов, торжественно заверяя, что они не знают того, о чем говорят, когда призывают южан к обучению и освобождению своих рабов.

3. Но я также утверждаю, что рассматриваемая особенность системы в конечном итоге повлияет на моральное возвышение африканца, поскольку любые средства могут быть эффективными для достижения этой цели, пока он остается в лоне сообщества, к которому он не может быть допущен на социальную основу.

Влияние этого *элемента* настолько незаметно, что я нахожу лишь немногих, даже среди умных и практичных людей, которые, прежде чем их внимание будет привлечено к предмету, осознают, к чему это уже привело. Но в многочисленных публичных выступлениях в штатах Вирджиния и Северная Каролина я обращался к старейшим и наиболее наблюдательным людям на больших собраниях, и ни разу я не встретил ни одного человека, который не согласился бы с моим утверждением, что нынешняя раса африканцев значительно улучшилась, как в своем моральном, так и в физическом состоянии, по сравнению с тем, что было около двадцати или сорока лет назад, и что изменения были гораздо сильнее у рабов, чем у свободного цветного населения. Теперь очевидно, что это улучшение будет продолжаться и во все возрастающем соотношении. Исходя из того же принципа, что труд, применяемый к капиталу, является производительным в возрастающем соотношении, действующие средства улучшения жизни африканца значительно ускорят его прогресс. Следовательно, *в какой-то* будущий период будет представлено поколение африканцев, значительно превосходящее то, чем они являются сейчас. Следовательно, в какой-то отдаленный день наступит период, когда эти люди достигнут той точки морального прогресса, на которой они будут способны оценить и в *подходящем физическом состоянии приспособиться к социальному равенству*, будут готовы пользоваться привилегиями гражданской свободы и мудро их улучшать.

Именно по этому принципу законы всех цивилизованных государств предоставляют привилегию политической свободы потомкам своих свободных граждан. В возрасте двадцати

одного года они становятся политически свободными. Закон предполагает, что в целом считается верным, что до этого периода они не способны использовать эту привилегию с пользой для себя и общества; но что в этом возрасте их способности достаточно развиты, чтобы должным образом использовать эту привилегию; и поскольку ни их физическое состояние, ни какие-либо случайности, связанные с их положением, не являются препятствием для их социального равенства с другими свободными гражданами, оно предоставляется им. Таким образом, по аналогии мы можем заключить, что, когда африканец в Америке достигнет аналогичного морального состояния, и когда его физическое состояние и случайности его положения позволят ему достичь социального равенства с другими свободными гражданами, к нему перейдет аналогичное право на политическую свободу. Для него это будет *правом*, то есть *благом*, которое ему следует предоставить. Отказывать в этом было бы деспотизмом. Итак, первое условие этой проблемы, его моральное состояние в этой стране в какой-то будущий день, может быть выполнено; но то, что последнее никогда не может быть выполнено в этой стране, очевидно из уже приведенных фактов и рассуждений. Но когда в будущем его государство выполнит первое условие, это серьезный вопрос, который мы можем с уверенностью предвидеть, не будет ли долгом высшей расы, среди которой сейчас живут африканцы, переселить их в страну, где они смогут пользоваться социальным равенством. Мы ничем не рискуем, решая этот вопрос утвердительно. Права и обязанности взаимны. Тогда, каким бы ни было право африканца требовать от своих начальников, их долгом будет предоставить. То, что они будут иметь право на массовое переселение, появится—1. Они внесут значительный вклад в развитие ресурсов страны в качестве цены за свою цивилизацию. 2. Это было бы для них благом, без которого их цивилизация могла бы принести им лишь частичную пользу. Следовательно, долгом их начальства было бы удалить их в таком количестве, какое могли бы позволить их средства для этого. Но более того, это было бы их долгом перед самими собой, даже если бы у них не было никаких обязательств перед низшей расой. Ибо, когда многочисленное население среди нас, хотя и признанное неполноценным, достигнет определенного морального состояния, трудности, связанные с их более длительным пребыванием в состоянии рабства, домашнего или иного, будут слишком велики, чтобы оправдать эксперимент.

Поэтому я долгое время считал, что сочувствие некоторым поработанным народам Европы, а также африканцам этой страны обычно было совершенно излишним. Нация, массы которой достигли морального состояния свободы, будет отстаивать свои политические права; и обычно они будут делать это на практически осуществимых основаниях. Только в этот момент они бросают вызов общественному сочувствию. Ибо разум никогда раньше не был достаточно свободен, чтобы превращать свое положение в угнетающее, предполагая, что их правители не злоупотребляют своей властью. До этого периода их права заключались в том, чтобы ими управляли, а не в управлении. Доверенная им политическая свобода была бы столь же опасной, как бритва в руках ребенка, и по тем же общим причинам должна была бы быть им недоступна. Но кем? задает философский вопрос доктор Вэйланд. Отвечаю, теми, у кого хватает ума это сделать. Этого требуют как принцип доброжелательности, так и закон взаимности; и тот разум, который налагает эту обязанность, никогда не может не предоставить средств для сдерживания грубой силы.

Что касается истинности этого общего положения, то, по-видимому, нет народа более разумного, чем европейская аристократия. Де Токвиль ясно утверждает это от их имени, когда заявляет, что цель его поездки по Соединенным Штатам возникла из необходимости познакомиться с духом и характером демократии, чтобы придать ей надлежащее направление в Европе. Направить его с умом можно было, но сокрушить его было совершенно невозможно. Теперь, если этот автор прав, предполагая, что дух демократии действительно пробудился среди масс европейского населения, и что, следовательно, они отстаивают свое право на свободу — не от злоупотребления законной властью, которая требует просто *реформ*, а от *самой* власти, которую их улучшенное моральное и социальное состояние сделало более неуместной, и которую, следовательно, они теперь здраво воспринимают как угнетение, призывающее к революции, — они следуют указаниям природы, и в этих нациях нет силы, способной закрыть перед ними дверь Провидения. Послушный ребенок с радостью подчинится разумному, хотя *и жесткому деспотизму*, осуществляемому над ним его родителями, и даже будет оглядываться на это в последующей жизни с величайшим удовольствием. Тем не менее, достигнув зрелости, он откажется больше подчиняться ей и даже воспримет попытку навязать ее ему как гнет, слишком невыносимый, чтобы его можно было вынести. Итак, исходя из паритета рассуждений, массы этих наций потребуют полной отмены существующих способов правления и потребуют таких, которые были бы приспособлены к их состоянию зрелости. Но, с другой стороны, если движения, о которых идет речь, являются работой всего лишь нескольких главных духов, которые ошибочно истолковали действительное состояние масс, которые еще не поднялись до морального состояния свободы, то будет обнаружено, что они борются против Бога. Дверь его провидения закрыта перед ними. В арсенале их власти нет средств, с помощью которых они могли бы силой проникнуть в эту дверь. Они могут пролить океаны крови, но это не поможет. Итак, в первом случае аристократия может истощить как свои сокровища, так и свои дипломатические ресурсы, но это может быть сделано только для того, чтобы наполнить страну запустением и скорбью. Просвещенный народный разум и воля должны восторжествовать. “Поистине”, преждевременное сопротивление в любом случае “имеет свою награду” — великие страдания и огромное накопление чувства вины, но не успех.

Эти принципы применимы и к африканцам в этой стране. Если наступит отдаленный период, когда государство африканцев выполнит первое условие поставленной проблемы, они, безусловно, почувствуют, что их политическое положение в этой стране является угнетающим, и, при необходимости, откажутся от своего права на переезд. Я говорю, отстаивайте их право на удаление; ибо в предполагаемом психическом состоянии у них было бы слишком много здравого смысла, чтобы сделать то, что сделали бы многие, менее компетентные в суждениях, чем они тогда были бы, — требовать *политического* равенства среди людей, с которыми они никогда не смогли бы быть на основе *социального* равенства. Я в равной степени удовлетворен тем, что у них не было бы никакой необходимости спрашивать об этом. Разум и добродетель, не меньшие, чем интересы того времени, предотвратят такую необходимость с помощью мер, которые справедливость и гуманность продиктуют как соответствующие обстоятельствам дела.

Со своей стороны, я не сомневаюсь, что под тем мудрым надзором Провидения, которое столь знаменательно отметило прогресс африканской цивилизации, внедрив в эту страну столь значительную часть расы, тот далекий день, когда он наступит, наступит сам собой. Тревожная забота со стороны нынешнего века не требуется. Ни интеллект, ни доброжелательность *той* далекой эпохи не будут недостаточны для решения задачи обеспечения потребностей своего времени. Действительно, “грядущие события уже отбрасывают свои тени раньше”. Элементы

долгое время сочетались, как для того, чтобы возвестить об этих событиях, так и для того, чтобы избавиться от них. *Домашний* элемент рабства, как мы видели, спокойно и эффективно выполняет свою работу. Бог создает обширное правительство на побережье Африки, которое обещает достичь респектабельного положения среди цивилизованных наций земли — по моральным и физическим ресурсам. При развитии событий нет оснований сомневаться в том, что дух отмены рабства, распространившийся на столь значительной части нашей страны, отжил свое и пройдет все обычные стадии фанатизма, и, уступив место более здоровой филантропии и более чистой благотворительности, те, кто сейчас выступает за это, будут готовы объединиться с философией Юга и, воспользовавшись огромными ресурсами этой великой страны и ресурсами нового правительства в Африке, *перевезут* большое количество людей в сообщество, в котором их социальное равенство будет обеспечено. Это позволит им наслаждаться свободой, для которой они были созданы в этой стране. Многие из тех, кто останется, без сомнения, объединятся с белыми, как бы это ни противоречило законам цивилизации. Те барьеры, которые сторонники свободной почвы сейчас возводят на нашей Южной границе, в конечном счете уступят более разумной политике, и многие из наших рабов найдут свой путь на отдаленный Юг, где состояние цивилизации допустит более широкое смешение, и будут потеряны среди мексиканских рас; в то время как остальные — возможно, большое количество — останутся в Соединенных Штатах, но в значительно улучшенном состоянии и при такой форме гражданского правления, которая не будет восприниматься ими как политическое угнетение, и продолжат благословлять страну. Я понятия не имею, что эта раса когда-либо вымрет в этой стране или прекратит свое существование при каком-либо подчиненном правительстве.

Я бы не стал претендовать на полную точность этих взглядов на отдаленное будущее, но в их общей точности я не сомневаюсь. Будущая история, несомненно, вызовет благодарность христианского мира за то чудесное провидение, по которому пребывание африканца в этой стране было превращено в пребывание Иосифа в Египте. Как Бог послал его перед своими братьями “для сохранения жизни”, так и мы обнаружим, что он допустил появление африканца-язычника в этой стране, чтобы он мог вырасти в контакте с цивилизацией, быть искупленным гением Евангелия и вернуться, чтобы благословлять своих сородичей и свою страну. Таким образом, рано или поздно вся Африка разделит благословения цивилизации и религии. Я не вижу ничего, что может или будет препятствовать прогрессу этой великой работы, кроме духа преждевременного упразднения. Доктрины эмансипации и школьного обучения могут поддерживать раздраженное состояние общественного сознания, что должно стать серьезным препятствием для цивилизаторских тенденций *домашнего* элемента системы; ибо продолжительная агитация по этим вопросам может побудить фанатичных стремящихся к попытке перейти границы, которые Бог объявил непреодолимыми, то есть обеспечить политическую свободу для людей, которые к этому не готовы, и это среди другого народа, с которым они никогда не смогут в целом слиться. Все попытки такого рода, как хорошо известно, чрезвычайно вредны для прогресса африканской цивилизации. Следовательно, все соображения политики и гуманности запрещают, чтобы эти доктрины получали малейшее поощрение со стороны просвещенных людей. Раса не подготовлена ни к одной из этих схем. Тем, кто лично не знаком с характером африканцев, не нужно требовать лучшего доказательства, чем тот факт, что они ни разу не пытались отстаивать свое право на политическую свободу. Тот факт, что нигде во всех Южных Штатах нельзя сказать даже о

респектабельном меньшинстве расы, что они подавали малейшие признаки такого расположения, *является доказательством* того, что они еще не достигли такого умственного состояния и, следовательно, не имеют права на соответствующие ему политические привилегии. Бесплезно указывать на те немногие попытки местного восстания, которые имели место. Самое высокое представление, которое когда-либо формировали массы о политической свободе, - это просто *свобода ничего не делать*. Чтобы завоевать этот заветный объект *варварства*, а не *цивилизации*, горстка людей в нескольких случаях придумывала планы столь же безнадежные, сколь варварским был дух, в котором они были задуманы, и столь же дальновидные, как мечты Миллера о том, что он сможет заставить интеллигентный христианский народ поверить в свои причуды; или безумия и порочности лидеров мормонов, что они смогут навязать цивилизованному миру свое вопиюще глупое самозванство.

Таким образом, принимая во внимание эти факты и рассуждения, мы приходим к выводу, что южные народы не противны обвинению в удержании африканцев в состоянии варварства своей политикой ни в вопросе эмансипации, ни в школьном обучении; но что они следуют указаниям Божественного Провидения и служат делу человечества в африканской цивилизации в Америке и спасению своего отечества.

---

## ЛЕКЦИЯ XII. КОНСЕРВАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ АФРИКАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА.

Предварительные замечания—Американская партия—Нынешнее и перспективное состояние нашей страны—Большое количество избирателей в штатах со свободной почвой, которые будут находиться под иностранным влиянием, политическим и религиозным, побуждающим их отказаться от Библии и права на личное суждение—Свобода Южных Штатов от этого антихристианского и антиреспубликанского влияния—Присутствие африканской расы в Южных Штатах обеспечивает им это преимущество—Непатриотичная политика свободной почвы

Мы видели, что нигде на всем Юге массы нашего африканского населения не продемонстрировали первых разумных представлений о политической свободе. Что касается восстаний, то мы более свободны от их тревожащего влияния, чем общины многих Северных Штатов от распространения не менее опасного влияния — аграрного духа, который пронизывает примерно такую же часть общества. Мы, жители Юга, боимся их меньше; и у нас меньше причин их бояться. По этому поводу они бесполезно растрачивают сочувствие на нас. Можно продемонстрировать, что без единичного вмешательства Божественного Провидения Юг (используя этот термин, как я обычно делаю, для обозначения всех тех штатов, которые поддерживают систему домашнего рабства) вскоре будет призван защищать свободы Севера от прогресса аграрности, в то время как нет ни малейшей вероятности, что они когда-либо будут призваны защищать Юг от повстанческих движений своих чернокожих. Я повторяю — нет! во всей стране нет людей, которые занимают низшие посты в обществе, более довольных, чем наши чернокожие, или настолько. Нет никого, кто в меньшей степени ощущал бы свое положение как гнетущее, или у кого было бы так же мало причин чувствовать это так.

Обсуждая изложенное предложение, уместно предположить, что, если окажется, что я в какой-либо степени согласен с “американской партией”, чьи “советы” сейчас привлекают столько внимания к накоплению опасного влияния в стране, я нахожу главное средство (независимо от того, могут быть или не быть верными те, что предложены этой партией) в провиденциальном устройстве, которое, по-видимому, не так сильно привлекло общественное внимание.

Я предлагаю представить краткий очерк нынешнего и перспективного состояния нашей страны.

Мы живем в стране огромной географической протяженности. Большая ее часть необитаема. Однако она быстро заполняется. Иммигранты из всех уголков цивилизованного мира быстро прибывают в наши восточные города и распространяются в отдаленные районы нашей республики: это люди со всеми мыслимыми вкусами, наклонностями и мнениями, как в политике, так и в религии. Плодородие и изобилие нашей почвы, а также разнообразие наших основных продуктов привлекли всеобщую активность и предприимчивость. Если сравнивать цивилизованный мир с одним огромным городом, то нашей республике, кажется, суждено стать его крупнейшим рынком или деловой улицей. Здесь царят суэта и активность. Нигде на земном шаре не проявляется столько энергии характера. Ни один внимательный наблюдатель не может не заметить тенденции всего этого отвлекать разум от тех моральных и интеллектуальных занятий, которые так в высшей степени подготавливают людей к трезвым жизненным обязанностям и небесному счастью. Общественное сознание уже находится в состоянии самого неестественного возбуждения, в высшей степени побуждаемого к погоне за богатством и политическим отличием, к почти полному пренебрежению всеми другими интересами. Это с каждым днем становится высшим притяжением, которому народный импульс поддается так же легко, как несчастный корабль подчиняется непреодолимым кругам водоворота.

До сих пор, это правда, нам удавалось “заложить тот широкий фундамент современного общества, который обещает благородную надстройку рациональной свободы. Но что касается тенденций этого беспокойного народа, глядя на рост нашей собственной расточительности и на обильные пополнения, которые ежедневно присылает нам перенасыщенная и гибнущая Европа в виде умножающихся форм невежества и суеверий, так что во многих отношениях в наших Северных Штатах наша республиканская структура быстро меняется и исчезает прямо у нас на глазах, кто может ликовать от уверенности в успехе! Кто не впадет в отчаяние, за исключением тех случаев, когда он может быть уверен в том, что будут предприняты тон и энергия моральных усилий, равные тем, которые привели к достижению наших национальных свобод! Ибо, если этого не сделать, через день мы можем погрузиться в безнадежное рабство! Физическая битва за наши свободы была выиграна, и мы быстро поднимаемся к беспрецедентному возвышению; но с этой головокружительной высоты, если нас не поддержит какая-нибудь консервативная сила, мы в одно мгновение скатимся к деградации рабства. Ибо пусть помнят, что, хотя свобода может быть достигнута мечом, ее нельзя сохранить мечом. Только просвещенные принципы и моральное превосходство могут сохранить свободу, достигнутую силой”.

Я ничего не говорю об этом большом классе иностранного населения, чье образование и денежные ресурсы позволяют им жить среди нас в зависимости от выбора наших институтов, а

также о других средствах счастья, которые предоставляет эта великая страна. Я приветствую их всех. Они в равной степени способствуют постоянству и силе наших институтов. Я также ничего не говорю против той несчастной толпы, которая сопровождает их, чье невежество и порок вынуждают их, неохотно или нет, искать свой хлеб в нашей плодородной стране. Насколько мы можем принимать их, я радуюсь, что у нас есть для них дом. Но очевидно, что наша безопасность может быть обеспечена только в нашей способности включить их в наше политическое тело и придать им наш характер; и в тех провиденциальных мерах, которые поддержат нас в течение всего длительного процесса. Без этого нет оснований надеяться на успех. Ибо что это за сила, которую (на языке другого человека) “уместно назвать “ужасом Европы”, — сила, которая насылает землетрясение за землетрясением, проникая под глубокие устои правительств, пока они не пошатнулись до основания и не пошатнулись навстречу своему падению? Это порядок, или, скорее, масса порочного невежества и бедности, которая накапливалась там веками”. Эта маньячная держава должна продолжать свои обширные опустошения в Европе, за исключением тех случаев, когда она может быть ослаблена экспансией в дикой местности Северной Америки. Европе повезло, что этот ослабляющий процесс быстро продвигается вперед; но нам, к величайшему сожалению, суждено вскоре сконцентрировать мощь, которую Европа так счастливо расширяет. В скором времени нам суждено стать великими промышленниками, а также торговцами и земледельцами. Наше положение таково, что вскоре миллионы людей будут сосредоточены в городах и промышленных районах, где, как в Европе, из притока населения к нам сформируется особый класс черной бедности, “слабоумный и неспособный только к одному занятию”.<sup>[6]</sup>

<sup>[6]</sup> Несколько лет назад в мои руки попала брошюра, написанная человеком, чье имя, если я его когда-либо знал, я забыл. Я думаю, вполне вероятно, что этот язык, или большая его часть, следует приписать этой брошюре.

И это *не* все. Мы не претендуем на пророческую честь, осмеливаясь предсказывать, что молодежь нашей страны, которая переживет следующие полвека, станет свидетелем того, во что многие не поверят, “хотя бы один человек объявил им об этом”. Но, исходя из прошлого или из устоявшихся принципов политической экономии, морально несомненно, что наше нынешнее население в двадцать три миллиона человек увеличится почти до ста миллионов. “Сельское хозяйство, торговля и мануфактура расширят свои ресурсы и производственные мощности до немыслимых пределов. Различные части нашей страны будут связаны между собой железными дорогами, каналами, телеграфными проводами и какими—то другими - Бог знает какими!— пока еще не открытыми средствами связи. Города нашего атлантического побережья уже свободно общаются с помощью “молниеносных почтовых мальчиков” со своими ближайшими соседями — городами великой долины Миссисипи! “Цветущие города сейчас поднимают свои шпили в доселе непроходимых дебрях Айовы, Орегона и Калифорнии и вскоре установят телеграфную связь с городами Востока. Кто может сомневаться, что менее чем через десять лет сбудется предсказание выдающегося жителя Виргинии Дж. Э. Хита, эсквайра: “Американские пароходы из городов нашего Западного побережья отправятся по пути заходящего солнца и, следуя за этим пылающим светилом, где оно опускает свою пылающую ось в воды Тихого океана, вернутся за короткий промежуток в тридцать или сорок дней, нагруженные товарами и населением Китая и островов самого отдаленного Запада!”<sup>[7]</sup>

<sup>[7]</sup> Литературный вестник.

Может ли кто-либо сомневаться в политических и коммерческих изменениях, которые затем последуют во всем цивилизованном мире? Но кто может оценить масштабы этих изменений? Кто может сказать, как это повлияет на политическую и моральную судьбу этой великой страны? Кто может сказать, чем закончится та коммерческая революция, в результате которой значительная часть торговли чаем в Китае, находящаяся сейчас в руках величайшей из всех монополий — Британской Ост-Индской компании, вносящей значительный вклад в поддержку британского правительства, — будет передана американским банкам и потечет в эту страну через наши города на Тихоокеанском побережье! Стены языческого Китая уже склонились под громом британских пушек, и глубоким основам его древнего правления суждено в недалеком будущем одинаково уступить американской предприимчивости и американской свободе. Тысячи ее гибнущего населения — действительно, они уже прибывают! — вскоре хлынут с Запада и встретят огромную волну папских суеверий и порока, которая уже давно хлынула из Европы на восток. Я свободен признать, что размышляю об этом периоде с глубоким изумлением! Я не знаю масштабов видения, которое ставит меня в тупик. И когда я обращаю свой взор к полотну Божественного вдохновения и расшифровываю его безошибочный рисунок карандашом, я не могу сомневаться в том, что странные элементы, которые даже сейчас так быстро сочетаются и которые вскоре сконцентрируют обезумевшие силы языческого невежества, папских суеверий и порока в сердце этой республики, вскоре превратят мою родную землю в великий театр тех богатых событиями битв — столкновений истины и заблуждения как в политике, так и в религии, — так наглядно описанных в апокалиптическом видении Иоанна. И поскольку я верю в истинность пророчества и доверяю обетованию Небес, я не могу сомневаться в результате. Но заметьте: “опасность нашего положения — опасность того положения вещей, к которому, возможно, только приближаются наши дети!” Этот конфликт должен быть более или менее ожесточенным, более или менее катастрофичным для тех, кто непосредственно столкнется с его бедствиями, поскольку они должны быть более или менее подготовлены к нему. И каковы великие силы, которые должны подготовить нас к успешному конфликту? Что придаст сравнительную мягкость этому великому моральному и, возможно, физическому конфликту, который ожидает наших детей, или отсутствие которого вооружит его всеми ужасами варварской войны? Но на эти вопросы можно дать один ответ. Альтернативой является общее образование правителей страны и консервативное влияние наших институтов, или гибель.

О важности великого образовательного движения в стране мне нет необходимости говорить прямо сейчас; как и нам не нужно замечать в этой связи консервативное влияние наших свободных институтов, или, скорее, тенденцию великого принципа свободы (воплощенного в наших гражданских и религиозных институтах), который для всех истинных американцев является своего рода инстинктивной верой, распространяться в массах общества. Эти два фактора вместе можно по праву рассматривать как оплот американской свободы, на который интеллигентный ум страны может опираться с большим доверием. Но все же история едва ли оставляет нам место для сомнений в том, что *политико*-религиозное духовенство, прочно укоренившееся в суеверных обрядах сильного меньшинства, даже *служ*, которые в то же время являются политическими суверенами, представляет собой страшное преимущество в борьбе принципов с “человеком греха”. И нам не нужно этому удивляться. Большая масса нашего населения — однако они могут составлять лишь меньшинство от всего населения — с пеленок воспитывалась в твердой вере, что читать слово Божье или выносить частное суждение по любым вопросам, которые такое священство может по своему выбору утвердить, чему его учат,

и которые в равной степени утвердились в суеверном мнении и чувстве преданности и подчинения не только его праву решать все подобные вопросы, но и его власти наказывать высшими духовными муками всех, кто еретически игнорирует его решения. Эта власть доказала, что она превосходит гения свободы в государствах Европы. Перед ней пали троны и королевства. По сей день деспоты Европы держат свой скипетр в силе союза с ней. Луи Наполеон осуществляет деспотическую власть над значительной частью столь же свободных людей в их мнениях и чувствах по всем предметам, без диктата священников и догматизма, какие можно найти на земном шаре. Но как он это делает? Он подавил свободу в Италии и восстановил Папу на троне. И почему? Не только потому, что республика в Италии была бы опасным соседом, но и потому, что он нуждался в авторитете духовенства для проведения в жизнь политико-религиозных догматов, на которых только и мог безопасно покоиться его деспотический трон! Таким образом, многочисленное сообщество, входящее в число самых просвещенных и преданных друзей свободы, находится под властью беспощадного деспотизма; и это лишь пример того, как гений свободы раздавлен и растоптан “человеком греха”. Образование и гений свободы многое сделали в Европе и ежедневно борются с ужасающими препятствиями; и могут сделать гораздо больше в этой стране, чтобы изменить и ограничить эту власть, но они бессильны против ее разрушения. Это само по себе настолько противоречит всякой свободе и в то же время настолько полно жизненной силы, что Бог в своем милосердии только облегчил отчаяние мира, заверив, что он уничтожит его. Так, Павел говорит: *“Человек греха, который противостоит и превозносит себя выше всего, что называется Богом или чему поклоняются; так что он, как Бог, восседает в храме Божьем, показывая себя, что он есть Бог,— которого Господь истребит духом уст Своих и уничтожит сиянием Своего пришествия”*. 2 Фес. ii. 1-12. У мира нет надежды на избавление от гнета этого кошмара суеверий, кроме той, что содержится в *этом* обетовании Бога, что слово его истины низвергнет и полностью уничтожит эту чудовищную силу, которая на протяжении стольких веков была ужасом и бичом цивилизованного мира. Библия — слово Божье, свободно распространяемое, читаемое и разъясняемое, и свободно оцениваемое всеми, кто читает или слышит, в соответствии с требованиями их собственных суждений и совести — вот религия протестантов! в точном противоречии с учением “человека греха”. Триумф Библии - это свержение его власти.

Теперь Библия не только распространяется, и ее истины навязываются с кафедры, но и постоянно действует множество механизмов Божественного Провидения, направленных не только на обеспечение распространения библейских истин в нашей стране, но и на то, чтобы поместить эти истины в такие обстоятельства, которые обеспечат постоянное установление гражданской и религиозной свободы. Из этих механизмов Божественного Провидения мы можем выбрать как имеющие отношение к общему предмету обсуждения, *консервативное влияние системы домашнего рабства*.

Это провидение Божье, благодаря которому столь большое количество штатов этого Союза получили население, которое не может быть поглощено политическим органом, но должно существовать среди нас, и так долго, в особом и низменном положении, обеспечило средства безопасности всему Союзу в надвигающемся конфликте, который уже пробуждает опасения страны. Если мы не сильно ошибаемся в знамениях времени, то именно к этим Штатам будут обращены все взоры и все надежды как к великим оплотам американской свободы. Африканская раса в этих государствах даст им это преимущество положения.

Ознакомьтесь с фактами дела. Что касается того класса населения, который прибывает в страну с той свободой выбора, которую им предоставляют интеллект и денежные средства, то перед ними вся страна, и мало кому здесь рады больше, чем им, какими бы ни были их религиозные заблуждения. Но относительно они составляют лишь небольшую часть от общего числа. Огромная масса этого прибывающего населения неизбежно стремится к низшим должностям в обществе как к единственному средству существования. Это зло уже остро ощущается в некоторых частях нашей страны; и поскольку наши незанятые земли будут заполнены иммиграцией как с Запада, так и с Востока, это будет ощущаться еще более широко и глубоко. Ибо все это поглощается политическим органом и составляет часть суверенитета страны.

Но какая часть нашей страны страдает сейчас и в первую очередь ей угрожает в будущем это тяжелое бедствие? Не Юг! Это очевидно. Наши служебные помещения уже заняты расой, которая не может быть поглощена, и которая, следовательно, никогда не сможет стать частью суверенитета страны. Следовательно, здесь нет места для прислуги ни из Европы, ни из Китая. Дверь Провиденса закрыта для их приема. Иностранное население, попадающее на Юг, по большей части является ценным и желанным классом общества. Нет: именно в Северных штатах и тех новых штатах, которые отвергают африканскую расу, собираются эти косяки порока, суеверий и невежества — эти орды современных хананеев, “густые, как египетские лягушки и мухи”. На этих штатах, а не на Юге, это великое и нарастающее бедствие должно продемонстрировать свою силу. Суждено ли им в значительной степени контролировать *начальные* школы, из которых они исключают Библию, и обучать большую массу населения отказу от неотъемлемого права на личное суждение по всем вопросам, которые священству может быть угодно определить — правильно или нет — как вопросы религии: то есть отказаться от тех прав совести, которые гарантированы каждому гражданину конституцией нашей страны? Многие из этих школ уже находятся под таким контролем, и таким образом значительная часть граждан получает образование в городе и штате Нью-Йорк и других местах! Но ничего подобного ни в коей мере не может существовать в Южных Штатах. Поскольку в этих штатах поощряется народное образование, это должно быть строго протестантское образование — протестантское, по крайней мере, в своей основной черте: то есть каждый гражданин, воспитанный среди нас, вырастает в убеждении, что, какую бы помощь он ни искал или получал от евангельского служения, он по-прежнему несет личную ответственность перед Богом и своей страной за свои мнения и поступки, как в политике, так и в религии. Поэтому он должен читать, размышлять и судить сам. Ни один “человек греха” в виде папы римского, епископа, священника, служителя или проповедника Евангелия, или с каким-либо другим титулом, не имеет права *“выступать против всего, что называется Богом, или чему поклоняются, и превозносить себя выше всего, ”* распространяя политические или религиозные убеждения; *так что он, как Бог, восседает в храме Божьем, показывая себе, что он Бог: ”* отстаивая свое право контролировать совесть людей посредством суровых духовных и светских наказаний, доходящих даже до *“анафемы”. марафа!* Никакая материальная часть южных суверенов никогда не сможет вырасти при таком полном отказе от всякой свободы, в то время как африканская раса будет занимать низшие должности в обществе. Однако все это, а возможно, и многое другое, зарезервировано для тех государств, которые отвергают эту расу. И еще более того, рассчитано ли все это на то, чтобы подорвать чистоту выборов, как это произошло во многих районах Новой Англии и штата Нью-Йорк, и особенно в городах Нью-Йорк и Цинциннати? - и суждено ли этому злу также достичь национального законодательного собрания либо напрямую, в результате численного

превосходства, либо косвенно, в результате действий могущественного меньшинства, поддерживающего баланс сил между соперничающими политическими партиями, и, в любом случае, рано или поздно, серьезно угрожающего, если не сеющего зло на всю страну, притеснения которой во многих штатах Америки являются причиной Европа теперь подает нам печальные примеры! Но никакое такое влияние никогда не сможет достичь, в какой-либо материальной степени, избирательных урн Юга. Обладая просвещенным суверенитетом, нам остается только завершить нашу победу над невоздержанностью, и наши выборы одновременно являются справедливыми выразителями воли просвещенного народа. Наши люди могут ошибаться во мнениях, но, будучи всегда правы в своих чувствах и не имея мотива оставаться неправыми, они могут в свое время также исправиться в *мнении*. Южные штаты могут пострадать от бурь, которые обрушатся на них из других источников, но не от этой, которая, как показывает история Европы, является самым ужасным бедствием, когда-либо обрушивавшимся на человечество. С их кораблями, хорошо отделанными, с хорошо поставленными парусами, с их работой и управлением в соответствии с образованным суверенитетом, морально невозможно, чтобы они плавали в открытом море свободной дискуссии. Следовательно, эти государства останутся и будут оставаться всегда, на протяжении всего этого ожесточенного конфликта, *свободными* в разрешении великой ссоры страны между светом и тьмой, между религией и мерзким суеверием! На эти штаты ляжет обязанность поддерживать баланс сил между этими великими противоборствующими силами и сохранять ковчег американской свободы в политико-религиозных бурях, которые должны пронестись по стране и потрясти основы нашей конфедерации.

Принимая во внимание все факты, мы без труда объясним аграрные доктрины и организации, которые уже так распространены в Северных Штатах и которые, по сути, полностью подрывают всякую истинную свободу. Мы также не затрудняемся объяснить тот факт, что Южные штаты всегда, вплоть до настоящего времени, выступали в качестве авторов и единообразных толкователей наиболее здравых демократических принципов республиканской свободы. Они обязаны этим и будут еще долгие века оставаться в долгу не столько из-за какой-либо большей преданности здравым принципам, чем у их разумных и непредвзятых собратьев из других государств, сколько из-за того факта, что лишь небольшая часть их простого населения является или когда-либо может быть суверенами. Огромная масса их слуг принадлежит к особой и низшей расе, которая никогда не может быть поглощена и которая, следовательно, не является и никогда не сможет стать властелинами страны. Таким образом, консервативное влияние африканской расы в Южных Штатах я рассматриваю как *непреложный факт*, за который, учитывая предполагаемое состояние страны, у нас есть все основания быть искренне благодарными Всемогущему Богу.

Следовательно, принимая во внимание положение самих африканцев, а также бедствия, нависшие над страной, как праздно они рассуждают о том, кто мог бы изгнать африканцев из этих Штатов! Как безумно рассуждают те, кто кордоном штатов со свободной почвой на Западе и Юге запер бы Южные Штаты — как если бы с помощью засовов и решеток они держали в клетке дикого зверя! Лжефилософы! Одинаково враги справедливости и человечества! Хуже, чем Надав и Авиуд в республике Моисея! Родственник Ахитофела и Иуды, а позже и Бенедикта Арнольда! Настанет день — проходящие события отбрасывают свои длинные “тени раньше”, — когда история зафиксирует цивилизацию всей Африки, окончательное решение проблемы и постоянное установление свободы Америки. Здравомыслящий философ без труда проследит, как одно, так и другое, за действием, и это в немалой степени, того замечательного плана

Божественного Провидения, благодаря которому столь большое количество африканцев было завезено во многие штаты Северной Америки. Да, и задолго до этого дня Север научится воздавать должное своим братьям с Юга. Когда борьба разгорится и “боевой клич” будет слышен по всему побережью, тогда будет видно и признано, что Южные штаты, всегда занимающие видное место в жизни нации, всегда и везде являются истинными друзьями и непобедимыми сторонниками протестантской свободы или права совести; и тогда они воздадут должное этим штатам как главным оплотам американской свободы и окажут равное почтение тому чудесному провидению, которое так знаменательно отметило их историю, на благо всей страны, а также Африканского континента.

---

## ЛЕКЦИЯ XIII. ДОЛГ ХОЗЯЕВ ПЕРЕД РАБАМИ.

“Господа, давайте вашим слугам (δοῦλοις рабы) то, что справедливо и равноценно, зная, что и у вас есть Господин на небесах”. —Кол. iv. 1.

Обязанности хозяев и права рабов взаимны.

1. Обязанность хозяев по отношению к своим рабам, рассматриваемым как “их деньги”, — в отношении работы, отдыха, питания, одежды, жилья и найма лиц, стоящих над ними; также по отношению к больным и престарелым.
2. Их долг перед рабами, рассматриваемыми как общественные существа. Обсуждаются наказания и социальный принцип.
3. Их обязанности по отношению к своим рабам, рассматриваемые как религиозные существа. Публичные наставления в субботу и в другое время, а также возможность посещать их. Наем проповедников и религиозное воспитание детей.

В предыдущих лекциях было показано, что принцип рабства полностью согласуется с доктриной абстрактных прав, гражданских и социальных; и что система домашнего рабства в Соединенных Штатах обусловлена условиями проживания африканского населения в стране. Но из этого ни в коем случае не следует, что поведение всех мастеров при выполнении своих функций как мастеров является надлежащим, ни больше, чем из того, что поведение всех родителей или владельцев учеников таково, каким оно должно быть. Бытует мнение, что домашнее управление детьми не более чем приближается к приличиям в целом; и что управление подмастерьями и африканскими рабами далеки от того, что является надлежащим. В этой лекции предлагается разобраться с отношениями хозяев к рабам, то есть с обязанностями, которые они им несут. Доктрина о том, что система домашнего рабства предполагает, что раб — это “простая машина, движимое имущество”, была полностью опровергнута. Библия особо выделяет раба как ответственное существо. Это требует от него добровольного повиновения своему учителю и учит его, что такое служение принимается Господом как служение самому себе, Ефессянам vi. 5-8; а в 9-м стихе от учителя требуется “поступать с ними так же, не угрожая, зная, что и ваш Учитель на небесах”. И еще (Послание к Колоссянам, iv. 1): “Господа, воздавайте слугам вашим по справедливости”. Следовательно, в самом строгом смысле религия удерживает весы справедливости между господами и рабами.

Каждый несет строгую ответственность за добросовестное исполнение своего долга, один перед другим — “ибо нет уважения к людям у Бога”.

Следовательно, нам, которые являются мастерами или ожидают стать мастерами, надлежит разобраться в обязанностях, вытекающих из этих отношений. Учитель, который сам не разбирается в этом предмете и добросовестно старается выполнять свой долг, испытывает странный недостаток в важных элементах христианского характера и, более того, даже в некоторых из тех качеств, которые существенно влияют на характер добропорядочного гражданина.

В стране царит самый фанатичный дух по поводу домашнего рабства. Бесчеловечность хозяев на Юге сильно преувеличена. (Случаи, когда злоупотребляют институтом рабства, без сомнения, способствуют этому возбуждению.) Даже те, кто не справляется с обязанностями перед своими слугами и подмастерьями — в той же степени, в какой это характерно для южан с хозяевами африканских рабов, — охотно прислушиваются к политическим демагогам и фанатичным партийным лидерам в их осуждениях Юга. Отсутствие сочувствия к наемным слугам и случаи, когда они подвергаются чрезмерному давлению, выходящему за рамки средств правовой защиты, столь же распространены в определенных кругах, как и случаи бесчеловечного обращения с рабами на Юге. Но это не помогает делу. Бедствия такого рода вызывают сожаление, независимо от того, происходят ли они на Севере или Юге. Наставление апостола касается каждого случая подобного рода: “Господа, давайте рабам вашим справедливое и равное, зная, что и у вас есть Господин на небесах”.

Но что может иметь в виду апостол под этим наставлением? Изложенный выше взгляд *направо* оправдывает отход от обычного направления мыслей по этому вопросу. Чтобы отдать то, что *просто* есть даровать ему, что это его право. Давать то, что является справедливым и равноправным, - это форма выражения, которая может ограничить термин “справедливый” его юридическим смыслом, то есть наделить его всеми правами, гарантированными ему законом. Эта команда особенно необходима в любом состоянии общества. Ибо какие бы преимущества закон ни предоставлял рабу, его подчиненное положение, а также более высокое положение и авторитет хозяина, по необходимости в его власти будет отменить положения закона в пользу раба. Но заповедь идет дальше этого: Отдавай своим слугам то, что является *равным*, *равноправным*, то есть правосудие в моральном смысле, или то, что является *правильным*— добром само по себе. Какие бы положения закон ни предусматривал в интересах раба, он мог быть закреплен за ним его хозяином как за рабом, и все же многие из его естественных и приобретенных прав могли быть упущены из виду, а требования христианского милосердия аннулированы. Однако, чтобы выполнить приказ, мы должны обеспечить рабу *равноправие*, а также юридическую справедливость: мы должны поступить с рабом так, как мы хотели бы, чтобы раб поступил с нами при изменении отношений. Нет необходимости повторять обсуждение этой темы в предыдущей лекции. Достаточно сказать, что хозяин не обязан давать своему рабу (не больше, чем родитель обязан давать своему ребенку) все, что тот пожелает, но все, чего требуют для него справедливость и равноправие, то есть все, что правильно или хорошо само по себе; или, если вам угодно, предоставить ему все его естественные и приобретенные права как рабу. Ибо это именно то, и не более, на что хозяин имел бы право при изменении отношений.

Теперь мы сталкиваемся с вопросом — Каковы права раба? Обязанности хозяина взаимны этим правам. Мы можем считать, что те, кто считает, как и Ченнинг, что отношения, которые они поддерживают как хозяева, предполагают, что их рабы не имеют никаких прав, находятся за пределами досягаемости разума. Если у хозяина есть какие-либо обязанности перед своим рабом, то это потому, что права раба дают ему право на добросовестное выполнение этих обязанностей со стороны своего хозяина. В Священном Писании нет более четко сформулированного вопроса, чем этот: хозяева несут строгую ответственность перед Богом за добросовестное выполнение определенных обязанностей по отношению к своим рабам. Библия бесспорно утверждает, что “господин относится к своему рабу, купленному за его деньги или рожденному в его доме, в отношениях, сильно отличающихся от тех, которые он поддерживает к наемному слуге, или чужаку в его воротах, или соседу вне их”. И поскольку он может быть хорошим соседом и все же ошибаться как муж и отец, так же он может быть хорошим мужем, хорошим отцом и все же плохим хозяином.

Обязанности, которые хозяин обязан выполнять перед рабом, так же обязательны для совести, как и те, которые раб обязан выполнять перед хозяином. Пренебрежение любым из них влечет за собой грех со стороны, проявляющей такое пренебрежение. Действительно, обязанности учителя столь же обязательны, как и обязанности любого родственника в жизни. По многим причинам они особенно торжественны. Это обязанности по отношению к подчиненным, а подчиненные находятся в беспомощном состоянии. Они вызывают к великодушию хозяина. Тот, кто пренебрегает этим призывом, не только нарушает долг, но и обнаруживает недостаток великодушия, граничащий с той низостью духа, которая наслаждается угнетением низшего, в то время как сама пресмыкается перед равным. Храбрый человек всегда великодушен, а великодушный человек редко пренебрегает правами беспомощных. *Опека*, как и авторитет, входит как элемент в идею мастера. Мастера - это не только правители, но и защитники. Если слугу обманывают по его вине, если с его желаниями не считаются и его обиды не улаживаются, или его притесняют иным образом, кому он может пожаловаться? Верно, его страдания не безмолвны. Его мольбы “доходят до ушей Господа Саваофа”. Но его единственное земное обращение обращено к его господину. Он разрешил или сделал это, и на совести раба лежит подчиниться, “больше не отвечая”. Его хозяин - его единственный земной защитник. Его гарантией того, что его учитель защитит его, является то, что у него тоже есть “Учитель на небесах”, который не уважает людей, и что ему принадлежит месть.

Согласно принципам, изложенным в четвертой и пятой лекциях, африканцы этой страны, как и несовершеннолетние, слабоумные и нецивилизованные люди, имеют право на управление и защиту, а также на такие средства физического комфорта и морального совершенствования, которые необходимы и совместимы с их судьбоносным положением. То, что они имеют право иметь как рабы, хозяева обязаны обеспечить им. Более высокое положение возлагает на них более высокие и важные обязанности. Хозяину, который игнорирует эти требования и притворяется оскорбленным любым, кто может заявить о них от имени раба, будет хорошо, если он подумает, что “вопли тех, кто сжал свои поля”, то есть требования тех, кто трудился на них и не имеет земного друга, чтобы отстоять свои права, услышаны Тем, кто сказал: “Отмщение за мной: я воздам, говорит Господь”. Но хозяева-христиане или даже люди с религиозными чувствами, которые всегда уважают требования бедных, находят удовольствие в том, чтобы заботиться о нуждах беспомощных, и не более чем о нуждах своих собственных рабов.

Человечность, требования религии и денежные интересы хозяина - все это объединяется, чтобы обеспечить соблюдение требований раба. Физическое и моральное начало человека так прекрасно сочетаются, и обязанности, которые мы несем одному, так естественно перетекают в обязанности, которые мы несем другому, что трудно провести четкую классификацию, особенно в случае рабов или детей. Следующее будет сочтено достаточно точным для всех практических целей:

I. Обязанности хозяев по отношению к своим рабам, рассматриваемые как “их деньги”: такие, которые касаются разумного труда и разумного времени для отдыха, жилья, одежды, питания, мер по борьбе с болезнью, их собственного времени и управляющих или надзирателей.

II. Обязанности хозяев по отношению к рабам, рассматриваемым как социальные существа: такие, которые касаются морального обращения, наказаний, супружеских союзов, семейных связей и обязанностей, касающихся женщин, детей и престарелых.

III. Обязанности хозяев по отношению к рабам, рассматриваемым как религиозные существа: такие, которые касаются домашнего и общественного обучения своих рабов принципам и обязанностям религии.

#### **I. Обязанности хозяев по отношению к своим рабам, рассматриваемые как “их деньги”: “ибо он и есть его деньги”, Исх. xxi. 21.**

1. *Рабы должны быть подвергнуты разумному труду.* Можно найти примеры, когда невежество с естественной склонностью к праздности или огромное богатство, соединенное со своего рода сентиментальной религией, которая исчерпывается болезненным сочувствием к бедным, приводит к пренебрежению тем великим законом природы, согласно которому рабы должны быть подвергнуты труду. Многие предаются праздности. Праздность - преступление для любого человека. Даже те, чье богатство и социальное положение в обществе позволяют им предаваться праздности, не подвергаясь обычным наказаниям, тем самым наносят обществу огромное зло. А для тех, кто может быть занят только на низших общественных должностях, предаваться праздности - значит создавать помехи. В Южной стране есть семьи, чьи рабы могут рассматриваться только как помеха. Иногда к этому приводит невежество, но чаще всего распущенные привычки хозяина. Опять же, в некоторых случаях вдовы, нажившиеся на рабах, представляют примеры того же самого. Как правило, они не в тех обстоятельствах, чтобы управлять фермой без помощи умного и рассудительного управляющего. Но болезненное сочувствие, соединенное, возможно, с бережливостью, препятствует найму такого человека. В результате рабы предаются великой праздности. Семьи иногда распадаются по этим причинам, и рабы продаются с молотка. Разрыв семейных уз, который при данных обстоятельствах вызывает столько сожалений, часто связан с этими источниками. Но задолго до этого результата рабы считались и ощущались как досадная помеха по соседству. Многие разумные и гуманные соседи, которые сожалеют о распаде семьи и вытекающих из этого разлуках, вынуждены признать, что эти бедствия, в конце концов, являются наименьшим из зол. Следовательно, рабы должны быть подвергнуты физическому труду. “Если кто не хочет работать, тот и есть не будет” — так сказал Бог, и хозяин, который пренебрегает этим ради себя или своих рабов, придет к бедности; и это будет наименьшей частью зла.

*Но рабов следует подвергать только разумному труду.* Существует избыток физических нагрузок, который конституция не может выдержать. Законы природы нельзя нарушать

безнаказанно. Рано или поздно последствия проявятся. Чрезмерный труд приведет к особой склонности к болезням, преждевременной старости или смерти. За безрассудным трудолюбием, длившимся несколько лет, последовали все эти материальные потери и огромное моральное зло. Тот, кто выходит за пределы, установленные Богом для человеческого труда, поплатился здоровьем, если не жизнью. “Уговаривать или подкупать своего раба выйти за этот предел - жалкая экономия; заставлять его делать это - жестокость”. Состояние погоды является важным элементом при определении объема работ, который может потребоваться в разумных пределах. Всегда следует учитывать экстремальные температуры или холод, а также ненастную погоду, дождь или снег. Африканские рабы сравнительно мало что могут сделать в очень ненастную погоду. Разумный хозяин будет учитывать крайности жары и холода, и особенно последнее.

Подходящие инструменты или орудия труда составляют еще один важный элемент при определении объема рабочей силы, который может быть разумно затребован. Со стороны фараона было жестоко навязывать израильтянам “ту же историю с кирпичами”, не снабдив их обычным “количеством соломы”. Исх. ст. 7, 8. Столь же несправедливо требовать от своих рабов обычной дневной работы, если вы не в состоянии снабдить их инструментами, необходимыми для ее выполнения. Тупой утюг или рукоять неправильной формы потребуют гораздо больших затрат физической силы для достижения определенного результата. На данный момент в южном обществе определено царит зло. Многие люди небрежно относятся к виду и качеству своих сельскохозяйственных орудий. Их рабы выполняют разумный объем работы, но ферма все равно не процветает. Иногда рабыню продают, чтобы покрыть расходы. Гуманные люди борются с тем, что они называют несчастьями. Те, кто менее внимателен к требованиям человечности, предъявляют необоснованные требования к своим работникам. Они достаточно близки к определенным соседям, чтобы видеть, что их земли хорошо обработаны, их ограждения хороши, их скот в хорошем состоянии, их дома опрятны и удобны как для человека, так и для скота, а их фермы носят вид бережливости; но они недостаточно близки, чтобы знать, что разница заключается в интеллекте или здравом смысле, которые руководят этими фермами, а не в дополнительном количестве труда, требуемом от рабов. Рабы на этих процветающих фермах, хотя их и заставляют соблюдать большое постоянство и систему в своем труде, не подвергаются такому тяжелому труду, как многие менее бережливые фермеры. Достижения науки в области трудосберегающих машин очень велики. Природные агенты оказывают человеку огромную помощь в его трудах. Они приспособливают его работу к его физическому строению, облегчают его позу и уменьшают усталость. С помощью острых инструментов, причем самых лучших, труд больше не является такой тяжелой работой. Действительно, труд облегчается тысячью простых и дешевых приемов. Наука позволяет нам выполнять с помощью одного человека работу двух или более человек практически во всех сферах жизни. Было бы большой практической ошибкой полагать, что это справедливо только для производственных предприятий. Это в равной степени относится к усовершенствованным методам ведения сельского хозяйства и улучшенным орудиям, с помощью которых выполняется труд на ферме. Фермеры с просвещенными взглядами предоставляют своим работникам преимущества новейших и наилучших усовершенствований в своей отрасли. Пытаться конкурировать с продукцией таких фермеров, требуя от них дополнительного труда, является большой несправедливостью. Ибо тот, кому приходится выполнять ту же работу, что и другому, имея только половину своих средств для ее выполнения, должен выполнить вдвое больше своей работы. “Легкость патентованной пружины” и “скорость локомотива” не более важны для

комфорта путешественника и экономии его времени, то есть денег, при завершении путешествия, чем усовершенствованные методы и инструменты ведения сельского хозяйства для удобства, экономичности и успеха фермера. “Но рабы беспечны, расточительны и разрушительны”. Таковы они, и такими, возможно, были бы и вы. Между рабами и любыми другими, кто работает на нас в черных кабинетах, почти нет разницы. Все подобные действия требуют руководящего разума для осуществления надлежащего разделения труда и наблюдения за каждым местом и за каждой вещью. Без этого бесполезно разглагольствовать о расточительности рабов. Если хозяин сам слишком ленив или расточителен для этого, он виновен: если у него нет к этому способностей, он пригоден для труда под руководством другого — то есть он годится на роль раба; но он не квалифицирован для руководства трудом других — то есть он не годится на роль хозяина.

*Рабам должно быть предоставлено разумное время для отдыха.* Все животные по своей природе нуждаются в отдыхе, получаемом от сна. Мышечной и нервной системе человека требуется не менее семи часов в сутки, чтобы восполнить потери за день активного труда. Это общее правило. Некоторые обходятся меньшим, некоторым требуется больше. Но в каждом конкретном случае есть предел, за который мы не можем привычно перейти, не пожертвовав здоровьем или жизнью. Конституция некоторых работающих людей может переносить большую потерю сна; но именно по тому же принципу некоторые конституции могут в течение длительного времени сопротивляться воздействию ежедневного употребления алкоголя. Но все же употребление алкоголя скажется, как и потеря сна.

Мы распрягаем вола, ставим лошадь в стойло, и вся ночь посвящена их отдыху. Но часто это не относится к усталому рабу, который трудился с ними весь день. Он удобен в требованиях, и для него можно найти множество дополнительных работ, прежде чем он отдохнет. Я говорю “отдыхает”, потому что сон - это не все, что требуется для отдыха. Есть время досуга, отдыха наяву, которое так же необходимо, как и сон. Ни один разумный мужчина не откажет себе в этом. За это раб имеет право на раннюю часть ночи. Никто не имеет права требовать, чтобы он весь свой отдых проводил с закрытыми глазами и погруженными в сон чувствами. Существует освежение ума, возникающее в результате отдыха от обычных занятий и занятия вещами, которые могут доставить удовольствие или послужить невинному удовлетворению, благодаря которым в определенной степени истощенный организм восстанавливается в той же степени, что и во время сна. Действительно, без этого “приятный сон” не является “приятным восстановителем сил”. Человеку, который усердно работает шесть дней в неделю, не нужно спать все воскресенье, чтобы восстановить свою истощенную систему. Происходит переход умственных занятий от бизнеса к набожности, и добродетельному уму присуща священная жизнерадостность этого святого дня, которая способствует восстановлению организма не меньше, чем прекращение работы и сон. Раб, как и его хозяин, имеет право на ночь. Что, если он потратит разумную ее часть на то, чтобы заработать пенни и обеспечить свой личный комфорт? Это дает покой его уму; это способствует его жизнерадостности; вместе со сном это оживляет всю его систему и делает его более ценным, а также более счастливым слугой. Кто же тогда откажет ему в этом даровании? Конечно, не экономист, который называет его своими “деньгами” и который любым другим способом снизил бы стоимость “своих денег” ниже номинала!

В Вирджинии — и мы не вправе думать, что в других Южных штатах ситуация существенно отличается, — рабам обычно предоставляется время для отдыха во время дневной трапезы и на

всю ночь, начиная с раннего наступления темноты. Ясным свидетельством экономичности этой системы является разительный контраст, который в некоторых случаях можно обнаружить на плантациях между рабами, с которыми обращались таким образом, и хозяевами определенного типа. Рабы толстые, холеные, жизнерадостные и долгоживущие: проводят свободное время в веселых беседах, пении или в тех маленьких личных кабинетах, которые придают эластичность уму и телу. Но не так с некоторыми хозяевами. Они спят столько же, то есть столько же лежат, сколько и их рабы; но их сон нарушается бессвязным чередованием тревожных мыслей этого беспокойного дня. Они не отдохнули. И разум, и тело изнашиваются из-за чрезмерного трения. Они приближаются к преждевременной старости; и усталые колеса жизни останавливаются задолго до назначенного времени. Некоторые хозяева лично очень трудолюбивы и предприимчивы: они работают бок о бок со своими рабами. Они хвастаются тем, что требуют от своих рабов не больше, чем от самих себя. Да, они делают больше, чем они, имея руководство и заботу о всех. Конечно, говорят они, мои рабы не имеют права жаловаться. Но это рассуждение не всегда справедливо. Может случиться так, что хозяин перегружает себя. Это не дает права перегружать своих рабов. Кроме того, он привносит в свою задачу физическую систему, в высокой степени стимулируемую той умственной деятельностью, которая толкает его вперед к великим свершениям. Он трудится до изнеможения и оттого еще больше наслаждается отдыхом. Не так с рабом, который работает рядом с ним. Когда он поддается переутомлению, его мысли не приносят утешения его уставшим конечностям. Хорошо, если у него недостаточно разума, чтобы сделать их источником еще большей протрации.

Опять же, мужчина-слуга и служанка, а также животное имеют право на остаток субботы. Более того, нам заповедано *“помнить день субботний, чтобы свято соблюдать его”*. Глава семьи должен не только делать это сам, но и следить за тем, чтобы все его домочадцы соблюдали субботу. Недостаточно, чтобы дети и слуги были свободны соблюдать субботу. Глава семьи должен следить за тем, чтобы все приготовления, необходимые для надлежащего соблюдения субботы, были сделаны должным образом, чтобы, хотя он требует соблюдения субботы, все домашние дела вели к ее соблюдению.

Во многих семьях есть определенные люди, без которых так трудно обойтись, потому что они настолько необходимы для потакания своим желаниям, что их часто лишают остатка субботы. Среди представителей этого класса есть две скромные, но очень важные персоны, о которых нет ни малейшего повода упоминать, а именно повар и кучер кареты. Для водителя кареты в некоторых семьях все дни одинаковы как *“дни отдыха”*. Он самый праздный персонаж в доме. Хорошо, если батрака в настоящее время не продают, чтобы поддержать его праздность. Но возница другой семьи сам тоже батрак. С ним ситуация может быть совершенно иной. Он может трудиться на ферме шесть дней в неделю, а день отдыха проводить в полировке сбруи, с экипажем и лошадьми. Если он едет в церковь, забота о его лошадях является, по крайней мере, предлогом для того, чтобы пренебречь проповедью; а если он едет, чтобы провести день с соседом, это не день отдыха и, возможно, не день развлечений. В любом случае, здесь мало дружеского общения, мало церковных привилегий и еще меньше возможностей для отдыха. С поваром может быть не лучше, а часто и не так хорошо. Действительно, суббота редко бывает днем отдыха с поваром. Чаще это день гораздо более тесного заключения. Тушение, запекание и запекание в духовке большую часть дня в субботу оставляет очень мало времени для отдыха, предусмотренного четвертой заповедью. Это зло на земле. Исправлять его должны здравомыслящие люди. По крайней мере, они могут исправить свою собственную практику, и при этом они многое сделают для реформирования привычек общества.

*2. Рабам должно быть предоставлено подходящее жилье.* Мы рассматриваем рабов как собственность и обязанность хозяев как экономистов. Согласно принципу хорошей экономии, рабы имеют право на жилье, достаточно просторное и прохладное летом, тесное и теплое зимой. И поскольку это стоит не дороже, почему бы не разместить их дома с должным учетом их здоровья, их удобства и уюта? Затем пусть они будут сгруппированы вместе на пологом склоне холма, и, поскольку известь дешевая, пусть все они будут аккуратно побелены. Кто будет возражать против небольшого садового участка, пристроенного к каждому? И почему там не может быть красивых рядов тенистых деревьев и аккуратных лужаек, на которых дети могли бы резвиться и где мужчины и женщины могли бы сидеть и наслаждаться восхитительным субботним вечером? Экономика не будет возражать против этого. Жалкие прокопченные лачуги в низких сырых помещениях, черные и неприятные на вид, в которых они иногда ютятся друг к другу, не могут быть слишком строго осуждены с точки зрения принципов экономии, равно как и принципов хорошей морали. Ибо если обитатели таких зданий не грязны, не деградировали и не воруют до такой степени, что существенно обесценивают их ценность, то это может быть только потому, что они являются исключительными примерами моральной чистоты.

*3. Рабы должны быть удобно одеты.* Все те семьи, чье самоуважение заставляет их учитывать свое положение в обществе, снабжают своих рабов удобной одеждой и уделяют особое внимание опрятности, а также комфорту тех, кто содержится в доме. Было бы признаком очень низкого уровня цивилизации, если бы этими вещами вообще пренебрегали.

Усовершенствования в производстве хлопка, шерсти и кожи были настолько значительными, что ничто иное, как это, не могло быть терпимо в приличном обществе. Наши рабы, без сомнения, в целом лучше питаются, одеты и обеспечены жильем, чем прислуга в большинстве европейских стран. Тем не менее, есть случаи пренебрежения, на которые следует обратить внимание. Те, кто уделяет мало внимания своему жилищу, обычно пренебрегают своей одеждой. Ноги должны быть обуты, когда на земле лежит иней; голова непокрыта в любую погоду; а тело далеко не защищено должным образом. Цвет кожи и тропическая одежда наших рабов делают их особенно подверженными простуде. Здоровье, а также комфорт требуют, чтобы они были тепло одеты в холодную погоду. “Дрожащий слуга - позор для любого хозяина”. Это экономия - время от времени продавать рабыню, а не позволять всем страдать из-за нехватки одежды. Но они также должны быть снабжены подходящими кроватями и постельными принадлежностями. Расходы на самом деле настолько незначительны, а экономия настолько велика, что хозяевам, заслуживающим уважения, нельзя простить пренебрежение этой обязанностью. Шелухи много на всех фермах, а хлопка много на многих, и его можно легко получить по низким ценам на тех фермах, где его не выращивают. Из этих изделий получают отличные матрасы, а последние обеспечивают самые превосходные удобства. Те дождливые дни, в которые рабам не следует разрешать заниматься спортом, следует использовать для изготовления этих изделий. Таким образом часто сохраняются здоровье и жизнь. Позволять рабам работать в грязи и лохмотьях в течение недели, а в субботу валяться или разгуливать в своих невытых лохмотьях следует строго порицаться. Не очень помогает делу, если время от времени бросать им тонкое одеяло, предоставляя свободу отдыхать везде, где они могут его найти. Такие хозяева оплачивают счета врачей дороже, чем стоило бы обеспечить своим рабам такой же комфорт, как у их более благоразумных соседей. Им стыдно. Мы не можем приписать им больше практического смысла, чем хорошей морали.

4. *Рабов следует хорошо кормить.* Качество, количество пищи и разумное время для того, чтобы съесть ее и освежиться, - вот идеи, которые входят в эту обязанность. Должно быть обеспечено достаточное количество хорошей сытной пищи, хорошо приготовленной. Мясо должно составлять значительную долю рациона работающего африканца. Ирландцы, это правда, едят очень мало мяса и живут хорошо, то есть такие, которые не погибают, но африканская конституция в этом климате требует мяса, и они должны иметь его, если будут полноценно трудиться. Их пища должна быть хорошо приготовлена. Для обеспечения этого ее должен готовить повар и есть за общим столом. Лишать работающих на ферме рабочих нормы мяса и муки, готовить их или добиваться их приготовления любым доступным способом слишком очевидно неправильно, чтобы требовать аргументации. Сила привычки у африканцев чрезвычайно упряма. Тем, кто к этому привык, очень по вкусу съесть лишенный питательных веществ кусок мяса, поджаренный на углях: они уступят с большой неохотой. Но, тем не менее, в этом плане следует уделить место лучшей подготовке общего стола. Отличная привычка рабов - есть медленно. Обычно в течение долгих дней им отводится около двух часов на то, чтобы поесть и освежиться в полдень. Это не должно быть слишком много. В летнюю жару всем работникам следует предоставить час отдыха после мясного ужина. Опять же, они имеют право на такое разнообразие, какое позволяет сезон. Уха раннего приготовления, спелые фрукты, дыни, картофель, жирный бульон - все это входит в их меню в должное время года и в ограниченных пропорциях. Лучше сделать все это, чем оплачивать счета врачей или соблазнять их на воровство. Я также не оспариваю обычай некоторых из наших лучших семей по особым случаям подавать на их столы все деликатесы "большого дома". Некоторые могут подумать, что это слишком много для рабов! Но привязанность южных рабов к семьям, в которых они родились и выросли, вошла в поговорку. И пусть северные фанатики верят и болтают, что им заблагорассудится, все равно верно, что практическое функционирование системы в целом, основанное на привитых здесь обязанностях, в значительной степени является причиной этой привязанности. Каждый здравомыслящий хозяин созерцает *телосложение* своих слуг с чувством гордости и удовольствия. Их внешность отражает его характер. Шайка полуголодных, плохо одетых, переутомленных рабов, у которых нет сердца смеяться или петь и даже нет той привязанности к своим хозяевам, которую испытывают бык и ослица, представляет собой отвратительное зрелище, столь же отвратительное для всех человеческих чувств, сколь и нарушение всех принципов экономии.

5. *Следует позаботиться о рабах во время болезни.* Важность каждой из обсуждаемых тем во многом определяется ее связью с этим. Разумный труд, время для отдыха и сновидения, жилье, одежда и пища - все это без исключения средства защиты от возникновения болезней. Тем не менее, эта тема заслуживает более пристального внимания. Все семьи должны иметь такие бытовые условия, которые предотвращают болезнь путем принятия соответствующих мер на случай ее возникновения, таких как комфортабельные квартиры и обычные удобства для ухода за больными. Все семьи и мануфактуры, на которых используется достаточное количество рабов, чтобы нуждаться в этом, должны иметь больницу, то есть дом, расположенный таким образом, чтобы расположение и внутреннее устройство были удобным местом для больных и в равной степени удобными для тех, кому, возможно, придется ухаживать за больными или не обращать внимания на тех, кто это делает. Экономичность такого устройства на крупных фермах заслуживает апробации. Это не только не поощряет хорошо известную склонность рабов определенного характера оставаться в стороне по пустяковым поводам, но и в значительной степени способствует пресечению подобных привычек. Если рабам разрешается

бездельничать в своих домах во время болезни, они часто могут ускользать от наблюдения и проводить свое время в праздности, когда им следовало бы быть на работе; а в случаях настоящей болезни они могут страдать от недостатка внимания. В плане больницы случай с каждым из них будет сильно отличаться. Если всем больным придется лечь в больницу и пройти курс лечения, у первых не будет такой возможности симулировать болезнь, а за действительно больными будет лучше ухаживать.

*6. То, что обычно называется их собственным временем, должно быть им строго предоставлено.* Помимо Рождества, в течение года часто бывают праздничные дни, и еще чаще в определенные сезоны - субботний полдень, использование которого закрепилось за ними как за *собственным временем*. Более предусмотрительные люди обычно тратят это время на возделывание сада, починку своей одежды, уборку в своих домах или различными способами зарабатывают несколько долларов, на которые можно приобрести небольшие модные или удобные предметы в виде мебели или одежды, которые хозяева обычно не поставляют. Некоторые хозяева устраняют необходимость в части этого, выращивая часть урожая и деля доходы от его продажи между собой исключительно в своих интересах. Никто, кроме тирана, который всегда является плохим экономистом, не станет пренебрегать их притязаниями на то, что известно как их собственное время. Любой другой человек, который попытался бы это сделать, вскоре научился бы чувствовать, что сила общественного мнения, даже среди рабов, как бы хорошо оно ни поддерживалось по этим вопросам, не заслуживает презрения. Требования рабов и права общества совпадают. Рабы с плантаций, которые могут быть не чем иным, как сборищем оборванцев, совершающих мелкие грабежи в нарушение прав насобственность по соседству, являются серьезной помехой. Общественное мнение этого не потерпит. Экономика такого хозяина настолько плоха, насколько угнетающей является его несправедливость к соседям.

*7. Стюарды или надзиратели.* Обязанность, которую хозяин возлагает на своих рабов при выборе человека, который будет стоять над ними, часто вызывает смущение и во все времена важна. То, что фермер имеет время и возможности сделать сам, он не должен нанимать агента, который делает это за него. Он заинтересован в этом больше, чем кто-либо другой, и будет соблюдать большую точность в выполнении своих обязанностей. Ни один экономист не наймет управляющего для управления своей фермой, если он может разумно обеспечить себе место за счет своего личного внимания. Одни нанимают их, чтобы они могли с меньшими потерями предаваться праздности; другие - потому, что они не доверяют собственному опыту ведения сельского хозяйства; третьи, опять же, потому, что более важные обязанности не позволяют им уделять необходимое личное внимание своим фермам. Но независимо от того, по той или иной причине, хозяин несет определенные обязанности перед своим рабом, а также перед самим собой, выбирая человека, который займет его место над ними. С экономической точки зрения права раба и интересы хозяина совпадают. Многие упускают это из виду. В роли управляющего может выступать трудолюбивый, но бессердечный деловой человек, который, заботясь об урожае, будет вставать поздно и рано и весь день усердно вести машину; но великие законы, которые регулируют взаимодействие труда, сна и покоя, будут странным образом игнорироваться таким человеком. Он может собирать урожай в течение года, возможно, в течение ряда лет; но стоимость личной собственности, так же как и земель, будет ежегодно снижаться. Нет никакой экономии в найме агента такого класса. Плантация - это империя сама по себе. Если территория велика, а подданные многочисленны, руководящий разум, будь то в качестве хозяина или управляющего, должен быть компетентен руководить надлежащим

разделением труда и управлять на принципах справедливости. В такой империи требуются таланты особого рода. Только доход от таких поместий оправдывает привлечение лучших талантов, поскольку за них всегда придется платить высокую цену. Хозяева с меньшим доходом не могут обладать лучшими талантами. Но в любом случае следует уделять должное внимание моральному облику человека, поставленного над рабами. Переданная ему власть обязательно обширна. Хотя он трудолюбив, ему не обязательно быть жестоким. Он должен быть полностью способен сочувствовать полуварварским подданным своей империи. Трудолюбие, хорошие моральные привычки и здравый смысл являются важными качествами руководителя. Отсутствие любого из этих качеств является полной дисквалификацией для должности. Быть самим по себе аморальным и способствовать развращению морали тех, кто ему подчинен, вовлекает хозяина, который его нанимает, в греховную вину, а также обесценивает стоимость его собственности. Когда найден человек трудолюбивый, здравомыслящий и добродетельный, следует приложить все усилия, чтобы пристроить его к поместью. Если он холост, его следует поощрять к женитьбе. Его положение должно быть сделано как можно более постоянным. Человек здравого смысла, который хорошо понимает, что ничто, кроме трудолюбия, осторожности, благоразумия и добродетели, не обеспечит его положения, будет из года в год давать такие хорошие урожаи, каких можно было бы разумно ожидать. Более чем справедливый урожай, как и все другие нечестные операции, где-то подразумевает несправедливость. Если это кроется в безмолвных горестях раба, то, к сожалению, хозяин в конечном итоге оказывается в проигрыше. Тот, кто таким образом удерживает своего управляющего с целью получения дополнительных урожаев, может быть уподоблен королю-варвару в Африке, но не заслуживает того, чтобы его причисляли к хозяевам цивилизованной жизни. Я думаю, что все хозяева обязаны ради себя и своих рабов уделять много личного внимания своим фермам.[8]

[8] Я пользуюсь случаем, чтобы привлечь ваше внимание к небольшой книге “Обязанности хозяев по отношению к слугам”, трем первоклассным эссе преподобных господ Х. Н. Мактиера, К. Ф. Стерджиса и А. Т. Холмса, опубликованной Издательским обществом Южных баптистов, Чарльстон, Южная Каролина, которому я признаю себя обязанным за несколько предложений по этой теме. Прочтите книгу.

## II. Обязанности хозяев по отношению к рабам как социальным существам.

Они имеют право на ограничения, защиту и поощрение, которые может обеспечить разумное применение системы хороших законов. Часть этого закреплена за ними гражданским правительством, но большая часть оставлена на усмотрение и верность хозяина. Гражданское правительство исходит из того, что денежные интересы хозяина и долг, который он несет своим рабам, настолько полностью совпадают, что выполнение определенных обязанностей может быть пристойно оставлено на его усмотрение. Он патриарх всего своего дома. Его семья - это его империя, подчиненная, это правда, гражданскому правительству, но все же империя. Он распоряжается временем и трудом своих детей и своих рабов — одних на определенный период жизни, других на неопределенный срок. Он дает закон тем и другим. До тех пор, пока он не нарушает конституцию и законы политического сообщества, субъектом которого он сам является, его власть абсолютна. К нему апеллируют все права его детей и слуг. Он несет ответственность перед гражданским правительством за то, чтобы не нарушать его положений, и он несет ответственность перед Богом за добросовестное выполнение своих обязанностей по

отношению к своим детям и своим слугам; за грех неисполнения своего долга по отношению к своим детям или слугам гражданская власть редко может привлечь к ответственности.

Долг хозяина по отношению к своим рабам как общественным существам состоит в том, чтобы давать им законы в пределах, установленных гражданским правительством, и управлять ими в соответствии с принципами справедливости.

Поскольку его империя постоянно находится под его присмотром или под присмотром его непосредственного агента, нет необходимости, чтобы он прибегал к своду законов, определенно составленному и официально объявленному. Как учитель в своей комнате и мать в своей детской могут иметь свои правила и добиваться их соблюдения без всяких формальностей, так и учитель может. Но эти правила должны относиться не просто к экономному использованию времени и труда раба, а должны быть адаптированы к его характеру как социального существа. Следовательно, предлагается не создавать свод законов для плантации, а обсудить определенные принципы, которые должны влиять на поведение хозяина в управлении его внутренней империей.

1. *Что касается наказаний.* Ни магистрат, ни родитель, ни учитель не должны носить меч напрасно. Неповиновение, которое во всех мудрых правительствах является злом, должно быть обуздано, а в крайних случаях - суровыми наказаниями. Было бы большой слабостью воздерживаться. Но при назначении наказаний, однако, должен действовать один закон. Они должны наноситься с целью исправления или как “ужас для делающих зло и похвала тем, кто поступает хорошо”, а не для удовлетворения страсти или негодования. Наказания, налагаемые просто из чувства обиды и часто повторяющиеся, имеют прямую тенденцию подавлять дух, притуплять интеллект, разрушать самоуважение и значительно ослаблять силу произвола. Такой человек по натуре приближен к животному и, по сути, едва ли сравним по ценности с обычной лошадью. Он человек, но в обстоятельствах, при которых у него мало мотивов для действий, превышающих те, которые влияют на животное существо, а именно, потворство своей животной природе, сдерживаемое только страхом перед предстоящим наказанием. Он не так полезен, как скотина, и гораздо опаснее, чем скотина. Раб, чьему чувству того, что правильно и подобает делать, нельзя доверять, и от которого ничего нельзя получить, кроме того, что вытягивается из его страхов, не представляет никакой ценности, если только это не для хозяина того же рода — то есть, как и он сам, животного. Расточительность и порочность этого курса не требует комментариев. Есть более превосходный способ поддержания власти, и соблюдение его как долга лежит на совести каждого господина не меньше, чем на его кошельке: это *наказывать только с целью исправления — не разрушать, а спасать.*

Наказания могут быть полезны как средство моральной дисциплины только в той мере, в какой они вызывают стыд и умерщвление плоти. Но у того, кто не уважает себя, не может быть стыда. Эффект наказания в таком случае теряется лишь постольку, поскольку оно может способствовать жестокому обращению с ним. Желание заручиться благосклонностью и сохранить доверие тех, от кого мы зависим, является высшей гарантией верности. Но только тот, кто уважает себя, будет ценить уважение и доверие других. И любому человеку трудно сохранить самоуважение, когда он знает, что его никто не уважает. В этом нет ничего невозможного; но только люди с большой моральной твердостью и сознательной честностью преуспевают в этом. Мы не имеем права ожидать этого от рабов. Они повсеместно признают

превосходство белых в интеллекте. И от одного из них, привыкшего с раннего детства слышать, как его поносят в компании и унижают резкими эпитетами за его глупость и непослушание те, кого он считает выше себя во всем, нельзя ожидать, что он вырастет с необходимым самоуважением. Действительно, было бы странно, если бы даже тот, кто был лучше воспитан, смог сохранить свое самоуважение при таком обращении. А без самоуважения наказание не может иметь морального эффекта. Почему же тогда мы должны таким образом грешить против Бога? Насколько лучше относиться к совету Павла: *“И вы, учителя, поступайте с ними так же, воздерживаясь от угроз, зная, что и ваш Учитель на небесах”*. Ефесянам vi. 9. Он повелел слугам служить своим *“господам в простоте сердца, как Христу”*, *“с доброй волей, служа как Господу, а не человекам”*. Затем хозяевам приказывается *“поступать с ними так же, воздерживаясь от угроз”*; то есть тщательно избегая всех тех поспешных, несправедливых и раздражительных нареканий, которые проявляются в пустых угрозах или брани, исполняйте свой долг по отношению к своим слугам как акт долга перед Богом; или, с целью его одобрения, управляйте ими в соответствии с принципами справедливости, равноправия и доброты — помня, что ваш Господин находится на небесах, в снисхождении которого вы, возможно, нуждаетесь больше, чем сейчас по отношению к своим слугам.

“Я хочу быть добрым к своим слугам; но они часто бывают такими порочными, что не позволяют мне сделать их положение настолько комфортным, насколько я хотел бы”. Иногда мы сталкиваемся с подобными замечаниями. Для этого часто есть много причин. У наших рабов много недостатков. Они невежественны, беспечны, ленивы, а иногда и порочны. Все это во все времена досадно, а иногда и является большим искушением согрешить. Но тогда не следует забывать, что наши дети иногда доставляют нам больше хлопот и представляют более сильные искушения ко греху, чем могли бы сделать наши рабы. Обладая всей извращенностью рабов, их превосходный интеллект может сделать их гораздо более способными ко злу. Но все же они наши дети. Самым мудрым и лучшим родителям придется закрывать глаза на великое множество недостатков и в конечном счете молча переносить многое, что невозможно скрыть. Родитель, который делает все возможное и вверяет результаты Богу, в конце концов обнаружит, что все получается намного лучше, чем предполагали его страхи. Итак, наши рабы по-прежнему принадлежат нам. Они - Божьи бедняки, преданные нам. Мы должны контролировать и защищать их ради их выгоды, а также работать с ними ради нашей общей выгоды. У них есть большие недостатки. Тем не менее, они являются нашим наследием как во благо, так и во зло. Мы не можем разорвать отношения между нами и ними, так же как отношения между нами и нашими детьми. Мы не смеем выпускать их на волю в диких дебрях Африки, так же как не смеем допустить, чтобы на них охотились как на диких зверей из-за достижений высшей расы, с которой им нельзя позволять смешиваться. Управлять ими так же, как и работать с ними, является, таким образом, моральной необходимостью. В определенных случаях мы не можем выполнять свой долг без, возможно, больших проблем. Во все времена мы должны закрывать глаза на многие недостатки и мириться с некоторыми другими, которые невозможно скрыть. От этой войны нет избавления. Наказания, суровые наказания должны применяться время от времени. Каждому стабильному правительству иногда приходится удерживать власть сильной рукой. Это источник неприятностей для всех и часто причиняет сильную боль хорошим людям. Тем не менее, существуют мнения о положении африканцев, которые значительно облегчают проблему в целом. Многие из тех недостатков, которые являются источниками столь сильного раздражения, проистекают из *невежества и недостатка самоуважения*, и часто это их недостатки. Они по своей природе медленно учатся, отсюда и их невежество; и, возможно,

немногие приложили усилия, чтобы воспитать в них чувство собственного достоинства. Разве эти факты не говорят в их пользу? Опять же, какой хозяин, желающий поступать справедливо, может быть совершенно равнодушен к их хорошим качествам? Ибо нельзя найти более послушную и добросердечную расу людей, чем африканцы Южных Штатов. Готовность прощать, благодарность в их грубых представлениях об этом, гостеприимство к незнакомцам и привязанность к друзьям являются характерными чертами расы. Случаи неблагодарности и негодования являются исключениями, а не правилом. Доверьтесь, в таком случае, своим рабам, насколько эти качества позволят вам это сделать. Они не разочаруют вашу уверенность, по крайней мере, настолько серьезно, насколько это, вероятно, сделали бы многие другие, обладающие такими же возможностями. Уделяйте внимание их комфорту в мелочах. Это не будет стоить вам многого и продемонстрирует вашу заботу о них. Проявляйте должное уважение к их чувствам и их репутации. Это может стоить вам не более чем приятного взгляда или доброго слова. При соответствующих обстоятельствах никогда не отказывайтесь доверять им в том, в чем подобает доверять людям, занимающим низкое положение. Этот курс не останется без эффекта. Уверенность породит уверенность. Для того, чтобы человека уважали другие, необходимо добиться уважения к самому себе. При разумной степени самоуважения раба и уверенности в доброте и справедливости его хозяина его дисциплина не может не быть полезной. Он может наказывать за непослушание с большой твердостью и в заслуженной степени, и это не преминет вызвать стыд и унижение. Его власть будет “ужасом для злодеев и похвалой для тех, кто делает добро”. Общественное мнение его маленького содружества будет полностью поддерживать его администрацию. Советы, подсказанные возрастом, едкие шутки ранней зрелости и веселый смех молодежи - все это объединится, чтобы преподать преступнику ценный урок. Тот, кто управляет плантацией рабов без поддержки определенной доли общественного мнения, в конце концов оказывается в проигрыше. Некоторые хозяева делают вид, что презирают это. Грубая сила может поддерживать их; но нельзя пренебрегать общественным мнением даже такого скромного государства, как плантация рабов. Разумный и гуманный господин, который повинует апостольскому предписанию и поддерживает здоровую и разумную дисциплину среди своих рабов, будет повиноваться тому, что в равной степени подразумевается в другом предписании, и даст себе право на уважение и доверие своих подданных. Тираны, действовавшие в более широких и благородных областях, притворились, что презирают общественное мнение, и потеряли свои короны. Мелкие тираны, с которыми мы обращаемся, не могут не потерять уважения своих соседей. Невозможно уважать человека, политика которого наводняет окрестности бандой флибустьеров, и эта политика редко приводит к тому, что такой человек тоже оказывается в нищете.

2. *В отношении социального принципа.* Они социальные существа. Среди них есть те великие импульсы нашей природы, общая любовь к обществу и привязанность к полам, из которых возникают привязанность мужа и жены, любовь родителей к детям и детей к родителям, а также все различные модификации привязанности, возникающие в результате побочных и более отдаленных отношений. Помимо этого, существует чувство дружбы между людьми со схожими привычками и соответствующими занятиями. Все эти социальные принципы являются общими для нашего африканского населения. Любые доказательства обратного являются лишь доказательством низкого уровня цивилизации. Некоторым умам легко упустить из виду тот факт, что они *социальные*, а не *простые* разумные существа. Но среди них можно найти все элементы простого общества. Они объединяются, как и другие расы. Им не свойственно желать быть вместе и находить удовольствие в обществе друг друга. Они подчиняются общему закону

человечества. Эти элементы социальной природы порождают различные отношения и обязанности между собой. Они действуют не механически, а морально. Следовательно, их общество подвержено всем мутациям, конфликту прав и нарушению обязанностей, присущим любому другому простому обществу, при аналогичных ограничениях. Как и в любом другом обществе, эти отношения должны быть поняты и действовать в определенных рамках. Эти права должны охраняться соблюдением определенных обязанностей, подкрепляемых определенными наказаниями. В противном случае они могут собираться в стадо, как в дебрях Африки; но они не могут жить вместе как разумные существа. Ибо импульсы природы не исполняются, когда им позволено просто собираться в стадо. На данный момент у хозяина есть важный долг перед своими рабами. Его соблюдение в значительной степени будет способствовать их прогрессу в цивилизации и повысит ценность его собственности. Он является их гражданским законодателем и судьей во всех серьезных спорах, которые возникают между ними. Он не должен пренебрегать своими обязанностями. Он не должен считать ниже своего достоинства останавливать их ссоры с помощью власти и разрешать их споры с помощью своего рода судебного решения. Разумный человек не удовлетворится словами: “Не было переломано ни одной кости, никто не был убит или искалечен”, или: “Родился прекрасный ребенок”. Это не единственные вещи, которые касаются его интересов или его долга. Это не значит поступать так, как он хотел бы, чтобы поступали с ним. Гражданское правительство, которое защищает его, не стоило бы и десятой доли налогов, если бы оно больше не заботилось о защите его прав собственности и его счастья. Следовательно, его решения должны регулировать отношения в этом обществе, должны защищать такие права собственности, которые он допускает между ними, и обеспечивать соблюдение таких контрактов, которые он позволяет им заключать либо между их собственными коллегами по работе, либо с другими плантаторами. В то же время, когда он видит, что они удерживают себя в рамках положения, которое они занимают в большом сообществе белых, в котором они являются подчиненными членами, он должен видеть, что вышестоящие не подавляют их.

Первыми и наиболее важными из всех социальных отношений являются *брачные отношения*. Гражданское правительство не сочло разумным вмешиваться в это. Оно оставляет это на усмотрение хозяина. Его интересы и его долг дают высокую гарантию того, что он будет учитывать интересы своих рабов в этом вопросе. Он должен поощрять молодых к вступлению в брак. Он должен не только категорически запрещать объединяться в беспорядочные половые сношения, но и поощрять брак всеми подходящими мерами и влияниями. Для него является важным интересом и обязанностью заключать соответствующие браки со своими рабами дома. Он не должен стесняться покупать и продавать, чтобы заключать надлежащие браки между рабами на своей собственной плантации. А когда это невозможно сделать, он должен разрешить своим рабам вступать в брак с рабынями с соседней плантации. Во всех случаях должны быть предусмотрены отдельные квартиры для семей и отдельные дома, как только они будут предоставлены.

По причинам, которые нет необходимости перечислять, они особенно склонны к распущенности и особенно склонны осквернять брачное ложе. Ни один мастер не волен пренебрегать или не замечать этих безнравственных поступков. Он не должен позволять кому-либо вступать в брак, не понимая обязательств, вытекающих из отношений, и он должен обеспечивать соблюдение обязательств, связанных с супружеским ложем, насколько это позволяет его дисциплина. Обычай оставлять одну жену и брать другую должен быть категорически запрещен. Те хозяева, политика которых действительно делает этот обычай в

значительной степени необходимым, не могут подвергаться слишком суровому осуждению. Если бы рабы были простым имуществом, как утверждают аболиционисты, этому можно было бы найти извинения. Но сейчас этому нет оправдания. Обычай разлучать мужа и жену - пережиток варварской эпохи: любой джентльмен должен стыдиться этого. Нельзя ожидать, что цивилизация того времени одобрит это. Те, кто думает сохранить институт рабства при столь явном нарушении законов морали, могут ожидать безоговорочного порицания цивилизованного мира. Нет: брачные отношения должны быть сохранены. Чтобы поддерживать его, его нужно уважать. Беспорядочные половые сношения должны быть ограничены. Те хозяева, чья политика делает этот обычай в значительной степени необходимым, должны пересмотреть свою систему, и они должны пересмотреть свою систему, если только они не хотят продолжать оскорблять моральные чувства своих сограждан. Что касается меня, то я не чувствую себя вправе — и говорю как гражданин — относиться к брачным отношениям между рабами иначе, чем как к самым священным отношениям. Те браки, которые заключаются по доброй воле, ни один хозяин не должен чувствовать себя вправе нарушать. Ничто, кроме супружеской неверности или какого-либо тяжкого преступления, которое влечет за собой пожизненное заключение, изгнание или смерть виновной стороны, не может расторгнуть брачные обязательства. “Те, кого Бог соединил вместе, да не разлучит человек”.

Я уже говорил, что африканцы - добрая и послушная раса людей; но все же для них, как и для всех других варварских народов, верно то, что они имеют лишь слабое представление о моральном влиянии как элементе управления. Страх — это мотив, к которому они апеллируют во всех случаях, причем с самыми лучшими намерениями. Они почти не представляют себе ничего другого. Следовательно, какая бы власть ни была передана в их руки, она, вероятно, будет осуществляться с большой суровостью, возможно, с жестокостью. Многие хозяева пользуются услугами толкового слуги и делают его “главным”, вместо того чтобы нести расходы на надсмотрщика. Во многих случаях план удается на удивление хорошо. Но в большинстве случаев подобного рода у хозяина есть важный долг перед другими своими рабами: он заключается в том, чтобы не обращать внимания на использование делегированных полномочий и сдерживать склонность к чрезмерной строгости.

Есть и другие моменты, в которых эта тенденция может проявиться. Муж, скорее всего, проявляет это во власти, осуществляемой над женой, а и муж, и жена - во власти, осуществляемой над детьми. Часто обнаруживается, что муж избивает жену и иным образом жестоко обращается с ней. В припадках страсти некоторые из них бывают чрезвычайно жестоки. Дети воспитываются таким же образом. Они часто подвергаются жестокому обращению. Нетерпение, раздражительность и ошеломляющие удары составляют систему кают-компаний. Ребенок часто бывает отупевшим в раннем возрасте и, лишенный самоуважения, вырастает глупым, неряшливым и невыносимым прислужником. Таким образом, то, что сделало молодого раба источником стольких неприятностей на кухне, в спальне и столовой, началось с дисциплины в хижине и с тех, кто сам был хорошими слугами и кто, по большей части, намеревался смиренно выполнять свой долг по отношению к своим детям. Среди нас есть много семей с высокими моральными качествами, которые полностью пренебрегают дисциплиной в хижине. Они не принимают во внимание молодых негров и не интересуются обращением с женами. Это ошибка— большая ошибка. Она с огромной силой затрагивает интересы хозяина, а также семейное счастье африканской семьи и моральный облик подрастающего поколения. Долг господина неотложен. Он должен воздерживаться от проявления жестокости по отношению к женам. Он должен делать то же самое ради детей. И

его пример, и его наставления должны объединиться, чтобы ввести более прочную систему дисциплины. Хорошо обученный раб, уважающий себя, гораздо более ценен с любой точки зрения, чем глупый глазастый слуга. Капитан, который не снизойдет до того, чтобы уделить некоторое внимание дисциплине в каюте, должен довольствоваться последним.

*За больными и престарелыми следует обеспечить надлежащий уход. Недостаточно, чтобы для них были созданы условия: хозяин обязан им в том виде, в котором он обеспечивает их. Обычная сиделка может подать им немного лекарства, чашку воды, уложить на соломенную подстилку или поддержать их головы при смерти; но они социальные существа: их требования простираются далеко за пределы этих вещей, и долг хозяина непреложен. Это, конечно, не должно быть ниже услуги, оказанной добрым самаритянином. Тот, кто может освободить свою совесть без этого, стоит достаточно низко на шкале цивилизации, чтобы поменяться местами со многими знакомыми нам рабами. Человечество требует чего-то для больных и престарелых в плане комфорта, а также необходимости. Почему их друзья не могут почаще оказывать им помощь? Думаем ли мы, что среди них не действуют законы дружбы и кровного родства? Если это так, то мы ошибаемся; ибо они такие же социальные существа, как и мы. Зачем же тогда отказывать им в этом благе, когда оно может быть им предоставлено, как это часто бывает, за столь малую плату? Я не побоюсь сказать, что есть много обстоятельств, при которых любой гуманный человек позволил бы мужу и ребенку оставить даже поле для сбора урожая, чтобы, если того потребуют обстоятельства, помочь больной жене и матери и утешить ее в предсмертный час. И престарелый отец! Неужели ни один ребенок или внук не дотащит его шатающиеся конечности до ложа и не уложит его, чтобы он умер с миром? Должны ли все эти деликатные услуги, если они вообще будут оказываться, быть переданы в чужие руки? Неужели те, кто никогда не знал матери, кто никогда не заботился о бабушке или кого никогда не причисляли к их друзьям, будут оставлены совершать эти последние богослужения? Могут быть учителя, чьи дела или недостаток мышления могут заставить их быть невнимательными к социальным горестям больных и престарелых; но они должны помнить, что *“у них также есть Учитель на небесах”*. Хотели бы они, чтобы Он был так же невнимателен к их горестям в болезни и старости? Пусть они остерегаются *“, чтобы та же мера, которую они отмеряют, не была отмерена им снова!”**

### III. Обязанности хозяев по отношению к рабам как к религиозным существам.

Нет таких обязанностей, которые мы несли бы нашим рабам как “наши деньги” или как социальные существа, которые не приобретали бы дополнительного веса и важности из-за того факта, что они религиозные существа, и что, как таковые, мы обязаны им всеми этими обязанностями, а также еще более высокими и торжественными обязанностями. “Но я не христианин, и поэтому меня не интересует обсуждение этой темы”. Но я не осознаю, что нежелание называть себя честным человеком или пренебрежение стремлением быть честным человеком освобождает человека от обязанности быть честным: так же как и неспособность исповедовать христианство никого не освобождает от обязанности быть христианином. И вы, и ваши рабы - религиозные существа; и если вы не христианин, вы должны им быть, и Бог призовет вас к ответу за все обязанности христианской жизни, независимо от того, признаете вы этот долг в этом мире или нет. Ваши рабы пользуются правами, которые принадлежат религиозным существам в их обстоятельствах; и ваш долг обращаться с ними соответственно; и

нет ни одного хозяина, который не был бы привлечен к строгой ответственности за добросовестное выполнение этих обязанностей по отношению к своим рабам.

Религиозное чувство сильно в африканце. И его разум, и его сердце с готовностью откликаются на страх Божий, любовь к добродетели и надежду на небеса. Но они религиозные существа, находящиеся на низком уровне цивилизации. Их интеллект обычно туп. Они подвержены диким, экстравагантным и суеверным мнениям и, следовательно, сильным и неистовым религиозным эмоциям. У них, как предполагают некоторые, от природы нет более сильных чувств, чем у других. В этом отношении они не отличаются от варваров любой другой расы людей; но у них низкий уровень умственного развития. Следовательно, их воля не подкреплена теми мотивами, которые позволили бы им удерживать свое внимание на взглядах на истину, которые создают более сдержанный, содержательный и возвышенный тон христианских чувств. Из-за отсутствия просвещенных взглядов религиозное чувство проявляется в суеверном тщеславии, которое обычно приводит к диким, а иногда и неистовым чувствам. Нам нет необходимости останавливаться на зле такого положения вещей. Они слишком очевидны в своем влиянии на чернокожих, а часто через них и на детскую белых детей, чтобы требовать обсуждения. Вот что требует внимания: долг хозяина перед своим рабом - следовать тому курсу в управлении своей внутренней империей, который будет способствовать исправлению этого зла и подготовке его рабов к их судьбе в духовном мире, где различия между хозяином и рабом больше не будут существовать. Таким образом, помимо других, менее важных целей в той Божественной экономике, которая привела африканцев в эту страну, Бог, таким образом, вверил вам этих невежественных, этих страдающих бедняков. Он требует, чтобы вы заботились об их душах так же, как и об их телах. Последнюю из этих обязанностей вы можете выполнять исключительно в своих собственных интересах. Но каждое из них вы должны добросовестно выполнять, как ради Бога, так и ради общих интересов вас самих и ваших рабов. “И вы, учителя, поступайте с ними так же”, то есть, как показывает контекст, верно служите их интересам, и это во имя Христа, поскольку от них требуется верно выполнять ваши приказы, и это во имя Христа. Но как вы можете это сделать?

Вы должны предоставить им средства для публичного религиозного обучения. Владелец большой плантации рабов должен сам оплачивать расходы на служителя Евангелия для своих рабов. Более мелкие плантации должны объединяться, чтобы воспользоваться услугами священника. Владельцы еще более мелких плантаций в малонаселенных общинах белых должны видеть, что обычного предоставления министерских услуг по соседству достаточно для удовлетворения потребностей их рабов. Те, кто нанимает служителя или те, кто объединяется с другими, чтобы нанять человека, посвятившего себя религиозному наставлению своих рабов, должны видеть, что это человек непорочной жизни, здорового практического христианского опыта, простой в своем языке, знакомых манерах и пылкий духом. Он должен посвятить себя обучению детей устному катехизису, навещать больных, хоронить умерших и регулярно проповедовать Евангелие в субботу. На всех публичных богослужениях в субботу должны присутствовать как старые, так и молодые, причем в своих лучших одеждах. Учителя должны время от времени посещать все эти собрания. Наши миссии на плантациях являются прекрасными примерами рекомендуемой здесь системы. Суббота — христианская суббота — является великим воспитателем людей. Чистая кожа, воскресный костюм, дружеское общение - все это сочетается со здоровыми наставлениями с кафедры и сердечным приятием истины, чтобы возвысить человека по шкале бытия, сделать его лучшим слугой и лучшим гражданином — наследником вместе с учителем наследия святых во свете.

Те более густонаселенные общины белых, которые хорошо обеспечены христианским служением, должны предоставлять цветному населению достаточно возможностей услышать слово жизни и разделить благословения святой субботы. Хозяева должны позаботиться об этом. Они не выполнили свой долг, подписавшись на строительство церкви по соседству и заплатив немногопроповеднику. Их рабы также должны быть обеспечены. Если они сами не хотят попасть на небеса, их рабы могут попасть туда, и многие из них желают попасть туда. Их хозяева несправедливо лишают их средств. Во многих случаях не предусмотрены соответствующие условия. Дома маленькие. Рабам тесно. Они мало что слышат; по крайней мере, их не инструктируют. Еще большим недостатком этой системы в Вирджинии является то, что рабы плохо обеспечены пастырским трудом вне кафедры. Больных навещают редко. Мертвых хоронят только толпами. Таким образом, есть большие возможности для совершенствования. Почему хозяева по соседству не могут воспользоваться услугами своего служителя, чтобы регулярно встречаться после обеда на чьей-нибудь плантации в интересах рабов по соседству и навещать их больных? Я знаю многих мастеров, которые всегда готовы щедро поддержать своего служителя, если он согласится участвовать в этом служении. Почему бы ему этого не делать? Возможно, некоторые так и делают. Я был бы рад видеть, что эта система получила более широкое распространение, и особенно среди наших окружных проповедников. Они совершили бы великое благо. Я сомневаюсь, что можно найти лучшее средство для удовлетворения потребностей африканского населения в таких сообществах.

Но не только для того, чтобы восполнить этот недостаток, но и исходя из его собственной внутренней ценности, каждая семья должна уделять свое личное внимание удовлетворению религиозных потребностей своих рабов. Суббота должна быть днем отдыха, общения, религиозного обучения и наслаждения в каждой семье. Ни в коем случае нельзя исключать рабов или пренебрегать ими в домашнем хозяйстве. Первейшей обязанностью рабов является появление в чистой воскресной одежде. Все они должны знать, что их ожидают в церкви. Для инвалидов и престарелых должны быть предусмотрены средства передвижения. Старик, пожилая женщина, которые ухаживали за твоими родителями и которые перешли к тебе как наследники древнего рода; или, может быть, те, кто начал жизнь с тобой, нянчил твоих детей и помогал строить твой дом и твоё состояние, — неужели они будут забыты на склоне лет? Стоят ли они по-прежнему, чтобы прислуживать и помогать зарабатывать себе на хлеб; и когда веселая толпа устремится “на субботнее собрание”, заставит ли их тяжесть прожитых лет вернуться на свое место, потому что они боятся пройти пешком несколько миль? Этого не должно быть. Мы должны позаботиться о том, чтобы старики и немощные могли ездить на собрания. Я удивляюсь, что некоторые хозяева не боятся, что неблагодарный сын однажды накормит их в старости в отдельной комнате и с подноса, а не за семейным столом и у домашнего очага! К чести нашей системы, старые семейные слуги, как правило, пользуются уважением. Белые и черные уважают свой возраст и свое положение. Это правильно.

Но почему хозяин должен считать ниже своего достоинства созывать молодежь в субботу днем, приглашать всех рабов и устно разъяснять им истины и уроки нашей святой религии: что такое Бог; что такое Спаситель; что такое человек; что с нами будет, когда мы умрем; и как мы можем спастись? Простые формы этих истин, изложенные в нашем Катехизисе, каждый может сделать интересными для детей и поучительными для всех. Детей следует учить, заставляя повторять за нами и отвечать всех вместе. Их внимание будет привлечено, и они с готовностью уловят идею о множестве истин, которые могут побудить их бояться Бога и желать поступать правильно. Кроме того, это заставит их почувствовать, что вы заботитесь о них. Они будут больше думать о себе.

Они поднимутся по социальной лестнице. Они будут доставлять вам меньше хлопот. Они будут более счастливы сами по себе и, в конечном счете, разделят с вами радости рая. Многие из того, что здесь предписано, может и должен делать любой джентльмен, хотя он и не может быть христианином. Ему самому пойдет на пользу упражнение, которое это даст его уму в размышлениях на духовные темы.

Я не должен упускать из виду, что, говоря о долге *хозяина*, я использую этот термин в общем смысле — я обнимаю хозяйку. Все предписанные обязанности требуют сердечного сотрудничества хозяйки. Многие из этого, если вообще что-то делается, должно выполняться ею. У нее чаще всего хватает духу это делать. Она может это сделать и, при небольшом поощрении, сделает это, когда другие люди, возможно, не смогут или не захотят. Если, таким образом, хозяин не хочет быть первосвященником, а также законодателем в своем доме, пусть он, по крайней мере, возложит часть заботы о религиозных интересах рабов на свою жену, и особенно ту, которая касается обучения молодежи. Она также часто может нанять своих собственных детей для оказания помощи в этой службе. Это заинтересует их и научит.

Насколько я могу судить, я удовлетворен тем, что семьи Юга, в которых поддерживается надлежащая дисциплина и домашняя религия в том широком смысле, который охватывает как черных, так и белых, должным образом культивируются для поддержания хорошего порядка, мира и тишины, общей морали и всеобщего процветания во всем, что касается комфорта и счастья семьи, не имеют себе равных в истории страны.

КОНЕЦ.

---

Публикации медицинской церкви, ЮГ.

**"ДОМАШНИЙ КРУГ";** ежемесячное периодическое издание, посвященное религии и литературе. Преподобный Л. Д. Хьюстон, редактор. Super-royal octavo, 48 стр., каждый номер украшен одной или несколькими гравюрами.

**THE CHRISTIAN ADVOCATE,** религиозная семейная газета, выходит еженедельно. Преподобный Дж. Б. Макферрин, доктор медицинских наук, редактор. Цена \$1.50, обязательно по предоплате.

**ПОСЕТИТЕЛЬ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ;** ежемесячный иллюстрированный журнал, предназначенный для субботних школ. Преподобный Л. Д. Хьюстон, редактор.

Стоимость единичных копий - 25 центов в год; от 5 до 20 копий по одному адресу - 23 цента; от 20 до 50 копий - 20 центов; от 50 до 100 копий - 18 центов; от 100 копий и более - 15 центов.

**УТЕШЕНИЕ ОСИРОТЕВШИХ РОДИТЕЛЕЙ.** Преподобный Джон Торнтон. Тщательно переработанный, с введением и подборкой текстов для "Осиротевших", автор Т. О. Саммерс. 18то, полная позолота, 50 центов; позолоченные спинки, 40 центов. 24то, муслин, 30 центов.

Это идеальный драгоценный камень. Он будет высоко цениться в доме скорби. Приведенные здесь основания для утешения превосходно подходят для поддержания пораженного духа; и "Песни" как раз такие, которые христианин может петь с пользой "в ночь" тяжелой утраты и скорби.

## **МЕТОДИСТСКИЕ БРОШЮРЫ ДЛЯ НАРОДА.**

**Серия I. По церковному хозяйству. 12 брошюр по 25 центов.**

**II. По доктринальным вопросам. 12 брошюр по 25 центов.**

**III. О романизме. 24 брошюры по 30 центов.**

**IV. О воздержании. 12 брошюр по 15 центов.**

**ЛЕТО В СВЯТОСТИ. Цена, аккуратно переплетенная в муслин, 22 цента, с обычной скидкой оптовым дилерам.**

“Способность, пронизательность, точность характеризуют его работу. Его метод и доказательства в высшей степени поразительны. \* \* \* Эта работа ценна как доктринальный трактат и является уместным дополнением к методистской теологической литературе. Мы передаем это Церкви, всем, чьи взгляды на этот вопрос неоднозначны, и особенно тем, кто расходится с нами по этому поводу”. — Southern Methodist Quarterly.

**КРЕЩЕНИЕ: Трактат о природе, Бессрочности, Субъектах, Распорядителе, способе и использовании Таинства инициации христианской церкви. С Приложением, содержащим критику “Пороков крещения младенцев” доктора Хауэлла, таблицами, иллюстрирующими примитивный способ крещения, и проч. Томаса О. Саммерса. 12мо, стр. 252.**

Эта книга выдержана в красивом стиле и продается в розницу по цене 65 центов с обычной скидкой оптовым покупателям. Компетентные судьи, среди которых епископы и редакторы Церкви, высказались об этой работе с безоговорочным одобрением. Несколько тысяч экземпляров было продано очень скоро после ее первого выпуска. Доктор Макклиток, изд. Мет. Квар. В рецензии говорится: “Этот том отличается от обычных книг по этому предмету тем, что в нем довольно подробно рассказывается об ‘Администраторе крещения’ и об ‘Использовании крещения’ — моментах, на которые редко обращают внимание или, если вообще обсуждают, очень неадекватно, в современных трактатах. Он отличается от них также, и очень удачно, четкостью своего расположения, точностью, с которой стыки обсуждения согласуются друг с другом, и разборчивостью, с которой важные моменты выделяются решительно, в то время как второстепенные сравнительно отодвигаются на второй план. В приложении доктор Саммерс рассматривает ‘Пороки крещения младенцев’ Хауэлла с большой разборчивостью и некоторой суровостью. Мы сердечно приветствуем этот небольшой том как одно из лучших кратких изложений христианского учения о крещении, которое попало в поле нашего зрения”.

**ПРОПОВЕДИ УЭСЛИ с многочисленными указателями, тщательно подготовленные Томасом О. Саммерсом.**

Это элегантное издание в четырех томах, выпущенное 12 месяцев назад, специально для удобства служителей, воскресных школ и семейных библиотек. Цена 2,75 доллара — скидка 30%. скидка воскресным школам и оптовым покупателям.—Они также продаются в четырех упаковках в виде брошюр — цена 1,25 доллара.

**ПЕСНИ СИОНА. Дополнение к сборнику гимнов Церкви М.Е. на юге. Под редакцией Т. О. Саммерса. Цена 26 центов.**

Эта работа, о которой так громко просили, была воспринята с большой благосклонностью: церковная пресса называет ее именно той, которая была востребована. Она должна повсюду сопровождать сборник гимнов.

**ГРЕЧЕСКАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЦЕРКВИ: их история, вера и богослужение. 18то, стр. 179. Цена 30 центов.**

Мы никогда не встречали такого количества достоверной информации о восточных церквях в таком кратком изложении, как в этом аккуратном томе.

**ВРЕМЕНА ГОДА, МЕСЯЦЫ И ДНИ. Автор: Thos. O. Саммерс. 18то, стр. 110. Цена 25 центов.**

Цель этой книги - познакомить читателя с происхождением и значением названий, которыми обозначаются времена года, месяцы и дни, включая некоторые исторические, мифологические и поэтические связи предмета, и предложить такие моральные размышления, которые могут привести созерцательный ум через природу к Богу природы. Украшения красивы и наглядны.

**ДИАЛОГИ О ПАПСТВЕ. Джейкоб Стэнли. 18то, стр. 264. Цена 35 центов.**

Тщательно переработанное и прекрасно напечатанное издание превосходной книги: оно разошлось большим тиражом по обе стороны Атлантики.

**ЕВРЕЙСКИЙ МИССИОНЕР; Экзегетические и практические очерки о Книге Ионы. Преподобный Джозеф Кросс, Д.Д. 18то, стр. 242. Цена 40 центов.**

Эта книга является ценным вкладом в нашу церковную литературу — в ней представлены отличные исследования, она изобилует красноречивыми отрывками и ценными размышлениями. Гравюры и карты, иллюстрирующие Ниневию, обнаруженные Лейардом и другими авторами, придают работе большой интерес.

**ПРОГРЕСС: РАССМАТРИВАЕТСЯ С ОСОБЫМ УПОРОМ На ЦЕРКОВЬ М. Е. на ЮГЕ. Преподобный У. Дж. Саснетт из колледжа Эмори, стр. 320. Цена 80 центов.**

Это изящно напечатанный том объемом 12 миллионов экземпляров, содержащий 320 страниц. Сторонники говорят о нем как о книге, не представляющей общего интереса. “Домашний круг” говорит: “Эта работа представляет собой искреннюю просьбу и практический план прогресса Методистской церкви; тем не менее, при всей нашей любви к старым ориентирам и очевидном противодействии любому вмешательству в них, мы не сталкивались с чувствами или предложениями, которые мы не могли бы одобрить. Поэтому мы выражаем искреннюю надежду, что эта книга найдет немедленный доступ ко всей Церкви. Чем скорее мы все полностью придем к согласию по вопросам, которые в ней рассматриваются, тем лучше, и ее страницы внесут большой вклад в такое урегулирование”.

**АПОЛОГИЯ БИБЛИИ. В серии писем, адресованных Томасу Пейну, автору “Века разума”. Епископом Уотсоном. 18то, стр. 228. Цена 30 центов.**

Новое и элегантно напечатанное издание этого великого христианского классика.

**ОПРОВЕРЖЕНИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ ТОМАСА ПЕЙНА, не замеченное епископом Уотсоном в его "Апологии Библии". Автор: Thos. O. Саммерс. 18то, стр. 84. Цена 25 центов.**

Мемфисский христианский адвокат отзывается об этой работе как о “своевременной” — ввиду возрождения неверности в духе Томаса Пейна - и говорит: “Аргумент краток и лаконичен, но удовлетворителен”. Автор стремился сказать многое в нескольких словах. “Опровержение” прекрасно составлено. “Извинение” и “Опровержение” также связаны вместе, их цена составляет 45 центов.

**КРИТИКА ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ. От преподобного Р. Эбби Цена 5 центов.**

Это эссе имеет особое отношение к правительству баптистской церкви.

**ГИМНЫ ДЛЯ ШКОЛ И СЕМЕЙ, специально разработанные для детей Церкви. Под редакцией Т.О. О. Саммерс. Чистая цена для воскресных школ: доски - 10 центов; чалый - 21 цент. Розничная торговля - 30 центов; позолоченный чалый - 50 центов; марокко - 75 центов. Самые изысканные - драгоценные камни. Книга состоит из 384 страниц и содержит 600 гимнов.**

Как следует из названия, это сборник, специально предназначенный для детей Церкви, и он был составлен со способностями, исследованиями и вкусом, которые характеризуют работу опытного редактора отдела гимнологии. Мы не говорим слишком много в пользу этого, когда утверждаем, что в дальнейшем в этом направлении не остается ничего желаемого”. — Южный христианский защитник.

**УЧИТЕЛЬ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ; или Катехизическая служба. Автор: Thos. O. Саммерс. 18то, стр. 144. Цена 30 центов.**

В этой работе рассматриваются наиболее интересные вопросы, связанные с Системой катехизации — Квалификация учителя, трудности и поощрения. Она демонстрирует обязанности пасторов и учителей перед детьми Церкви и показывает, как они могут быть исполнены.

**СТАРЫЙ МАЙКЛ И МОЛОДОЙ МОРИС, или сельские пейзажи Англии. 18то, стр. 178. Цена 30 центов.**

Правдивая, увлекательная и поучительная книга.

**БЕСЕДЫ, ПРИЯТНЫЕ И ПРИБЫЛЬНЫЕ. Автор: Thos. O. Саммерс, 18то, стр. 146. Цена 30 центов.**

Темы этих диалогов - Сироты, Первомай, Птицы, Воздержание, Питер и Дань-деньги, Возмездие, Признание Друзей на Небесах. Стиль адаптирован к умам интеллигентной молодежи, гравюры красивы.

**"МИР ВОД". Автор Фанни Осборн. С иллюстрациями, два тома. 18то, стр. 186, 224. Цена 60 центов.**

Пара увлекательных и поучительных томов. Сказки и повествования увлекают, подобно рассказам моряков, в путешествие по миру вод. В описаниях и анекдотах сочетается очарование романтики с достоверностью правды.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЙ О НЕБЕСНОМ МИРЕ. Автор: Дж. Эдмондсон, 18 утра, стр. 249. Цена 35 центов.**

Аккуратное издание книги, которая стоит в одном ряду с "Упокоением святых" Бакстера, и это великое произведение в некоторых отношениях превосходит его.

**СУД НАД СВИДЕТЕЛЯМИ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА. Епископ Шерлок. Со вступлением Тех. О Лето 18-Е, стр. 137. Цена 30 центов.**

Это виртуозное произведение выдержано в удобной форме и красивом стиле. Введение содержит краткую биографию прославленного автора.